

ЛЕОНИД МЛЕЧИН
**ПРОЕКТ
«ВАЛЬХАЛЛА»**

ЛЕОНИД МЛЕЧИН

**ПРОЕКТ
«ВАЛЬХАЛЛА»**

МОСКВА
«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»
1983

84P7
M 72

М $\frac{4702010200-117}{078(02)-83} 177-83$

Объявление гласило:

«Ностальгический Восточный экспресс» — это один из поездов компании «Интрафлюг лимитед». Сегодня по расписанию рейс Цюрих — Стамбул. Цена билета — 1400 долларов, сюда включены стоимость питания, экскурсии и чаевые. Запланированы экскурсии из Цюриха, среди них однодневная поездка в Милан, стоимость приблизительно 175 долларов. Обращаться по адресу: Швейцария, 8127, «Интрафлюг лимитед» или США, Пенсильвания, 17253, «Экспресс интернэшнл инкорпорейтед».

Поезд стоял на пути № 13. Джексон направился к первому спальному вагону. Пока проводник втаскивал его багаж, Джексон окинул взглядом поезд. Первое впечатление было действительно ошеломляющим. Пульмановские вагоны и паровоз словно появились из фильма 20-х годов. Это была старина, но старина чистенькая, свежая, отлакированная. Джексон мысленно поблагодарил сотрудников посольства, посоветовавших «Ностальгический Восточный экспресс» для путешествия в Турцию. Вначале мысль потерять три дня в поезде показалась Джексону абсурдной. Особенно если учесть, что самолетом до Стамбула два с половиной часа.

Теперь, усевшись в мягкое кресло своего купе, он в полной мере мог оценить прелесть путешествия в этом экзотическом поезде.

По коридору прохаживался некто в цилиндре и фраке, с нафабренными усами и безукоризненными манерами. У него не было никакого видимого занятия, кроме учтивых бесед, которые он вел решительно со всеми, у кого на лице можно было прочитать хоть малейшее выражение скуки или неудовольствия.

Старый Восточный экспресс, предназначенный для комфортабельного путешествия из Европы в Азию, стал уже легендой, историей. Появление в 30-х годах воздуш-

ного сообщения означало конец Восточного экспресса: он не мог конкурировать с самолетами, доставлявшими пассажиров из одной части света в другую за считанные часы.

Но в эпоху моды ретро, тяги к пышности и роскоши прошлого предприимчивая железнодорожная компания вспомнила о былой славе Восточного экспресса. Спальные вагоны, построенные в 1926 году, были найдены и отреставрированы.

Джексон небрежно перелистал рекламный проспект, где расписывались достопримечательности, которые будут показаны пассажирам «Ностальгического Восточного экспресса». Экскурсии, музеи, исторические памятники мало интересовали Джексона. Он прибыл в Европу с деловыми целями, отвлекаться от дела ради собственного удовольствия он не привык. В Инсбруке и в Вене у него назначены важные встречи. Даже это трехдневное путешествие он использует с толком.

В дверь купе аккуратно постучали. Оглядев себя в зеркало, Джексон произнес:

— Пожалуйста.

В купе, широко улыбаясь, вошел человек, по внешности которого можно было безошибочно определить, что он родился за Пиренеями. Черная как смоль красивая шевелюра, смуглая кожа, пронзительный взгляд больших глаз-маслин, аристократическая осанка.

— Рад вас видеть, господин Гонсалвиш. — Джексон был подчеркнуто доброжелателен: пожалуй, на сегодняшний момент он больше нуждался в Гонсалвише, чем Гонсалвиш в нем.

— Я уже обследовал этот замечательный поезд, больше предназначенный для наслаждения, чем для передвижения, — сказал Гонсалвиш. — Здесь три вагона-ресторана. Но если вы еще не слишком голодны, я предложил бы отправиться в бар рядом с нашим вагоном.

Вагон-бар был почти пуст, пассажиры «Ностальгического Восточного экспресса» еще только вживались в атмосферу путешествия. Они уселись в кресла, обитые красным бархатом. Поперек вагона стояло пианино.

Джексон заказал два джина с тоником.

— Вы едете до конца? — поинтересовался Гонсалвиш.

— Да, у меня дела в Стамбуле.

— А я только до Вены.

«Все ясно, — подумал Джексон, — дальше на границах начинаются строгости, а с документами у него неважно. Интересно, чей у него паспорт?»

— Я рад буду повидать своих австрийских друзей, — продолжал Гонсалвиш. — Я их давно не видел.

— Это очень интересно, — заметил Джексон. — Я был бы рад, если бы вы потом написали мне о настроении ваших венских друзей.

Гонсалвиш внимательно посмотрел на Джексона.

— Какой именно аспект наших бесед может вас заинтересовать?

Джексон ответил не сразу. Он заказал еще раз джинс с тоником, отметив не без удовольствия, что выпивка дешева.

— Скажу вам прямо. Нам очень не нравится усиление негативных по отношению к нашей стране настроений, охвативших значительные слои жителей Старого Света. Все эти антиамериканские демонстрации в западноевропейских столицах, марши мира, сборы подписей под антивоенными воззваниями мы рассматриваем как непредвиденное и весьма серьезное препятствие нашим внешнеполитическим планам. Отзвук уличных манифестаций мы ощущаем и на более высоком уровне, там, где принимаются решения. Это весьма прискорбно. Думаю, что и вашим друзьям эта чрезмерная уличная деятельность не по вкусу. Я был бы весьма вам признателен, если бы вы, скажем, сообщили мне, что ваши друзья предпринимают какие-то меры для свертывания этой деятельности и стабилизации положения.

Гонсалвиш слегка наклонил голову, показывая, что он хорошо понял собеседника.

— А что касается нашей договоренности о самолетах, — добавил Джексон равнодушным тоном, — то она, насколько мне известно, выполняется вполне успешно.

— Да, да, — поспешил подтвердить Гонсалвиш. — Мы чрезвычайно благодарны за содействие. Оно поистине неоценимо.

Джексон снисходительно улыбнулся уголками рта.

— Я рад, что наши деловые отношения взаимно полезны. Теперь, если не возражаете, господин Гонсалвиш, мне бы хотелось мысленно перенестись в Испанию. В письме вы кое-что уже сообщили, но за это время, наверное, произошли какие-то события?

— Основную схему я вам действительно изложил в письме. Мы предполагаем, что все начнется...

Норберт Хартунг с неудовольствием посмотрел на себя в зеркало: опять порезался. Все-таки нельзя делать сразу несколько дел — и бриться, и думать о лабораторных расчетах, и слушать новости. Норберт сухо вытер лицо полотенцем. Он еще в детстве привык к утренней сводке последних известий. Так было заведено у них в доме с военных лет. Теперь вместо радио Хартунг включал телевизор, стоявший на полу в маленькой гостиной, и, пока брился, рассеянно слушал новости по первой телепрограмме. Надевая рубашку, Норберт вышел из ванной и направился к телевизору: пора его выключать. И остановился.

«...связь с кораблем так и не возобновилась. Первоначально предполагалось, что причина — неисправность радиоаппаратуры. Но невозможность связаться с судном в течение всего дня сочли плохим признаком. Когда «Генерал Шерман» опаздывал уже на четыре часа и по-прежнему не подавал о себе никаких вестей, в воздух были подняты самолеты морской авиации. Однако судно обнаружить не удалось. Поиски продолжаются. Сложность состоит в том, что связь с «Генералом Шерманом» отсутствовала практически целые сутки и теперь трудно точно установить координаты того места, где, как считают, судно потерпело аварию. Специалисты отвергают версию о столкновении с другим кораблем, поскольку не поступало сведений об исчезновении еще какого-либо судна».

Норберт слушал диктора с побелевшим лицом. На «Генерале Шермане», совершавшем рейс Гибралтар — Буэнос-Айрес, находилась его жена Маргарет.

В то утро, когда родственники трехсот пассажиров «Генерала Шермана», руководство паровой компании и спасательные службы строили предположения о судьбе судна, к тому же квадрату Атлантического океана, где шли поиски корабля, были прикованы мысли еще нескольких человек. Они уединились в одной из комнат вместительного здания, которое входило в пышный архитектурный ансамбль Лэнгли. Здесь разместилось Центральное разведывательное управление США.

Среди собравшихся только трое были сотрудниками управления, их легко можно было опознать именно потому, что они меньше всего отвечали традиционным представлениям о работниках ЦРУ и походили на уни-

верситетских профессоров. А вот их собеседники, которых скорее можно было заподозрить в принадлежности к спецслужбам, — они как раз и были профессорами. Точнее учеными-ядерщиками из Лос-Аламоса и Массачусетского технологического института.

Вопрос, поставленный перед учеными, требовал пусть пока и предварительного, с известной долей неточности, но немедленного ответа.

Вечером предыдущего дня оптические датчики американского разведывательного спутника «Орион», называемые бангометрами, зафиксировали вспышку — это было похоже на ядерный взрыв. Ни одна из стран, принадлежащих к атомному клубу, испытаний в этом районе ранее не проводила. Снимки, переданные со спутника, заставляли предположить, что ядерным оружием овладела еще одна страна. «В таком случае, — сказал директору ЦРУ президент США, когда ему доложили о снимках с «Ориона», — я требую ответа только на один вопрос: кто?» Но прежде всего специалистам следовало установить, что же в действительности зафиксировали датчики спутника.

Разведывательные спутники давно стали рутиной в управлении. Ежегодно с базы ВВС в Калифорнии запускались две-три 11-тонные махины, начиненные дорогостоящей аппаратурой. Обладая скоростью 18 тысяч миль в час, спутники огибали земной шар за полтора часа, во время каждого витка фотографируя интересные управление объекты. Срочные фотографии передавались на землю немедленно, подобно тому, как осуществляется трансляция телепередач; остальные кадры в особом контейнере сбрасывались на землю. При вхождении в атмосферу раскрывался парашют, замедлявший падение. Контейнер перехватывали прямо в воздухе (это было поручено особой авиачасти, расквартированной на Гавайях) либо вылавливали из воды.

Самое интересное состояло в том, что спутник «Орион», зарегистрировавший вспышку огромной силы, в ту ночь находился не там, где ему полагалось быть. Его вывели на орбиту более десяти лет назад, со временем навигационная аппаратура испортилась, и он двигался по непредсказуемой траектории. В принципе квадрат, который в ту ночь по собственной инициативе изучал «Орион», не интересовал ЦРУ и обычно не фотографировался. Таким образом, вспышку обнаружили совершенно случайно.

Все это сжато сообщил ученым пригласивший их сюда Уолтер Смит, над которым немного подтрунивали в управлении — он был тезкой одного из первых директоров ЦРУ — Уолтера Беделла Смита, по прозвищу Жук — и даже немного походил на него внешне.

— Нам не удалось обнаружить никакого выпадения радиоактивных осадков в результате взрыва, — добавил Гаррисон, другой сотрудник ЦРУ, из управления научно-технической разведки.

— Ну, это могла быть нейтронная бомба. Тогда объяснимо их отсутствие, а также малая мощность взрыва — всего две килотонны, — заметил один из физиков.

— А если это просто вспышка лазерного луча?

— Исключается, — отрезал Смит, — мы просмотрели множество снимков, регистрирующих лазерные вспышки: ничего похожего.

— Специалисты из нашего технического управления сообщили, что одна из лабораторий зафиксировала мелкую пульсацию в ионосфере через несколько часов после предполагаемого взрыва. Они просили сообщить это вам. — Гаррисон наморщил лоб. — Честно говоря, мы засомневались: при чем тут пульсация? Но там убеждены, что это было бы весьма странным совпадением.

Его слова прервал треск и грохот. Все обернулись. Молчаливый бородатый физик, который все время раскачивался в крутящемся кресле, все-таки умудрился рухнуть вместе с ним на пол. Смит помог ему подняться. Тот сдержанно поблагодарил и как ни в чем не было заметил:

— Не вижу ничего удивительного в совпадении. Я уж не говорю о том, сколько причин могли вызвать ионизацию. Но ведь лаборатория-то находится в нескольких тысячах километров от места, где, как вы считаете, произошел взрыв. А почему, собственно, мы тут все говорим о взрыве? Ваш спутник мог что угодно принять за взрыв: молнию, метеорит, который начал гореть в атмосфере. В конце концов, отражение солнечного луча с другого спутника.

— Я не хочу навязывать никому своего мнения, но в качестве гипотезы ядерный взрыв вполне допустим, — немолодой уже профессор из Лос-Аламоса говорил чуть картавя. Когда-то он еще совсем молодым участвовал в подготовке проекта «Манхэттэн» — создании первого

атомного взрывного устройства. — Вот что дает мне основания так считать: как нам сообщили, два датчика на спутнике, а не один, зарегистрировали двойную вспышку, что характерно для ядерного взрыва...

— На «Орионе» установлены два бангометра, — подтвердил Уолтер Смит, — высокой и низкой чувствительности — для подстраховки.

Физик кивком поблагодарил Смита за разъяснение.

— Двойную вспышку мы считаем бесспорным признаком атомного взрыва. Сначала возникает шаровидное образование, затем оно на секунду исчезает под воздействием ударной волны. Когда ударная волна рассеивается, шар появляется вновь, и его свечение становится почти в сто раз интенсивнее. Так и произошло в нашем случае. А пульсация, — закончил он, — также вполне объяснима: ударная волна прошла через тот участок ионосферы, который наблюдался в радиотелескоп. Вот и все.

Но это было далеко не все. Обсуждение продолжалось еще несколько часов. К нему подключились специалисты из комиссии по атомной энергии. ЦРУ не очень хотело допускать их, но председатель комиссии ультимативно потребовал этого на заседании Разведывательного совета США. «В конце концов, — не без ехидства заметил он, — наши сотрудники все-таки не менее других разбираются в атомных делах». У Смита скоро разболелась голова от бесконечных споров, ученые же углубились в такие научные дебри, что ни он, ни Гаррисон ничего не понимали. Им оставалось лишь терпеливо ждать, пока «высоколобые» (как их именовали в управлении) придут к единому мнению.

Лишь около полуночи окончательно уставшие ученые согласились принять гипотезу о ядерном взрыве малой мощности как заслуживающую доверия. Уолтер Смит пошел их проводить, а Гаррисон, сняв телефонную трубку, попросил соединить его с директором.

Через две минуты в трубке раздался резкий голос: — Слушаю.

Директор ЦРУ уже собирался ложиться спать в своем загородном доме, но медлил, ожидая этого звонка. Директор не был профессиональным разведчиком, остро чувствовал свою некомпетентность и отсутствие опыта старался компенсировать усидчивостью, вниманием к деталям, повышенной работоспособностью. Сейчас, слу-

шая Гаррисона, он, несмотря на позднее время, заставил себя сосредоточиться.

Еще утром ему позвонил помощник президента по национальной безопасности Уайт, до этого один из самых молодых профессоров Принстонского университета, автор десятка книг по ключевым вопросам международных отношений. Директор был почти вдвое старше Уайта, но, разговаривая с ним, ощущал явное превосходство собеседника.

— Ядерный взрыв у побережья Латинской Америки, — сказал Уайт, — может иметь самые серьезные последствия для Соединенных Штатов. Насколько нам известно, ни одна из стран, обладающих ядерным оружием, не проводит испытаний в этом районе. Да и мощность взорванного ядерного устройства слишком мала, чтобы предположить рутинное испытание. Остается думать, что еще одно государство овладело технологией изготовления атомной бомбы. И если это Латинская Америка, то я молю бога, чтобы оружие не оказалось в руках коммунистов. Латинская Америка — сфера наших жизненных интересов, и наш с вами долг позаботиться о спокойствии на континенте. Завтра заседание Совета национальной безопасности. Ваш доклад вы начнете со взрыва. Но для начала посоветуйтесь с учеными, только аккуратно, не то пронюхает пресса.

Только когда Уайт, попрощавшись, повесил трубку, директор понял, что слушал его, как студент профессора, даже не помышляя о возражениях. Эта мысль была неприятной. Уайт и в самом деле имел профессорское звание, но директор ЦРУ перестал быть студентом сорок лет назад и отвык выслушивать назидательные речи.

То, что сообщил теперь Гаррисон, не оставляло сомнений в том, что у берегов Латинской Америки произошел ядерный взрыв.

На заседании Совета национальной безопасности президент был в дурном расположении духа, подавал резкие реплики во время доклада директора ЦРУ, а потом заметил, что не понимает, чем занимаются парни из управления, которые стоят стране так дорого, если под самым боком у Соединенных Штатов кто-то сооружает атомную бомбу, а в Лэнгли ничего не знают.

Директор ЦРУ, как новичок в административном аппарате, в отличие от других чиновников всегда болезненно воспринимал замечания президента. Друзья отго-

варивали его от этого поста, предсказывали крупные неприятности, он их не послушал, но понимал, что любая неудача управления может положить конец его карьере.

Вернувшись из Белого дома, он вызвал к себе Аллена Фергюсона, который уже пять лет занимал ключевой пост заместителя директора ЦРУ по разведке, и предложил ему лично заняться «этим чертовым взрывом в океане».

Граф Гонсалвиш остановился в венском отеле «Зауэр». Превосходно проспав ночь, он не спешил спускаться вниз, где его ждал заказанный завтрак. Включив радио, он в некотором волнении расхаживал по номеру. И только услышав об исчезновении американского пассажирского судна «Генерал Шерман», Гонсалвиш успокоился. Он внимательно выслушал сообщение до конца и после этого отправился завтракать. У него появился аппетит.

Кристиан Редлих выскользнул из потока пассажиров в токийском аэропорту Нарита, поставил чемодан на асфальт и растерянно огляделся. Вот он и в Японии. Он долго не верил в возможность этой поездки. Трехмесячная стипендия и оплаченный билет до Токио — слишком большая роскошь, чтобы Мюнхенский университет, где Редлих преподавал историю международных отношений, мог себе ее позволить. И сколько бы декан факультета ни ходатайствовал перед ученым советом, напоирая на важность темы Редлиха, стипендии Кристиан никогда бы не получил, если бы ему не случилось переводить самого ректора в беседе с делегацией японских профессоров из Киото. Ректору понравился переводчик, и через месяц Кристиан составлял план стажировки в Токийском университете, ломая голову над тем, как бы успеть побольше узнать за эти три месяца, о которых еще недавно мечтал как о манне небесной и которые теперь казались ему столь короткими.

Какой-то японец нечаянно толкнул его, извиняясь, пробормотал: «Сицурэй симас» — «Простите» и побежал дальше. Кристиан взял чемодан и направился к такси. Он в Японии! Впереди три чудесных месяца. Ра-

бота в архивах, беседы со специалистами, неожиданные открытия.

На следующее утро, представившись в Токийском университете, Кристиан тут же помчался в библиотеку. По выбранной им теме было столько литературы, что с избытком хватило бы на десять диссертаций. Приятно было и то, что ему как стажеру разрешалось свободно разгуливать по нескончаемым проходам между стеллажами и самому выбирать на полках нужные книги.

Иностранных стажеров объединили в несколько семинаров. Кристиан начал заниматься у профессора Симидзу, в группе, изучающей новейшую историю Японии.

На второй день после приезда Кристиана Симидзу пригласил его к себе домой. С сожалением оторвавшийся от книг Кристиан утешал себя тем, что сможет познакомиться с бытом японской семьи. Но Симидзу жил в обычной, обставленной европейской мебелью квартире. Заглянув в первые две комнаты, Кристиан почувствовал разочарование. Но в этот момент профессор Симидзу распахнул дверь в гостиную, обставленную в японском стиле: без стульев и стола, пол сплошь устлан татами — соломенными циновками.

Симидзу сбросил туфли и в носках ступил на татами. Кристиан последовал его примеру. В дальнем конце комнаты на стене висел большой красный свиток. Кристиан хотел рассмотреть, что на нем изображено, но Симидзу усадил его спиной к свитку. Кристиан вспомнил, что почетного гостя положено усаживать именно таким образом. Второй гость садится слева от первого, третий — у противоположной стены, лицом к первому. Хозяин усаживается по диагонали к первому гостю. Когда Кристиан изложил Симидзу свои знания японских реалий, профессор покачал головой:

— К сожалению, все это отжило свой век. В комнате с европейской мебелью трудно следовать обычаю.

— А жена, кажется, всегда должна садиться справа?

— Да. Ведь тот, кто ниже рангом или старшинством, должен сидеть справа. Левая сторона считается почетной в Японии, — объяснил Симидзу. — Но теперь не поймешь, кто главнее — муж или жена.

Когда Симидзу смеялся, узкие щелочки глаз почти совсем закрывались. Кристиан же поражался прекрасно сохранившимся зубам Симидзу — все как на подбор крупные и белые.

Жена профессора, некрасивая, средних лет женщина, принесла подогретое сакэ. Кристиан вскочил, чтобы поздороваться с ней, но она чрезвычайно смутилась. Симидзу, взяв его за руку, потянул вниз:

— Садитесь, садитесь, Кристиан.

Жена Симидзу опустилась на колени и стала ставить перед Кристианом и профессором маленькие чашки. Потом поспешила за закусками. Весь вечер она сновала из кухни в столовую, принося все новые кушанья. Симидзу беспрерывно разливал сакэ — слабую и приятную на вкус рисовую водку. От выпитого он покраснел, на большом с залысинами лбу выступили капли пота.

Кристиан наслаждался японской кухней. Он норовил попробовать из каждой чашки, стараясь угадать, чем его угощают.

— Это суси, — предложил Симидзу. — Его очень просто приготовить. Отваривают рис, добавляют уксус, сахар и соль. Затем быстро остужают и перемешивают с овощами или мелко нарезанной рыбой. Мы с женой любим суси.

— Вкусно, — похвалил Кристиан.

Очень скоро Кристиан убедился, как неудобно с непривычки сидеть по-японски. К концу трапезы поджатые ноги сильно затекли и онемели. Он стал ерзать на татами, стараясь найти более удобное положение. Внимательный Симидзу немедленно предложил перейти к нему в кабинет, чтобы там выпить кофе.

— Я думаю, что вы уже удовлетворены знакомством с татами, — невинно заметил Симидзу, — тем более что у нас они не такие красивые — повытерлись, пора менять. Татами и жена хороши, когда новые.

За кофе Симидзу поинтересовался, как Кристиану понравилось в университете, чем он может быть полезен молодому коллеге.

— Меня интересуют отношения между Германией и Японией в тридцатые годы, — сказал Кристиан, — то есть период после прихода к власти Гитлера и до начала мировой войны. Я надеюсь ознакомиться здесь со всеми японскими материалами на эту тему.

— В таком случае вам будет небесполезно встретиться с одним из моих друзей, который давно изучает сходства и различия во внешней и внутренней политике двух стран между двумя мировыми войнами, — предложил Симидзу.

— Как его фамилия? Может быть, я что-то читал из его работ? — заинтересовался Кристиан.

— Нет, он печатается крайне мало. Но я могу свести вас. Скажем, послезавтра, в субботу.

Кристиан охотно согласился.

В субботу утром после семинара профессор Симидзу подтвердил приглашение.

— Коллега придет ко мне вечером в гости. Жду и вас часам к семи.

Кристиан отправился в гости на такси. Он рассеянно смотрел в окно. Перед светофором такси остановилось. Рядом затормозила другая машина. В ней сидел один пассажир, по виду тоже иностранец. Лицо пассажира казалось ему странно знакомым. Он посмотрел на него вновь: в соседней машине сидел Норберт Хартунг, старый мюнхенский знакомый, муж Маргарет Линденберг, с которой Кристиан когда-то учился на историческом факультете. Маргарет занималась археологией и вечно торчала в экспедициях. Норберт был физиком, ему прочили большую научную карьеру.

Кристиан попросил шофера высадить его, вышел из такси и Хартунг.

— Вот это неожиданность! Совершенно не думал, что ты способен на столь дальнее путешествие. Ты вместе с Маргарет?

— Маргарет скорее всего уже нет в живых, — ответил Хартунг, отвернувшись.

— Что? — с ужасом переспросил Кристиан. — Что случилось?

— Утонул корабль, на котором она плыла в Буэнос-Айрес. Ты же знаешь, в последние годы она увлекалась археологическими изысканиями в Латинской Америке.

— Подожди, — сказал Кристиан, — расскажи мне все по порядку.

Они просидели довольно долго в небольшом баре, где, кроме них, никого не было в этот час. Хартунг рассказывал, а Кристиана не покидало ощущение, что все это сон.

— Когда я немного пришел в себя, — продолжал Хартунг, — я попытался выяснить, что же все-таки произошло с судном. Никто не мог мне ничего сказать. Это были страшные дни. Я потерял сон, не мог работать, у меня дрожали руки... Ты не можешь себе представить,

какое это горе для меня. Я безумно люблю... любил Маргарет. Начались галлюцинации, мне повсюду мерещилось ее лицо. Тогда я понял, что должен что-то сделать. Я боялся оставаться один в нашей квартире, где каждая вещь напоминает Маргарет. Я улетел в Аргентину, там продолжались поиски судна. Они обследовали участок океана, где могли остаться хоть какие-нибудь следы, но ничего не нашли. Ничего! Ни обломков, ни масляных пятен, ничего. Компания, которая вела поиски, торопилась покончить с бессмысленной, с ее точки зрения, тратой денег. Страховой полис компенсировал гибель «Генерала Шермана». Покрутившись положенное время в океане, спасательные службы прекратили поиски. Я был в отчаянии, так же как и еще несколько прилетевших туда родственников пассажиров «Шермана». Узнав об окончательном отказе компании продолжать поиски, я в невменяемом состоянии вернулся в гостиницу и стал писать письма...

— Кому?

— Всем! Президентам США, Аргентины, Федеративной республики, Генеральному секретарю ООН... Не знаю почему, но мне пришло в голову, что гибель судна произошла в результате военных маневров неизвестной державы. И тут начали твориться странные дела. Вернувшись из нашего посольства, я обнаружил, что мой номер кто-то основательно распотрошил: шкафы распахнуты, вещи на полу, бумаги разбросаны по всей комнате... Администрация гостиницы клялась, что их служащие ни при чем. Пришли полицейские, покрутились и ушли с кислыми лицами, дав понять, что вряд ли удастся обнаружить преступников. Самое удивительное, что ничего не украли, хотя в номере я оставил почти все свои наличные деньги.

Хартунг внезапно замолчал. По его лицу опять пробежала нервная гримаса. В баре стукнула дверь, Хартунг вздрогнул.

— Ты ведь знаешь, у меня, кроме Маргарет, никого не было. Родители погибли, близких родственников не осталось.

Кристиан знал эту печальную историю. Отец и мать Хартунга погибли в последние дни войны. Тогда же пропал без вести и отец Маргарет, а мать умерла, когда девочке было всего шесть лет. Возможно, горькое одиночество каждого из них в детские годы и толкнуло их друг к другу.

— А как ты оказался в Японии? — спросил Кристиан, ошеломленный рассказом.

— На, почитай, — вместо ответа Хартунг протянул уже довольно измятый конверт без надписи. — Мне подсунули его под дверь.

Кристиан вытащил из конверта небольшой листок. Там было несколько машинописных строк:

«Мистер Хартунг!

Если Вас интересует судьба Вашей жены, исчезнувшей вместе с экипажем и пассажирами «Генерала Шермана», приезжайте в Японию. На главном почтамте Токио Вас будет ожидать письмо «до востребования». Это единственная возможность узнать, что случилось с Маргарет Хартунг (урожденной Линденберг)».

— И все? — спросил Кристиан.

— И все.

Хартунг забрал у него письмо и аккуратно вложил его в бумажник.

— И ты прилетел в Токио?

— А что мне оставалось делать? — вопросом на вопрос ответил Хартунг.

— Да, но... — Кристиан не знал, что ответить. — Ты не стал обращаться в полицию? А что, если это какие-то преступники?

— Зачем я нужен преступникам? — возразил Хартунг. — Денег у меня немного. Тайн я никаких не знаю, наследства не жду. Ради того чтобы узнать что-то о Маргарет, я готов на все.

— Что же ты собираешься делать?

— Я уже был на почтамте — помчался туда прямо из аэропорта. Да, — утвердительно кивнул он на безмолвный вопрос Кристиана, — письмо и в самом деле ожидало меня.

Хартунг выложил на столик такой же белый конверт, только поновее. Кристиан нетерпеливо потянулся к нему. Как и первое, письмо было написано по-английски:

«Мистер Хартунг!

Ту информацию, которая Вас интересует, Вы сможете получить, только если сохраните все в тайне. Не вздумайте сообщать о письмах в полицию! Как Вы понимаете, мы контролируем каждый Ваш шаг».

Дальше Хартунгу предлагалось в половине десятого вечера отправиться на пригородном поезде в местечко, о котором Кристиан никогда не слышал, и разыскать

там Накамура-сан. Название улицы, номер дома, и все. Никакой подписи, никакой даты.

— Я решил, — сказал Хартунг, — я поеду. Я всегда был реалистом и понимаю: девяносто девять процентов из ста, что Маргарет уже нет в живых. Но один остается! Я никогда не прощу себе, если упущу этот шанс. Кто-то знает хоть что-то о Маргарет. Иначе зачем меня зазывают в Японию? А то, что он не сообщает своего имени, конспирируется... Мало ли по каким причинам человек желает скрыть свое имя. Даже если он преступник, я ему не судья. Пусть только скажет, что с Маргарет.

Он сгорбился над столиком. Хартунг, блестящий молодой физик, светлая голова, каким его знал Кристиан, всегда мыслил точно и четко, но сейчас перед ним сидел человек, раздавленный несчастьем, и, сколько бы он ни пытался поддержать в себе надежду, обреченность проскальзывала в его словах. Кристиан понял, что бесполезно отговаривать, приводить какие-то доводы. Они молча поднялись.

Хартунг посмотрел на часы:

— Я поеду в гостиницу. Как тебя здесь разыскать?

Кристиан записал ему адрес и телефон.

Хартунг кивнул:

— Я позвоню тебе завтра.

Он остановил такси и уехал. Кристиан долго смотрел ему вслед, так и не решив для себя, как ко всему этому относиться. Только сейчас он вспомнил о приглашении в гости и позвонил профессору Симидзу. Сославшись на нездоровье, просил его извинить и, если можно, перенести приглашение на другой день.

Весь вечер Кристиан просидел у себя в комнате с раскрытой книгой, прислушиваясь к каждому звуку. Работа не шла. Он ожидал каких-то известий от Хартунга, хотя понимал, что тот позвонит не раньше утра.

Ночь он провел плохо, ворочался, не мог уснуть, то открывал, то закрывал окно, снотворного не оказалось, а беспокоить хозяев не решился. Мысли о Хартунге не покидали его. Он заснул только под утро, но в семь вскочил как ужаленный: приснилось, что его зовут к телефону.

Однако Хартунг не позвонил ни в восемь, ни в девять, ни в десять. Кристиан, нарушив распорядок, остался дома. Он ругал себя последними словами за то,

что не поехал вместе с Хартунгом. Время шло, и он начал беспокоиться всерьез. Хартунг не знает ни языка, ни страны, он не в себе и легко может стать добычей преступников, размышлял Кристиан.

Хартунг так и не дал о себе знать до конца дня.

Около полуночи Кристиан, не выдержав, поехал в гостиницу, где остановился Хартунг. «Да, — ответили ему, — он оставил у нас вещи вчера и с тех пор не появлялся».

Утром Кристиан зашел в посольство ФРГ. Он долго прождал в приемной. Наконец какой-то совсем молодой сотрудник принял его, показывая всем своим видом, что чрезвычайно торопится. Не успев дослушать, замахал руками и, поднявшись, сказал:

— Заявляйте в отдел по делам иностранцев токийского полицейского управления. Это их дело.

Кристиан поехал в полицейское управление.

Полицейский чиновник долго его расспрашивал, тщательно записывая ответы.

— А вы не помните название местечка, куда приглашали вашего друга?

— Нет, ведь я видел письмо буквально минуту.

— Давайте вспоминать, — настаивал чиновник.

Кристиан развел руками. Тогда чиновник стал медленно один за другим называть пригородные районы Токио, и Кристиан вспомнил.

Разыскав нужную карту, чиновник перечислил названия улиц. Профессиональная память историка не подвела Кристиана... С номером дома было еще проще. Правда, фамилию человека, которого следовало разыскивать, он забыл начисто. Помучив Кристиана еще с полчаса, чиновник отпустил его, пообещав, что «токийская полиция приложит все силы для розыска вашего пропавшего друга».

Когда чиновник остался один, он снял трубку и уверенно набрал номер. Назвал себя.

— Приветствую тебя, старина, — раздался бодрый голос на другом конце провода. — Что новенького?

— Мак, — полицейский чиновник легко перешел на английский, — ты интересовался этой новой группой, ну, партией «Движение за Великую Японию», так?

— Да. Есть что-нибудь?

— Мы знаем местечко, где они снимают домик для своих встреч. Так вот, туда же заманивают какого-то странного западного немца, и тот исчезает. Довольно

подозрительная история, тебе не кажется? Может, заинтересует? Фамилия немца — Хартунг.

— Подъезжай, — ответил его собеседник и повесил трубку.

Полицейский чиновник аккуратно положил протокол беседы в папку, которую спрятал в сейф, а копию взял с собой. В местной резидентуре ЦРУ, куда он направлялся, хорошо платили за интересную информацию. Сотрудники отделения по делам иностранцев токийского управления старались поддерживать с людьми из ЦРУ хорошие отношения, впрочем, те тоже были не менее заинтересованы в добрых связях с местной полицией.

Дома Кристиана ждала короткая записка на отличном немецком языке от профессора Симидзу: «Весьма обеспокоен Вашим отсутствием на занятиях. Не случилось ли чего-нибудь? Может быть, заглянете сегодня?»

Кристиану ничего не оставалось, как отправиться к профессору.

В доме Симидзу были гости. Кристиан, к своему удивлению, увидел через открытую дверь кабинета европейские лица и вопросительно посмотрел на встретившего его профессора. Тот, улыбаясь, подтолкнул его вперед.

От стола навстречу Кристиану поднялся массивный седой мужчина. Короткая стрижка ежиком, мощный подбородок, очки в тонкой золотой оправе. Холодные голубые глаза. Еще до того, как тот произнес первое слово, Кристиан инстинктивно угадал в нем немца.

— Профессор Клаус Циммер, — слегка наклонив голову, представился тот.

Кристиан с радостью пожал ему руку. Приятно, черт побери, встретить соотечественника вдали от дома!

— Мой племянник Хельмут Хайссе, — Циммер широким жестом указал на невысокого молодого человека, который действительно показался Кристиану уменьшенной копией Циммера. Та же уверенная посадка головы, атлетическое сложение, уверенность, которая ощущалась во взгляде, в полуулыбке тонких губ, в коротком рукопожатии.

— Я думаю, Кристиан, что вам будет приятно познакомиться с моим другом и коллегой профессором Циммером, о научных интересах которого я вам рассказывал.

— Конечно, и приятно и полезно, — искренне ответил Кристиан.

На сей раз Симидзу не стал подвергать гостей тяжелому испытанию — сидению на татами. Они уселись за обычный стол, уставленный закусками, большинство из которых Кристиан видел впервые. Циммер же и его племянник поглощали их с удовольствием.

— Я смотрю, японская пища пришлась вам по вкусу, господин профессор, — заметил Кристиан.

— Я провел в Японии почти половину жизни, — ответил Циммер.

Кристиан посмотрел на него с любопытством.

— Неужели? Как-то...

— Непохоже, хотите сказать? — усмехнулся Циммер.

— Я познакомился в университете с несколькими американцами, которые прожили в Японии изрядное количество лет, — сказал Кристиан. — В их облике, манерах, поведении и в самом деле появилось что-то почти японское. Вы же выглядите так, словно вчера ели айсбайн в мюнхенском кабачке, хотя я вовсе не уверен, что вы такой уж любитель этого блюда.

Циммер расхохотался.

— А между тем первый раз я приехал в Японию совсем молодым человеком. Пожалуй, я был тогда моложе, чем вы сейчас. И с тех пор за вычетом нескольких лет постоянно живу в Японии.

Циммер снял очки в тонкой квадратной оправе и устало потер глаза.

— Все дело в том, — продолжал он, — что везде можно быть самим собой. Немец всегда остается немцем: Здесь у нас есть небольшая, но сплоченная немецкая колония. Мы внимательно следим за чистотой языка и обычаев. Это не менее важно, чем чистить зубы. Правильно, Хельмут?

Племянник согласно кивнул головой.

— Так вы меня воспитали, дядя Клаус, и я этим горжусь.

Циммер слегка улыбнулся. Он аккуратно вытер пальцы о салфетку. Симидзу выскользнул на кухню. Безмолвно появилась его жена, поклонилась гостям и начала собирать грязную посуду.

— А вы, Кристиан, если позволите так вас называть, ведь совсем недавно здесь? Должно быть, вам не хва-

тает общения с близкими вам по духу и по крови людьми? Или вы уже нашли здесь друзей?

Кристиан вдруг почувствовал некоторую напряженность в голосе Циммера. Он поднял голову и заметил жесткий, как ему показалось, подозрительный взгляд племянника. На секунду ему стало не по себе. Но только на секунду, потому что лицо племянника расплылось в ухмылке, а Циммер всем видом демонстрировал доброжелательность и отеческое внимание к молодому другу.

— Собственно, я привык к одиночеству, — ответил Кристиан. — Таков удел ученого. Впрочем, не мне вам это говорить.

Циммер покровительственно кивнул головой.

— Мне повезло, — продолжал Кристиан, — профессор Симицзу оказался столь внимательным ко мне, что даже неловко.

— А друзей, значит, вы здесь не встретили, — полувопросительно, полуутвердительно заметил молчавший до этого племянник.

— Да нет, — удивленно ответил Кристиан. — Какие у меня в Японии друзья?

— Не удивляйтесь, мой дорогой друг, — вмешался Циммер. — Здесь так мало родных лиц, что мы поневоле набрасываемся на каждого соотечественника. Просто мы надеялись, не скрою, что у вас в Японии есть знакомые немцы из тех, кого мы не знаем, в таком случае мы всегда были бы рады их видеть, так же как и вас. Мы часто собираемся в ресторане «Отто», там вполне приличная немецкая кухня.

Появился Симицзу, за ним жена с большим подносом в руках.

— Я хочу вас угостить сэкихан — красным рисом, — сказал Симицзу, — сегодня пятнадцатое число, и нужно есть красный рис, чтобы была удача.

— Это такой обычай? — спросил Кристиан.

— Красный рис — праздничное кушанье, но люди, соблюдающие древние ритуалы, настаивают на том, что его надо есть в первый и пятнадцатый день каждого месяца.

Кристиан, неумело держа хаси — деревянные палочки для еды, — попробовал красноватую массу. Это были красные бобы, приготовленные вместе с необычным по вкусу твердым рисом.

— Все дело в том, что обычный рис варят, а для

сэкихан берут специальный клейкий рис, который готовят на пару.

— Он значительно вкуснее обычного, но это еда для людей с хорошим желудком, — со вздохом заметил Циммер. — В моем возрасте приходится от многого отказываться.

Разговор стал оживленнее.

Симидзу всегда был интересным для Кристиана собеседником, побагровевший от выпитого Циммер много и охотно шутил. Если бы не тревога за Хартунга, то Кристиан, как истый баварец, любивший хорошее застолье, был бы вполне доволен. Но Норберт, Норберт...

«Оперативное донесение группы Ямада.

Наблюдение начали вести в 9.20 вечера на вокзале; до вокзала объект вела группа Ота. Объект явно нервничал: ожидая поезда, смотрел на часы, ходил по платформе. Слежки не опасался, не сделал ни одной попытки провериться. Наблюдение производилось мной и еще двумя сотрудниками обычным способом. В вагоне мы рассредоточились, чтобы контролировать входы, а также возможные контакты объекта. В 10.27 с опозданием на две минуты прибыли на обозначенную вами станцию. Там мало кто выходил, поэтому перед остановкой мои сотрудники перешли в другой вагон. Я вышел вместе с объектом.

Мы тщательно контролировали его контакты, они были случайными, ничего из рук в руки не передавалось, фразы, которые могли бы считаться условными, не произносились. Установив маршрут движения объекта, мы отправились за ним. Я — на расстоянии 25—30 метров, мой напарник следовал по другой стороне улицы. Третьего я оставил для подстраховки на станции — дожидаться следующего поезда (на тот случай, если он кого-то предупредил, куда направляется). Поскольку уже стемнело, объект часто оглядывался. Моему напарнику показалось, что его расшифровали, поэтому он поднес руку к затылку, что означало: «Смени меня». Мы поменялись местами. В 11.02 объект подошел к дому и после некоторых колебаний вошел. Мы обошли прилегающие улицы, там было чисто, со станции пришел наш третий сотрудник, он ничего не заметил. Поскольку на этом наши обязанности кончались, мы прекратили наблюдение и вернулись в Токио.

Ямада».

Внимательно прочитав донесение, Циммер перебростил его Хельмуту. Была уже поздняя ночь. Циммер плотно уселся в глубокое кожаное кресло, снял пиджак и остался в жилете.

— Все чисто, — сказал он, — ни одна живая душа не знает, куда девался Хартунг.

— А Редлих? — мрачно отозвался племянник. — Они разговаривали в баре достаточно долго.

— Что, собственно, Хартунг мог рассказать Редлиху? — усмехнулся Циммер. — Он ни о чем не догадывался. Единственное, что предпримет Редлих, — отправится в полицию и заявит об исчезновении Хартунга. Нам опасаться нечего. Никто не сможет напасть на след Хартунга.

— Все-таки я сказал, чтобы за Редлихом присмотрели, — сказал Хельмут. Слова Циммера не убедили его.

— Редлих нам не помеха, — поморщился Циммер, — напротив, надеюсь, что он нам еще пригодится.

— За каким дьяволом он вам понадобился? — огрызнулся племянник. — Хватит с меня Хартунга. Сколько с ним пришлось повозиться, вместо того чтобы шлепнуть прямо там, в порту. Одна пуля, и никаких забот. Вместо этого потащили его в Токио...

— Что ты мелешь, Хельмут? Не понимаешь разве, что в Аргентине он был на виду: все газеты писали о родственниках пассажиров «Генерала Шермана». Да и какой смысл убирать Хартунга? Он пригодится в институте. Ведь работы еще не завершены. А связь с институтом у нас только отсюда.

Циммер выбрался из глубокого кресла и прошелся по мягкому ковру, заглушавшему звуки шагов. За стеклами огромных, во всю стену книжных шкафов золотились увесистые тома, создававшие атмосферу солидности и спокойствия. На письменном столе красного дерева были аккуратно расставлены письменные приборы, стаканчик с остро отточенными карандашами (Циммер писал только карандашами), стопка бумаги, несколько книг.

— В конце концов, он мне симпатичен, — продолжал Циммер. — Правда, мне симпатичны все немцы, которых я встречаю здесь, на чужбине.

Хайссе хмыкнул.

— Тебе этого не понять, — обиженно заметил Циммер, — ты вообще лишен каких-либо чувств. И нечего

этим гордиться — истинный немец обладает богатым духовным миром. Из этого Редлиха, попади он в хорошие руки, можно бы сделать настоящего патриота.

— Смотрите, как бы этот «настоящий патриот» не натравил на вас всю полицию, — пренебрежительно бросил Хайссе. — Впрочем, это ваше дело. Я приехал сюда на очередную встречу, и у меня своих хлопот хватает.

На следующее утро Кристиан в полной уверенности, что Хартунг уже давно вернулся, помчался к нему в гостиницу, чтобы выяснить, где он пропал. Но портье отрицательно покачал головой. Подошел администратор и довольно агрессивно заявил Кристиану, что номер не оплачен, и, если его друг не появится в течение дня, они вынуждены будут передать вещи полиции и требовать возмещения от посольства. Растерявшийся Кристиан заплатил сам и сразу из гостиницы поехал в полицию.

Чиновника, с которым он беседовал в прошлый раз, на месте не оказалось. Но Кристиан решил обязательно его дождаться. Сидя в приемной, он с удовольствием вспоминал вчерашний вечер, проведенный у Симидзу. Он был рад поговорить со своими соотечественниками. Но теперь Кристиану казалось, что когда-то он уже встречал фамилию Циммер, но в какой связи?

На пятнадцатом этаже отеля «Асахи» было невыносимо душно. Барахлил кондиционер, но вызывать техника обитатели трех соседних номеров не стали. На всех столах и стульях лежали кипы бумаг, самые невинные из которых подпадали как минимум под категорию «строго конфиденциально». Обитатели пятнадцатого этажа уже третьи сутки выполняли сверхсрочное задание Лэнгли, переданное напрямую, минуя руководство токийской резидентуры.

Здесь, в «Асахи», нашла приют специальная группа управления планирования ЦРУ (такое невинное название получило подразделение, которое занималось подрывными операциями). Заграничные же резидентуры подчинялись заместителю директора ЦРУ по разведке, считали себя интеллектуальной элитой и свысока относились к тем, кто занимался грязной работой. Плохо скрытое недоброжелательство между двумя службами

заставляло их сотрудников с подозрением следить за действиями друг друга. Приказы Эдварда Малькольма, заместителя директора ЦРУ по планированию, выполнялись заграничными резидентурами с прохладцей. Поэтому управление планирования создало в интересующих его странах собственные небольшие группы, которые лишь формально подчинялись резиденту.

Задание Малькольма, полученное посольской радиостанцией, было зашифровано кодом, известным одному только начальнику специальной группы Полю Уорнеру. Малькольм требовал сообщить все данные о японской ультраправой националистической организации «Дайниппон ундо» («Движение за Великую Японию»).

Прочитав телеграмму, начальник спецгруппы улыбнулся: подпись Малькольма означала, что задание исходит от его помощника Джеймса Джексона.

Когда решался вопрос о работе Уорнера в Японии, запротестовало разведуправление, ссылаясь на участие Поля в некоторых сомнительных операциях в Юго-Восточной Азии, осуществлявшихся управлением планирования. Один из сотрудников разведки заявил своему руководству, что приезд этого человека в Токио может скомпрометировать кадры ЦРУ в Японии. Тогда будущего начальника спецгруппы пригласил к себе Джеймс Джексон.

Уорнер чувствовал себя стесненно, беседуя со всемогущим (как поговаривали в управлении) помощником одного из высших руководителей ЦРУ, но тот сразу же придавал встрече неформальный характер. Они уселись в кресла у небольшого столика, куда молчаливая секретарша поставила чашечки с кофе. Беспреданно улыбающийся Джексон вел себя непринужденно, расспрашивал Уорнера о самых неожиданных вещах, о родителях, детстве, внеслужебных увлечениях. Его интересовали и политические взгляды Уорнера.

Беседа продолжалась минут сорок. Неожиданно Джексон поднялся и сказал, что вполне удовлетворен.

— Вы поедете в Токио, — уверенно произнес он. — На Дальнем Востоке нам нужны не только аналитики. По каждому поводу они составляют бесконечные телеграммы. За день мы получаем такую кипу бумаг, что ее не прочтешь и за месяц. Неудавшиеся университетские профессора, соблазненные романтикой нашей с вами профессии, думают, что разведка — это составление пухлых докладов, в которых излагаются десять вер-

сий и для всех десяти находится равное количество аргументов. Выбирай любую! Это порочный путь, который парализует процесс принятия политических решений. Разведка обязана давать четкие ответы на вопросы. Мир становится беспокойным, в разных частях его происходят события, которые мы не способны контролировать. Последствия вам известны. Соединенные Штаты отступают под напором мирового коммунизма, теряют влияние в жизненно важных для нашей страны регионах.

Расхаживавший по кабинету Джексон остановился:

— Целая лекция, а? Это я у наших профессионалов-говорунов научился. С кем поведешься... Мы не хотим тратить силы, — продолжал он, — на преодоление кризисов, которые то и дело обрушиваются на нас. Нашей целью должно быть формирование будущего, отвечающего нашим идеалам. Процесс выработки политики, способной влиять на ситуацию во всем мире, должен быть непрерывным и основываться на тщательном анализе, заблаговременном планировании и взвешенных решениях. Я говорю о различии между активной и пассивной политикой, между способностью влиять на ход событий и попытками лишь реагировать на происходящее. Мы должны одолевать проблемы раньше, чем они одолеют нас. Если хотите, это разница между академическим подходом работников управления разведки, пытающихся разобраться в том, что происходит, и деятельностью нашего управления, старающегося заставить события работать на нас.

Поль Уорнер согласно кивал головой.

— Так вот, Уорнер. Помимо тех заданий, которые вы получите в отделе, я хочу посоветовать вам заняться еще кое-чем. Вы никогда не слышали о «коричневом фронте» или, как его еще называют, «черном интернационале»?

Дональда Мэрфи, пилота транспортного самолета, заставили просидеть в аэропорту все утро и весь день в ожидании груза, с которым он должен был немедленно вылететь из Японии. Пилот, невысокий, довольно крепкий человек лет тридцати пяти, но уже облысевший, дважды ходил перекусить в маленькую столовую для летного состава базы американских ВВС, которая обслуживала этот аэродром, несколько раз вылезал из

кабины, чтобы размяться, а потом уселся под фюзеляжем, пытаясь найти там спасение от нещадно палящего солнца. Но отходить от самолета далеко он не решался. Пилот хорошо знал характеры своих шефов: не дай бог вовремя не окажется у самолета. С ходу можно потерять работу — хотя и рискованную, но весьма неплохо оплачиваемую. Ни одна авиакомпания не платила таких денег, как «Сентрал авиэйшн транспорт эйдженси», сокращенно «Си-эй», почти «Си-ай-эй»*, шутили пилоты.

Мэрфи служил в ВВС и был вполне доволен своей жизнью, но однажды, сильно набравшись, ввязался в драку в местном баре. Одному из посетителей пробили голову, всех увезла полиция. История получила огласку, и, спасая репутацию полка, его уволили из ВВС. Мэрфи сунулся в одну, другую авиакомпанию, но там хватало своих пилотов. Он постепенно тупел от виски и подкрававшегося чувства безнадежности. Без работы он сидел уже несколько месяцев, как вдруг ему позвонил человек, отрекомендовавшийся представителем «Сентрал авиэйшн транспорт эйдженси».

Мэрфи был немного напуган атмосферой секретности вокруг новой работы, но возможность остаться летчиком и зарабатывать намного больше, чем в военной авиации, решила все. Он подписал обязательство хранить в тайне поручаемые ему задания и отправился вместе с другими новичками в отдаленный район страны, где прошел обязательный курс обучения. Кто были его коллеги, он не знал. Все получили новые имена. Разговаривать о своем прошлом, сообщать друг другу какие-то данные о себе строго запрещалось. Они подозревали, что «Сентрал авиэйшн транспорт эйдженси» так или иначе связана с ЦРУ, но боялись обсуждать эту тему. На базе, замаскированной под ферму, окруженную высоким забором с проволокой, царила атмосфера подозрительности. Пилоты избегали общения и предпочитали оставаться в одиночестве, правда, все это прикрывалось преувеличенно дружескими похлопываниями по плечу и широкими улыбками. Видимо, того и добивались инструкторы — летчики должны привыкнуть держать язык за зубами и подозревать всех и каждого.

На базе отдельно готовились две группы пилотов, они встречались только в столовой. Постепенно Мэрфи установил, что его группа была укомплектована таки-

---

* «Си-ай-эй» (англ. — CIA) — ЦРУ.

ми же, как он, «бывшими» — уволенными из ВВС по разным причинам. Другая группа состояла из кадровых летчиков, видимо, подписавших контракт с ЦРУ. Они назывались «эскадрилей службы погоды» и, как потом выяснилось, готовились к полетам на шпионских самолетах.

Дважды пилотов «эскадрильи службы погоды» проверяли на детекторе лжи. На вопрос в столовой «Ну, как?» один из них, скривившись, сказал тихим голосом, чтобы не услышал инструктор:

— Хуже не придумаешь. Такое ощущение будто раздели догола, вывернули наизнанку да еще обшарили с лампой в руках.

Пилоты из «эскадрильи службы погоды» первыми покинули «ферму». Впоследствии Мэрфи встретил их на одной из американских баз. Сам он возил оружие и сбрасывал его диверсионным отрядам в Лаосе. На базе всегда царила суэта, где-то в мире что-то происходило, и это требовало постоянного вмешательства таких парней, как Мэрфи.

После ухода американских войск из Индокитая, Мэрфи поручили перевозку тщательно упакованных грузов непонятного назначения. Он летал с баз ВВС США на Японских островах в Латинскую Америку.

Участников конференции шумно встречали японцы, долго жали руки, восклицали: «Хонтони сибараку дэ-сита!» — «Давно не виделись!», сажали в машины и увозили. Атмосфера привычной для Токио международной встречи надежнее предохраняла от посторонних глаз, чем любые меры конспирации. Из Токио всех отправили на поезде в небольшой городок на севере, разместили в гостинице, где, кроме них, не было других постояльцев.

Ровно в десять двери банкетного зала гостиницы распахнулись, и профессор Симидзу, слегка поклонившись, пригласил войти. Столы были расставлены, как на банкете, в форме буквы «п». Когда все заняли свои места, Симидзу встал.

Перед ним сидели двадцать два человека — в элегантных костюмах, белых рубашках. Все моложе его лет на двадцать. «Это поколение способно на многое, ему управлять миром, продолжить то, чего не дали сделать нам», — подумал Симидзу.

— Господа, я не стану произносить громких слов, — начал он, — сам факт созыва нашей конференции свидетельствует о торжестве нашего дела, о том, что наши возможности расширяются. Сегодня мы еще вынуждены скрываться, завтра заговорим во весь голос. Я рад, что могу приветствовать вас — избранных борцов за наши идеалы. Национальное возрождение — вот наша цель. Нации со здоровой кровью должны очиститься от скверны — коммунизма, либерализма, лживой демократии — и занять подобающее место в современном мире.

Профессора слушали внимательно.

— Но вас пригласили сюда по особому поводу, — продолжал Симидзу и, выдержав паузу, добавил: — Проект «Вальхалла» близок к завершению.

Симидзу явственно почувствовал, как вздрогнул зал.

— Испытание прошло успешно. Остались считанные дни до окончания работ над основной частью проекта. Следовательно, наконец мы будем обладать реальной силой. В нашем мире только сила — весомый аргумент. Теперь у нас будет достаточно аргументов. Слово за вами.

Симидзу внимательно оглядел зал.

— Весь мир должен почувствовать нашу силу. Достаточно мы сдерживали себя, выжидали, терпели оскорбления и нападки. Хватит! Пора переходить к активным действиям. Давайте обсудим последовательность акций. — Симидзу сел и, надев очки, поднес к глазам листок бумаги. — Первым слово предоставляется делегату Испании...

Солнце почти зашло. Мэрфи озабоченно посмотрел на часы. Сегодня его что-то долго заставляют ждать.

Только поздно ночью, когда пилот успел подремать часа два-три, был доставлен груз — большой, грубо сколоченный ящик с отверстиями.

Короткое шифрованное сообщение о вылете каждого самолета, несущего опознавательные знаки компании «Сентрал авиэйшн транспорт эйдженси», передавалось постоянно дежурившим на аэродроме сотрудником военной контрразведки непосредственно в Вашингтон. Пройдя через руки нескольких радистов, телеграмма переключивалась из бронированного кабинета шифровальщика на стол помощника заместителя директора Цент-

рального разведывательного управления по планированию.

И Мэрфи, и его коллеги — летчики справедливо подозревали, что компания «Си-эй» имеет какое-то отношение к Лэнгли. Каждый мог бы насторожиться, узнав, что частная чартерная авиакомпания отказывается от рекламы, не публикует никаких сведений ни о своих прибылях или убытках, ни о капиталовложениях или дивидендах. Пожелай кто-то выяснить историю возникновения «Си-эй», он столкнулся бы с невероятной мешаниной из периодически возникавших и самораспускавшихся, менявших названия авиакомпаний со сходными названиями. Дело в том, что все эти «частные» фирмы финансировались и управлялись ЦРУ. Стоили они дорого, но ценились как уникальное средство проведения тайных операций.

Кристиан так и не дождался чиновника, который должен был заниматься делом об исчезновении Хартунга. Когда здание токийского полицейского управления начало пустеть — рабочий день окончился, — он поднялся со стула, на котором просидел несколько часов, и отправился к себе. Все это время он не переставал размышлять о судьбе Хартунга. Теперь стало ясно, что Норберт попал в руки преступников, которым нужно было заманить его к себе и которые хорошо его знали — иначе откуда у них информация о гибели парохода, на котором плыла его жена?

Он нервно расхаживал по своей комнате, натываясь то на стул, то на угол кровати. «Спокойно, — говорил он себе, — главное спокойствие. Надо тщательно все обдумать».

Постепенно пришло решение: поехать самому туда, куда заманили Хартунга, и попытаться на месте узнать, что там произошло прошлой ночью. Кристиан некоторое время колебался, отправиться сейчас или подождать до утра, и решил, что надо ехать незамедлительно: и так потеряно уже слишком много времени.

В аэропорте Нарита было многолюдно. Взлетали и садились самолеты, то и дело диктор мелодичным голосом оповещала о новых рейсах. Все столики в кафе были заняты. Клаусу Циммеру пришлось отказаться от мысли выпить по чашечке кофе с племянником, поки-

давлением Токио. Во внутреннем кармане твидового пиджака Хайссе лежал билет до Кельна.

— Я завидую тебе, мой мальчик, — заметил Циммер. — Я бы много дал за то, чтобы сейчас лететь вместе с тобой.

— Ничего, — хмуро ответил Хельмут Хайссе. — Настанет и ваше время.

— Надеюсь. Будьте аккуратны в подготовке операции. Это наши первые серьезные акции на континенте.

— Займитесь лучше Редлихом, — оборвал его Хайссе. — Я таких умников с детства не люблю. Как бы он не стал совать нос куда не следует.

— Хорошо, хорошо, мой мальчик. Тебе пора.

Циммер сделал движение, словно готовясь обнять Хайссе, но тот молча кивнул и двинулся к эскалатору.

Гаррисон пригласил Уолтера Смита в свой кабинет. Приказом директора управления они были освобождены от всех дел, с тем чтобы сосредоточиться на проблеме таинственной вспышки над Атлантикой.

— Я договорился со штабом ВМС, — сказал Гаррисон. — Они окажут нам необходимое содействие. Группа специалистов практически готова, через день-два мы можем отправляться.

— Ты надеешься, что мы сумеем найти какие-то концы на месте? — Смит был настроен скептически. — По-моему, надо продолжать анализировать имеющиеся у нас данные здесь.

Гаррисон отрицательно покачал головой.

— Эта работа будет, разумеется, продолжена. Но не следует исключать возможности выявить какие-то следы радиоактивного заражения в известном нам квадрате Атлантики. Потом мы собираемся обследовать побережье. Если исходить из предположения, что была взорвана бомба, то ведь не из воды же она родилась. Ее откуда-то привезли. Нет, Смит, я надеюсь на успех. Тем более что с нами едут специалисты из команды «Нест».

— А это еще что такое? — удивился Смит.

Гаррисон, довольный, рассмеялся.

— Команда «Нест» существует добрых десять лет, а о ней никто не знает. Вот это, я понимаю, конспирация. «Нест» расшифровывается как группа обнаружения взрывных ядерных устройств. Ее цель — бороться с террористами, которые могут овладеть ядерным ору-

жием. Несколько раз команду «Нест» использовали для розыска пропадавших контейнеров с ураном. Так что у них есть опыт, который окажется полезным при выполнении нашей задачи.

Кристиан вылез на мокрую от дождя платформу и оглянулся. Он был один. В этот поздний час больше никто не сошел на небольшой станции. Он остановился в растерянности. То ли недолгий дождик загнал людей домой, к привычному голубому экрану, то ли здесь вообще рано прекращалась всякая жизнь, но было пусто. Не оказалось даже такси. Кристиан знал адрес, но не имел ни малейшего понятия, как туда добраться.

Он запахнул куртку — после дождя жара спала — и энергично зашагал по улице, начинавшейся почти у самой платформы. Витрины были не освещены, сгустившаяся темнота действовала на нервы.

— Вы что-то ищете?

Кристиан отпрянул. Из темноты навстречу ему шагнул полицейский.

— Я?.. Да, — проямлил Кристиан.

На лице полицейского отразилось недоумение. Он чуть отступил в сторону, чтобы успеть проконтролировать все возможные движения подозрительного прохожего. Смысл этого маневра не ускользнул от Кристиана и, как ни странно, успокоил его. В нем жило внушенное с детства доверие к полиции. Кристиан улыбнулся.

— Я в самом деле разыскиваю одного человека... Может быть, вы как раз и поможете мне.

Он назвал адрес. Полицейский кивнул и принялся объяснять.

Кристиан поблагодарил и двинулся дальше.

Полицейский посмотрел ему вслед. Пожалуй, стоило бы проверить у него документы. Иностранцы здесь просто так по ночам не разгуливают.

Кристиан шел увереннее, прибодрившись после разговора с полицейским. Мысли его перескакивали с одного на другое. Он недоумевал, вновь и вновь пытаясь понять, что случилось с Хартунгом, вспоминал Маргарет, Мюнхен...

Наконец свернул влево на совсем узенькую неасфальтированную дорожку. В свете единственного фонаря разглядел табличку. Да, та самая улица.

Дом № 5 ничем не выделялся среди других. Небольшой, в два этажа. Перед домом крохотный чисто японский садик. Кристиан в нерешительности остановился перед калиткой. Когда он ехал сюда, искал дом, то полагал, что, как только доберется, все сразу станет ясно. Теперь он не знал, как поступить.

Он не заметил ничего подозрительного. Прошелся вдоль низенького заборчика. В пору повернуться назад и идти на станцию. Но дом с темными окнами, куда три дня назад вошел Хартунг, притягивал к себе Кристиана. Он ухватился рукой за калитку. От легкого нажима та распахнулась. Кристиан осторожно двинулся к дому. Ничего не происходило, ничто не нарушало тишину, от которой уже звенело в ушах. Он подошел к самому дому. «Обойти вокруг, посмотреть, что там», — мелькнуло у него в голове. Но вдруг Кристиан почувствовал, как внезапный холод пронизал его — дверь медленно приотворилась, словно приглашая войти.

Около побережья, почти перед самой посадкой самолет попал в грозовое облако. Автоматически поворачивая штурвал, чтобы уйти от опасности, Мэрфи не испытывал обычного облегчения при мысли, что долетел. Он вымотался за этот перелет. Проблема состояла в том, что он не мог перелететь через Латинскую Америку и по прямой добраться до аэродрома, где его ждали. Ему приходилось делать большой круг, огибать континент и садиться со стороны Атлантики. Совершать такие полеты одному, без штурмана, — самоубийство.

Маленький аэродром затерялся в глубине густого леса. Его почти невозможно было заметить, но Мэрфи садился здесь десятки раз. Аэродром был спроектирован и построен безукоризненно, взлетно-посадочная полоса позволяла принимать даже тяжелые транспортные самолеты.

Далеко внизу оператор диспетчерской службы увидел на локаторе приближающийся самолет. Специальное устройство показало на экране «я — свой», оператор связался с пилотом по радио. Его ждали. Когда, гася скорость, самолет пронесся мимо служебного здания, от подъезда отъехал микроавтобус и устремился вслед за самолетом.

Пилот, отдуваясь и вытирая рукой пот, выбрался из кабины. Как ни было жарко в Токио, здесь он

попал просто в пекло. Вылезшие из микроавтобуса люди сразу бросились к грузовому люку. Мэрфи, заинтересовавшись, подошел поближе.

Четверо крепких мужчин, одетых в одинаковые зеленовато-серые брюки и рубашки, выгружали из самолета ящики. Не обращая внимания на остановившегося рядом пилота, они быстро отодрали верх и вытащили оттуда бледного, без кровинки в лице человека. Пилот сделал произвольный шаг вперед: вот, значит, какой скоропортящийся груз он вез!

Неизвестный был без сознания, его положили на сиденье машины. Один из четырех поднес к его лицу пузырек с нашатырным спиртом, похлопал по щекам.

Хартунг — а это был он — медленно открыл глаза.

Мэрфи стало не по себе. Еще никогда он так явно не участвовал в преступлении. Его замутило, и, чтобы удержаться на ногах, он прислонился к дверце микроавтобуса. Человек, нагнувшийся над лежащим, оглянулся на пилота. Этого человека Мэрфи знал. Нитце, руководитель службы безопасности института.

Нитце нахмурился:

— Вам пора зайти в диспетчерскую службу, приятель. Поторопитесь.

Пилот кивнул и медленно побрел к зданию.

Даже когда он летал над Лаосом и сбрасывал там оружие, он не испытывал страха, хотя и рисковал быть сбитым и попасть в руки к коммунистам. Но вывозить из страны человека в деревянном ящике!

Он проклинал своих начальников, втащивших его в такое дело.

Нитце подозрительно посмотрел вслед пилоту и кивнул шоферу: «Поехали». Машина развернулась и, набирая скорость, исчезла в лесу, по которому была проложена расчерченная белой краской дорога.

Дверь сама закрылась, и Кристиан оказался в темноте. Он замер, ощущая, как бешено колотится сердце, и несколько секунд прислушивался. Тишина. На ощупь он двинулся вперед. Никаких признаков присутствия людей. Пройдя три шага вперед, он уперся в стену, вытянув руки, пошел вдоль нее. Ему стало жутко. Один в кромешной тьме в этом загадочном доме. Зачем только он полез сюда? Не предупредив никого, не сообщив в полицию. Он опять уткнулся в стену. Провел по ней

руками и наткнулся на ручку двери, повернул, и в лицо ему брызнул ослепительный сноп света. Кристиан, зажмурившись, инстинктивно отпрянул. Его тут же схватили за руки. Он бешено рванулся, но сзади его держали железной хваткой. Вдруг Кристиан почувствовал что-то мокрое, мерзкое у своего лица. Острый резкий запах одурманивал его. Кристиану показалось, что он задыхается, он плевался, крутил головой, но все было напрасно. Острый запах заглушил все, мысли стали путаться. Он перестал сопротивляться, тело его обвисло.

— Готов, — прошептал тот, кто держал его. — На улице все чисто?

— Да.

— Давайте в машину.

Немного приоткрыв дверь, один из троих, державших Кристиана, быстро осмотрелся и кивнул:

— Пошли.

Втроем они быстро вынесли Кристиана через черный ход на маленькую улочку, где стоял микроавтобус «Скорой помощи» с потушенными фарами. Уже в автобусе один из японцев при свете фонаря вынул из аптечки ампулу, завернутую отдельно от других, и шприц. Задрав рукав куртки Кристиана, сделал ему инъекцию. По телу пробежала нервная дрожь. Японец выбросил использованную ампулу на мостовую и рывком захлопнул дверцу. Микроавтобус мягко двинулся.

Минуты через три из темноты появилась неясная фигура. Посвечивая себе небольшим фонариком, постоянно оглядываясь по сторонам, неизвестный долго шарил по асфальту. Наконец нашел то, что искал, включил фонарь и вновь растворился в темноте.

Получив приказ в очередной раз лететь в Японию, Мэрфи вздохнул с облегчением. И раньше-то он с трудом выдерживал атмосферу института, где отдыхал между рейсами, а теперь — после истории с деревянным ящиком — не мог дожидаться, когда сможет покинуть этот скрытый от внешнего мира лесной городок.

Мэрфи дал себе слово никогда больше не участвовать в подобных операциях. Правда, пилот не очень представлял себе, как ему это удастся. Но решение было твердым. Всему есть предел. Участвовать в преступлении — нет уж, увольте. Угодить на скамью подсуди-

мых как-то не входило в его планы. Естественнее всего расторгнуть контракт с «Си-эй», но не хотелось остаться без привычной уверенности, которую дает плотно набитый бумажник.

Эдвард Малькольм поднял глаза на своего помощника. Ворвавшийся в кабинет Джексон оторвал его от чтения важного доклада.

— В чем дело?

— Началось!

Джексон протянул Малькольму стандартный бланк расшифрованной телеграммы. Отправитель — резидент ЦРУ в Мадриде.

«Сегодня в 17.30 большая группа (около 200 человек) вооруженных гражданских гвардейцев под командованием подполковника Техеро захватила помещение нижней палаты парламента в тот момент, когда проходило голосование по вопросу о доверии главе правительства.

Угрожая оружием, они заставили депутатов, находившихся в зале, и членов бывшего правительства лечь на пол. Спустя несколько минут всем было разрешено занять свои места, однако гражданские гвардейцы приказали им положить руки перед собой на пюпитры.

Каких-либо дополнительных данных о положении в парламенте пока нет, так как вся связь со зданием прервана. Известно лишь, что гвардейцы разрешили покинуть здание всем журналистам и приглашенным на заседание.

По распоряжению министерства внутренних дел к зданию парламента стянуты подразделения национальной гвардии. Полиция заняла помещение радиостанции».

Малькольм поднял глаза на Джексона.

— Это все, что он передал? Какие болваны сидят у Фергюсона в ключевых точках Европы! У нас кто-нибудь сейчас есть в Мадриде?

Джексон кивнул утвердительно.

— Немедленно связывайтесь с ним. Пусть сообщает как можно скорее, что там происходит и есть ли у путчистов шансы на успех.

Малькольм снял трубку аппарата прямой связи с директором.

— Надеюсь, Фергюсон уже доложил вам?.. А гос-

секретарь уже спрашивает, что ему отвечать? Лучше всего не комментировать события, пока не ясен исход. — Прикрыв ладонью телефонную трубку, Малькольм шепотом приказал Джексону: — Собирайте людей ко мне. Пусть подберут все, что у нас есть по этой проблеме.

Через несколько минут в кабинете Малькольма уже сидело несколько человек, ответственных за тайные операции в Европе. Малькольм напряженно просматривал принесенные ему бумаги, откладывая в сторону все, что могло сейчас представлять интерес.

Почти двадцать пять лет Малькольм прослужил в системе управления планирования, и тайные операции были его стихией. Анализ разведывательных данных, составление справок и докладов Малькольм презирал. Поэтому его назначение на пост заместителя директора расценили как стремление Вашингтона сделать упор не на пассивный сбор разведывательной информации, а на активное вмешательство в ход событий на мировой арене.

Сенатская комиссия по разведке единогласно одобрила его назначение. Выступая перед сенаторами за закрытыми дверями, Малькольм клятвенно обещал предпринять максимум усилий для «стабилизации» положения в мире, в первую очередь — в Западной Европе.

— Только что получено еще одно сообщение из Мадрида, — сообщил Джексон, — командующий третьим военным округом генерал-лейтенант Хайме Миланс дель Боск распространил коммюнике о введении военного положения. На улицах Валенсии танки, бронемашины, военные патрули. Власть в городе перешла к военным. Подполковник Техеро сразу после захвата парламента связался по телефону с Валенсией и произнес такую фразу: «Мой генерал, все в порядке, все в порядке!» Одна из радиостанций передала: Техеро заявил какому-то журналисту, что покинет помещение парламента и освободит заложников только после того, как будет принято решение о роспуске парламента и создании военной хунты.

— Ну что ж, — сказал заместитель Малькольма. — Эти ребята настроены серьезно, глядишь, добьются своего.

Джексон подошел к столу Малькольма и положил перед ним короткие объективки на подполковника Техеро и Миланса дель Боска. Первый из них был участ-

ником антиправительственного заговора в ноябре 1978 года, известного под названием «Операция «Галаксия». Второй воевал в составе «голубой дивизии» Франко против Советского Союза, получил гитлеровский Железный крест, известен своими фашистскими взглядами.

Сверху Джексон положил листок, в правом углу которого значилось: «Отпечатано в одном экземпляре».

Малькольм пробежал несколько машинописных строчек.

«1. Захват парламента с помощью гражданских гвардейцев (подполковник Антонио Техеро).

2. Выступления командующих военными округами во главе с генералом Хайме Милансом дель Боском в поддержку роспуска парламента и создания непартийного правительства.

3. Занятие всех ключевых объектов в Мадриде бронетанковой дивизией «Брунете».

4. Утверждение королем состава поддерживаемого военными правительства во главе с генералом Альфонсо Армадой, который долгое время был военным адъютантом короля.

Источник: граф Гонсалвиш».

Мэрфи до крови ободрал себе руки. Как назло, не оказалось подходящего инструмента, приходилось орудовать обычной отверткой, а ящик сколотили на совесть.

Когда к самолету подъехал микроавтобус «Скорой помощи» с зашторенными окнами и четверо молчаливых японцев потащили к грузовому люку точно такой же деревянный ящик, как и три дня назад, Мэрфи покачал головой и подумал: «Э, нет, милые мои. Больше я грузы с такой начинкой не принимаю».

Его позвали в диспетчерскую, передали приказ лететь туда же, в Латинскую Америку. Мэрфи молча кивнул и ушел.

Проще всего было бы тут же уехать в Токио, купить билет и на следующий день разгуливать по Лондону или Парижу (в одном из этих городов он и собирался пересидеть несколько лет, не рискуя сразу возвращаться в Америку). Но, решив круто изменить свою жизнь, он подумал о человеке, который лежал в деревянном ящике...

Мэрфи вскрывал ящик прямо в самолете — одному

не под силу его вытащить. Отодрав доски, увидел скрюченное тело довольно высокого бледного человека со спутанными белокурыми волосами. Пилот потряс его за плечо и по глухому стону убедился, что человек жив. Он вытащил его из ящика. Осторожно приоткрыл люк. Уже стемнело — вылет опять назначили на ночное время. Человек был выше Мэрфи на целую голову и тяжелее килограммов на двадцать. Обливаясь потом, пилот стащил его на землю, попытался привести в сознание. Но тот не открывал глаз, вяло ворочал головой, бормотал невнятное.

Сжав зубы, Мэрфи потащил его дальше от взлетной полосы в лес: в диспетчерской могли поинтересоваться, почему самолет не готовится к вылету. Мэрфи с трудом разглядел стрелки на темном циферблате: в его распоряжении не более получаса.

Тот, как пьяный, мотал головой и временами что-то нечленораздельно бормотал. Мэрфи принюхался, но запаха алкоголя не чувствовалось. Когда за листвой исчезли силуэты аэродромных служб, пилот устало опустил его на траву. Далеко он его так не утащит. А уходить необходимо. В конце концов, он спасает жизнь этому человеку. Мэрфи несколько раз сильно ударил его по щекам.

— Где я? — пробормотал тот по-немецки, затем что-то сообразил и повторил вопрос по-английски.

— В лесу, — устало ответил пилот. — Как вас зовут?

— Кристиан. Кристиан Редлих. А вы...

— Дональд Мэрфи, пилот. Боюсь, что бывший, — сделал он попытку пошутить.

Кристиан понемногу приходил в себя. Он потер лоб, пытаясь сосредоточиться. Чуть приподнялся на локте, но тут же опрокинулся назад.

— Что же со мной такое? Подождите, подождите... Я был...

— Кто вы? Откуда вы?

Кристиан сжал виски.

Мэрфи озабоченно посмотрел на часы и с тревогой сказал:

— Нам надо уходить. Сможете подняться?

— Попытаюсь.

От усилий на лбу у него выступили крупные капли пота. Опираясь на Мэрфи, он кое-как передвигался. Мэрфи дотащил вконец обессиленного Кристиана до

автобусной остановки и посадил на скамейку. Вид Кристиана был ужасен: мертвенно-бледное лицо, глаза закрыты; он жадно вдыхал воздух. На остановке было немного народу. Какая-то женщина, склонившись над Кристианом, что-то быстро спросила у Мэрфи. Тот растерянно покачал головой: он не знал японского языка. Не получив ответа, женщина отошла к другим, ожидавшим автобуса людям. Через минуту вернулась с небольшим пузырьком. Увидев настороженный взгляд Мэрфи, дружелюбно улыбнулась. Поднесла пузырек к носу Кристиана. Он открыл глаза. Пилот понял: женщина принесла нашатырь.

Кристиан, слабо улыбнувшись совершенно белыми губами, пробормотал вежливые слова. Женщина удовлетворенно отошла. Мэрфи раздраженно посмотрел ей вслед: ему меньше всего хотелось, чтобы на них обращали внимание.

— Как вы себя чувствуете?

Пилот потянулся за сигаретой, хотя обычно курил редко, несколько раз нервно щелкнул зажигалкой, прежде чем появился язычок пламени. Кристиан почувствовал его раздражение.

— Знаете что, — произнес он, — давайте мы с вами так сделаем: вы поезжайте, меня не ждите. Я немного посижу, приду в себя и тоже поеду.

— Куда? — хмуро буркнул Мэрфи.

— В Токио.

Мэрфи с сомнением покачал головой. В Токио Редлих отправится к себе домой, где его уже наверняка ждут. На сей раз его вряд ли кто спасет. Дважды чудо не случается. Мэрфи далеко отбросил окурок, ярким огоньком мелькнувший в высокой траве, поймал неодобрительный взгляд одной из женщин и решительно сказал:

— Одного я вас не оставляю.

За поворотом показался рейсовый автобус.

— Попробуйте все-таки подняться, — Мэрфи нагнулся, чтобы помочь Кристиану, — не стоит вам так долго здесь оставаться.

К дому № 75 на улице Серрано одна за другой подкатывали машины, из которых в невероятной спешке выскакивали пассажиры. Внутри здания тоже никто не ходил спокойно, все бегали. Пулеметная дробь пишущих

машинок смешивалась с дребезжанием бесконечных телефонных звонков, хлопанием дверей. Посольство Соединенных Штатов Америки в Мадриде лихорадило.

Первые сообщения о начавшемся военном путче заставили усилить охрану посольства. Офицеры безопасности внимательно наблюдали с помощью телекамер за всеми подходами к посольству. Впрочем, американское посольство и так было одним из самых строго охраняемых зданий в Мадриде. Бронированные двери, открывающиеся только с помощью кодированной пластинки пропуска и после набора постоянно менявшегося трехзначного кода, надежно гарантировали безопасность персонала посольства.

На седьмом этаже появились дополнительные наряды морских пехотинцев. Доступ сюда был перекрыт для всех, кроме тридцати человек, составлявших аппарат сотрудников ЦРУ, работавших под посольской крышей. Здесь внимательно анализировали все, что происходило сейчас в стране, подсчитывали шансы путчистов на успех. Три задачи поставила штаб-квартира ЦРУ перед своими мадридскими работниками: помешать усилению коммунистов в стране, привести Испанию в НАТО, помочь правым силам укрепиться у власти. И обитатели седьмого этажа надеялись на успех военного переворота.

Шифровальные машины работали безостановочно: в Лэнгли сплошным потоком шла информация о ходе военного переворота. Последним сообщением, надеялись на седьмом этаже, станет короткая шифровка с именами генералов, которые сформируют военное правительство.

«— Теоретически есть два пути создания атомной бомбы. Первый — приобрести регенерационную установку для переработки плутония. Плутоний — продукт работы обыкновенной атомной электростанции, достать его в конечном счете не так сложно. А уж имея регенерационную установку, можно обзавестись неплохим атомным арсеналом.

Корреспондент «Нью-Йорк трибюн» предпочитал получать информацию из первых рук. Его собеседник, один из ведущих специалистов Комиссии по атомной энергии, рассказывал как раз то, что нужно газете: не слишком заумно — не то читатели обидятся, но и не совсем просто — ученый не должен спускаться на землю.

— А второй? — спросил корреспондент, сменив касету в магнитофоне.

— Используя обогащенный уран. Это путь более трудный, но в достаточной степени реальный. Урановый концентрат вполне можно раздобыть в Западной Европе через третьих лиц. Развелось немало разного рода дельцов, занимающихся темными махинациями. Они свободно обходят все имеющиеся на этот счет законодательные ограничения и обеспечивают всех желающих приобрести урановый концентрат. Ну а когда у вас в руках урановый концентрат, возможность создания бомбы обретает уже вполне зримые очертания. Необходимое оборудование — вроде установок для концентрации газа, центрифуг и прочего — вы приобретете у английских и швейцарских фирм. Фирмы будут даже настолько любезны, что пришлют вам специалистов для монтажа оборудования.

— А как же инспекторы Международного агентства по атомной энергии, всякие международные договоры, обязательства, общественное мнение, наконец?

— Юрисконсульты компании докажут, что они и не подозревали о намерении использовать их оборудование для создания бомбы. Тут ведь все намного сложнее, чем с обычным оружием. Понятно, что если вы покупаете пистолет, то, вероятно, не для того, чтобы вскапывать им землю. А оборудование для производства бомбы не является оружием. Сделки вокруг атома приносят баснословные барыши. Мало кто решится отвергнуть выгодное предложение; тем более что контракт охотно перехватят конкуренты. Мы полагаем, что уже сейчас примерно сорок стран располагают достаточной технической информацией, расщепляющимися материалами (это может быть плутоний, обогащенный уран, или изотопы урана $U=233$, $U=235$) и всем прочим, чтобы в непродолжительный срок после принятия соответствующего решения испытать ядерное устройство. К 2000 году число таких государств достигнет шестидесяти.

— Наших читателей интересует еще такой вопрос: только ли государство в состоянии создать собственную бомбу?

— А кому еще она может понадобиться?

— Предположим, крупной террористической организации.

— Всем интересующимся этим вопросом могу рекомендовать только что вышедшую книжку. Она назы-

вается «Физические принципы ядерных взрывных устройств», стоит долларов десять. В ней на 144 страницах изложен полный план создания атомной бомбы, как говорится, на дому.

Ну а если говорить серьезно, то, как ни странно, с технической точки зрения такой вариант вовсе не представляется мне нереальным. В свое время Управление технических оценок конгресса США определило, что производство атомной бомбы мощностью несколько килотонн (в тротиловом эквиваленте) вполне может осуществить группа, состоящая из десяти-двенадцати хорошо подготовленных специалистов с опытом работы в нескольких областях науки и техники. Программа создания бомбы потребует примерно двух лет работы и нескольких десятков миллионов долларов.

Как видите, задача вполне выполнима. Однако, к счастью, никакая террористическая группа ядерным оружием пока не обзавелась, не так ли?..»

Когда часы, поставленные по мадридскому времени, показали, что в Испании уже утро, всем, кто сидел у Малькольма, стало ясно: путч не удался.

Огромный стол был завален горами телеграмм, постоянно поступающих из мадридской резидентуры, сообщениями информационных агентств и радиостанций. Здесь же, в кабинете заместителя директора ЦРУ, работали радиоприемники, настроенные на волну мадридского радио.

Один из сотрудников Малькольма составлял хронику переворота. Теперь события минувшей ночи представлялись так.

«Гражданские гвардейцы (жандармерия) под командованием Техеро ворвались в здание парламента за мгновение до того, как пробило 17.30.

Крикнув: «Не двигаться! Всем лечь!», подполковник Техеро вытащил пистолет и сделал несколько выстрелов в воздух.

К зданию подъехали шесть автомобилей. Три из них были служебными, с номерными знаками гражданской гвардии.

Гражданские гвардейцы приказали находившимся в зале прессы и других помещениях парламента журналистам повесить телефонные трубки, не высовываться из окон. «Все нормально, все нормально. Спокойствие!

Здесь все нормально», — сказал офицер, объявив, что скоро приедет один из военачальников, который объяснит, что делать дальше.

Генерал Миланс дель Боск вывел танки на улицу. Он же приказал начальнику разведотдела бронетанковой дивизии «Брунете» привести части в боевую готовность и захватить радио- и телестанции.

Однако другие части испанской армии не поддержали заговорщиков. Король отказал в предоставлении каких-либо полномочий генералу Армаде. Милансу дель Боску было приказано вернуть войска в казармы. Командующий дивизией «Брунете» сделал это, не дожидаясь приказа. Убедившись в бесперспективности своих действий, к десяти часам утра сдались первые 11 гражданских гвардейцев, участвовавших в захвате парламента, через полчаса их примеру последовали еще двадцать жандармов. Позднее сдались другие».

Последние сообщения Малькольм уже не стал читать. Он был раздражен: события в Испании закончились слишком быстро, чтобы можно было успеть что-то предпринять.

— Дайте отбой всем нашим, — приказал он.

— А может, надо было... — начал заместитель Малькольма.

Малькольм бросил на него уничтожающий взгляд:

— Что надо было? Вмешаться, чтобы оказаться в дураках? Нет уж, увольте. Акции должны быть хорошо подготовлены.

Джексона не интересовали теперь события в Испании. Он подумал, что, поскольку испанская попытка не удалась, руководители «коричневого фронта» вновь обратятся к нему за помощью. На очереди у них Италия, если тогда в «Восточном экспрессе» Гонсалвиш скажет правду.

Поздно ночью в номер Уорнера постучали. Начальник спецгруппы ЦРУ лежал в кровати и при свете ночника читал толстую книгу. Отложив ее и сняв очки, он откликнулся:

— Да, да, пожалуйста.

В комнату вошел один из его сотрудников с тонкой папкой в руках.

— Все нормально, шеф, — усталым голосом произнес он. — Они накачали парня наркотиками и отправи-

ли, судя по всему, к самолету. Как мы с вами и предполагали. Я оставлю вам папку. Здесь отчет моего агента, фотографии, которые ему удалось сделать, и использованная ампула из-под наркотика. Они выбросили ее на дорогу — сразу видно, непрофессионалы.

— С профессионалами легче, — отозвался Уорнер. — Они следуют определенным правилам, всегда знаешь, чего можно ожидать. Нам достались орешки потруднее. Но хорошо, что ваш агент не сплоховал. Теперь будет о чем беседовать с нашими подопечными. Уорнер подмигнул своему сотруднику.

— Спокойной ночи, шеф, — без улыбки сказал тот и вышел.

Уорнер вновь принялся за книгу. Начальник спецгруппы читал книгу древнекитайского ученого Сунь-цзы «Трактат о военном искусстве», где излагались некоторые принципы разведки, с успехом применявшиеся китайскими полководцами. Уорнер был малообразованным человеком, да и характер его деятельности больше требовал практической сметки, нежели теоретического багажа. Но тот разговор с Джексонсом накануне назначения в Токио заставил его по-иному взглянуть на роль знаний в работе разведчика. Открывшаяся перед ним перспектива вдохновила Поля Уорнера на необычный для него поступок. Он отправился в библиотеку, где упросил выписать ему несколько названий из формуляра Джексона.

Первым в списке стоял классический труд Сунь-цзы, который со времен Аллена Даллеса штудировали все руководящие работники ЦРУ. И теперь Уорнер, чуть позевывая, одолевал страницу за страницей.

— В конце концов, скажите спасибо, что я вас там не бросил или еще хуже — не вывез в институт! — в раздражении выкрикнул Мэрфи.

Они спорили уже давно. В Токио Мэрфи отвез Кристиана куда-то на край города в крохотную гостиницу, где они и остановились.

Это спасло их обоих.

Исчезновение Мэрфи и Кристиана заметили через час после того, как пилот вскрыл ящик с живым грузом. Удивленный диспетчер базы ВВС, отчаявшись связаться с Мэрфи по радио, послал одного из аэродромных служащих узнать, что произошло с этим чертовым

штатским, который все время мешался у них под ногами.

Среди ночи двое юрких японцев аккуратно, без шума проникли в комнату, которую снимал Кристиан, и просидели там до утра. Хозяева домика ничего не заметили. Среднего роста молодой человек с невыразительным лицом целый день болтался возле посольства ФРГ. Несколько агентов караулили Кристиана и Мэрфи в обоих аэропортах столицы.

Кристиан чувствовал себя плохо и целый день спал как убитый. Сказалось отравление наркотиками, длительное нервное напряжение. Мэрфи тоже не испытывал особого желания выходить на улицу. Сидя в кресле, он перелистывал старые журналы, сожалея, что японские варианты «Плейбоя» и «Пентхауза» куда менее откровенны, чем американские.

Впервые за долгое время Мэрфи не надо было никуда торопиться. Никто им не командовал, не распоряжался. Мэрфи всегда мечтал о таком спокойном житье.

Но когда осунувшийся, как после болезни, бледный, с синяками под глазами Кристиан почувствовал себя достаточно хорошо, чтобы встать, Мэрфи воспротивился его намерению пойти в полицию.

— В полицию? Вы с ума сошли, — бросил он Кристиану. — Кто с вами станет разговаривать? Какие у вас доказательства?

— Но вы же свидетель, Дональд. Вы же все знаете. Вы везли Хартунга, вам поручили вывезти меня. Вы опознаете людей, которые отдали такой приказ.

Мэрфи насмешливо посмотрел на него.

— Полеты моего самолета нигде не регистрировались. Я летал с американских военных аэродромов, а они пользуются правами экстерриториальности. Да и самолет давно исчез — его перекрасили, дали другие номера, и мои коллеги перегнали его куда-нибудь на остров Сайпан или на Гуам, мы повсюду напихали свои базы. И слава богу. — Мэрфи тяжело вздохнул. — Иначе пришлось бы мне выступать на этом суде, только не в роли свидетеля, а в роли подсудимого.

— Об этом я не подумал, — искренне сказал Кристиан, но тут же поднял голову. — Так что же, забыть обо всем, позволить этим людям безнаказанно действовать и дальше?

— Говорите за себя, Редлих, меня все это как-то мало беспокоит, — вялоотреагировал Мэрфи.

— Но это же... подло, — тихо произнес Кристиан. Пилот побагровел от гнева. Таких слов он не ожидал от Кристиана. Тогда-то Мэрфи и высказался насчет неблагодарности.

Несколько минут они стояли друг против друга, стараясь не встречаться взглядами. Первым извинился Кристиан.

— Я был не прав, Дональд. — И протянул ему руку.

Не успевший окончательно остыть Мэрфи пожал ее и отвернулся.

— Поймите же меня правильно, Дональд! Ведь они похитили Норберта Хартунга, моего друга, и я не знаю, что с ним, жив ли он. Простое чувство долга требует что-то предпринять. Я понимаю, что обязан вам жизнью, и никогда этого не забуду.

Бледное лицо Кристиана покрылось красными пятнами. Мэрфи не мог больше отмалчиваться.

— Ладно. Все равно больше мне там не работать. Год назад я получил команду перегнать свой самолет на одну из наших военно-воздушных баз в Японии. Сам поселился в гостинице. Примерно через неделю после прилета в Японию ко мне в номер пришли двое: японец, хорошо говоривший по-английски, и какой-то иностранец.

— Американец?

— Нет, — поколебавшись, сказал Мэрфи, — по-английски он говорил с ошибками. Назвали пароль. С тех пор я три-четыре раза вылетал из Японии с грузом в больших деревянных коробках, вроде той, что чуть не стала твоим гробом.

Кристиан вздрогнул.

— Что было в ящиках, я разумеется, не знал. До последнего времени не имел опасной привычки интересоваться чужими тайнами. — Мэрфи сделал попытку усмехнуться. — Летал всегда в одно и то же место, в Латинскую Америку. Пункт назначения — не город, не деревня, просто точка на карте. Когда летел первый раз, минут десять кружил над этой самой точкой, но ничего не мог разглядеть в густом лесу. Настоящие джунгли. Наконец со мной связались по радио. Вся штука в том, что аэродром виден при заходе со строго определенного курса. У постороннего пилота практически нет шансов отыскать аэродром.

— Аэродром? — ошеломленно переспросил Кристиан. — Настоящий аэродром? Кому он принадлежит?

— Самый что ни на есть настоящий. А вот то, что рядом с ним...

Мэрфи неожиданно замолк. Тяжелая складка пере-секла его лоб.

— Продолжайте, Дональд, — нетерпеливо проговорил Кристиан.

— Называют они это институтом. Огромная территория в лесу, огороженная колючей проволокой. Разделена на несколько зон. Я был только в одной, там я ел и отдыхал в бараке. Выходить из него мне запрещалось. Повсюду стоят мрачные ребята в форме с оружием — ни малейшей охоты у меня не было вступать с ними в беседу. Долго мне там не разрешали отдыхать. Приду в себя — и назад. По правде сказать, задерживаться там — удовольствие небольшое.

— А кто же они такие? — спросил потрясенный Кристиан. — Преступники? Бандиты? Что они там делают?

Мэрфи пожал плечами.

— На обычных преступников непохожи. Что интересно, местных там ни одного человека. И разговаривают между собой только по-немецки. Правда, там, в Латинской Америке, немцев полно. А двое там таких, что не приведи господь встретиться, — Вальтер Хансен и Хельмут Хайссе...

— Хайссе — переспросил Кристиан. — Где-то я слышал эту фамилию. Какой он из себя?

Мэрфи, немного удивленный, описал человека, в точности похожего на мрачного племянника уважаемого профессора Карла Циммера.

Кристиан, взволнованный, вскочил. Что-то неладное было в расспросах, которые вели тогда Циммер и Хельмут Хайссе. Неужели они как-то связаны с трагической историей Хартунга? И профессор Симидзу тоже?.. Кристиан потер виски, пытаясь сосредоточиться. Таинственный институт в дебрях Латинской Америки, куда регулярно посылают грузы из Японии? И немцы... Много немцев. Что все это значит?

Агенты перерыли всю комнату Кристиана, надеясь обнаружить хоть какую-нибудь зацепку, которая помогла бы узнать, где он скрывается. Но в ящиках письменного стола, в многочисленных папках, разбросанных по всей комнате, они нашли лишь выписки, рефе-

раты, конспекты — словом, целую кучу подготовительных материалов к диссертации и почти никаких личных бумаг. Единственным японцем, чей адрес записал Кристиан, был профессор Симидзу. В бумажнике Кристиана нашли несколько его фотокарточек. Одну из них пересняли и размножили. Сложнее оказалось с фотографией Мэрфи. Удалось раздобыть лишь десятилетней давности фото, выданное из какого-то документа.

Два с лишним десятка агентов держали под контролем все места, где могли появиться беглецы, прочесывали токийские гостиницы.

Теплым июньским утром заместитель туринского прокурора открыл дверцу своего «феррари», чтобы ехать на работу. В эту минуту из соседнего переулка выскочила машина темно-вишневого цвета (как потом удалось установить в ходе полицейского дознания). Заместитель прокурора поднял глаза, чтобы взглянуть на сумасшедшего, который несся с такой бешеной скоростью по их тихому району, где за фигурными решетками укрылись виллы высших чиновников города, и вдруг его спокойное лицо побелело. Вишневая машина, мчавшаяся по сонной улочке, на секунду замедлила ход, с правой стороны опустились стекла и в окна высунулись два черных дула. Он не успел даже до конца понять, что происходит, как его тело начали рвать пули, выпускаемые длинными очередями из двух стволов. Он крутанулся на месте, пытаясь ухватиться за дверцу машины, и медленно сполз на землю. Вновь наступившую тишину прорезал вопль его жены, выскочившей из дома.

Комиссару Вентури, которому поручили расследование, вряд ли стоило так удивляться, когда, приехав разбирать бумаги убитого, он обнаружил, что эту операцию уже произвели до него. Из папок исчезли десятки пронумерованных страниц. Дела, хранившиеся в сейфе, «обработали» опытные руки, не оставившие следов ни в прямом, ни в переносном смысле. Столь же бессмысленной была попытка выяснить, кто рылся в сейфе заместителя прокурора. Чужие не могли добраться до его кабинета, да и сейф не взламывали, а открыли ключом. Дубликат ключа хранился в спецотделе и выдавался только по личному указанию прокурора города. На во-

прос комиссара прокурор отрицательно покачал головой. Впрочем, как полагал Вентури, это ничего не означало — убитого в городе не любили, его прислали из Рима, и он чересчур активничал: местные считали его чужаком и, как почувствовал Вентури, встретили сообщение о его смерти чуть ли не с облегчением.

Вишневую машину полиция задержать не сумела. Наверное, ее просто перекрасили и перегнали куда-нибудь подальше. Вечером газеты написали: ответственность за убийство взяла на себя организация «Боевой орден имени Муссолини», о чем сообщил ликующий голос взявшему телефонную трубку репортеру из журнала «Панорама».

— Вообще-то говоря, это может быть блеф, желание обратить на себя внимание... А впрочем... Мы уже сталкивались с этой организацией. Правда, убийств за ней пока не значилось. Так, собрания, листовки, письма с угрозами левым лидерам, призывы к установлению сильной власти. — Первую справку Вентури получил от своего однокурсника, работавшего в Риме в канцелярии прокурора республики. Розовощекий, с редкими для итальянца светлыми волосами, он благодаря родственным связям устроился на малозаметную, но высокооплачиваемую и важную должность и постепенно вырос до начальника канцелярии. В порыве откровенности он однажды признался Вентури: «Конечно, я бы мог, как ты, да и другие ребята, пойти в полицейский комиссариат одного из городов, вести громкие дела, заработать имя, видеть свои портреты в газетах. Но зачем? Такая слава рано или поздно кончается некрологом в тех же газетах и сообщением, что дело об убийстве поручено твоему преемнику... Разве ты не видишь, что происходит вокруг нас? За год — две сотни убитых только по политическим мотивам. Распутать удастся лишь одно дело из десяти, сам знаешь. Так что лучше в тени, да живым». — «Это точно, — согласился тогда Вентури. — Лучше быть последним в Риме, чем первым в деревне».

В этот приезд Вентури он не стал приглашать «туринского коллегу и однокашника» ни домой, ни в ресторан, а принял в просторном кабинете, который только что занял. Пока Вентури рассказывал ему обстоятельства убийства заместителя прокурора, он морщился, а потом, не дослушав, прервал:

— Кислое дело, Марио. Если это действительно дело рук «Боевого ордена» — а похоже, что так, — концов здесь не найдешь и известности не заработаешь. Этот орешек тебе не по зубам. Мой тебе совет — не форсировать следствие. И ничего не сообщай прессе. Можешь привлечь к себе нежелательное внимание.

Из гостиницы Вентури перезвонил своему однокашнику, чтобы уточнить данные о террористической организации «Боевой орден имени Муссолини». Тот продиктовал Вентури несколько имен и адресов.

Этот телефонный разговор был записан на магнитоленту.

В доме № 153 по аллее Кристоффо Коломбо разместилось ядро американской системы прослушивания телефонных разговоров в Италии, замаскированной под службу связи НАТО. Результаты круглосуточного прослушивания городской телефонной сети отправлялись в несколько адресов. Среди них — резидентура ЦРУ в Риме. Интерес провинциального комиссара Вентури к неофашистскому подполью показался кое-кому в Риме подозрительным.

В ночном поезде Рим — Турин комиссар Вентури так и не смог уснуть. Ему были неприятны советы однокашника.

Утром Мэрфи поехал в банк за деньгами. В Токийском банке у него лежала приличная сумма, а чековую книжку он всегда держал при себе.

Кристиан остался один на один со своими мыслями. Вопросы, которые он вновь и вновь задавал себе, оставались без ответа. С какой целью создан институт? Зачем там понадобился мюнхенский физик Норберт Харtung? Почему, в конце концов, пытались убрать его, Кристиана? И что это за могущественная организация, к услугам которой и самолеты, и наемные убийцы? Которая действует и в Латинской Америке, и в Японии, и, быть может, в других странах?

Кристиан метался в тесном гостиничном номере, безумно скучая по привычному образу жизни: разбросанным по столу бумагам, портативной пишущей машинке, которая сопровождала его повсюду. Вынужденное безделье угнетало его.

Кристиан подошел к окну и сразу же разочарованно отвернулся: гостиничные окна выходили на боковую стену стоявшего совсем близко высотного здания. «Мэр-

фи, видно, здорово напугала вся эта история, — подумал он, — я же предлагал остановиться в гостинице попримичнее».

В это время открылась дверь, и в номер не вошел, а влетел Мэрфи.

— Вот и вы, Дональд, а я как раз... — начал было Кристиан.

Мэрфи резким движением запер дверь и прислонился к ней спиной.

— Что случилось? — удивленно спросил Кристиан.

В широко раскрытых глазах Мэрфи Кристиан увидел страх.

— Там, внизу, я чуть не столкнулся с ними... Два японца... Они показывали портье фотографии... Наши фотографии. Я поднялся сюда по боковой лестнице.

Теперь и Кристиан почувствовал, как стучит у него сердце. Минуту они смотрели друг на друга. Первым овладел собой Мэрфи.

— Я взял два билета до Лондона. Вылет через четыре часа. Дай бог, чтобы нам удалось целыми и невредимыми убраться отсюда. Слушайте и запоминайте. — Мэрфи говорил сосредоточенно и четко: — Сейчас выходим и спускаемся на разных лифтах. Вы выйдете из гостиницы через боковой ход, пройдете вправо, там стоянка такси, возьмете машину и поедете в аэропорт. Но идите в зал прилета и ведите себя так, будто встречаете кого-то. Найдите место поудобнее, не слишком заметное, но и не чересчур уединенное, чтобы не бросаться в глаза.

Кристиан молча слушал.

— А вы?

— Обо мне не беспокойтесь, я поопытнее вас. Вот билет. Когда объявят рейс, не торопитесь. В самолет надо подняться в общей массе пассажиров. Встретимся прямо в самолете.

Кристиан кивнул.

Мэрфи выглянул в коридор. Пусто. Он вышел и махнул рукой Кристиану. Боковой лифт был занят. Когда Кристиан оглянулся, пилота уже не увидел.

В лифте Кристиан оказался с несколькими японцами. Ему стало жарко. Он почувствовал, как струйки пота потекли у него по спине. Секунды, пока лифт не достиг первого этажа, показались ему нескончаемыми. Никто не обратил на него внимания, и он, следуя указаниями Мэрфи, благополучно добрался до стоянки.

В аэропорту было шумно. Кристиан совсем отвык от такого скопления людей.

Кристиан сел в кресло и пролистал несколько газет. Временами он внимательно оглядывался, надеясь увидеть Мэрфи. Потом отправился выпить кофе. Немного прогулялся. В аптеке купил таблетки от головной боли. С полчаса кружил по зданию, пока не уперся в вывеску «Парикмахерская». До отлета еще полтора часа. Кристиан посмотрел на себя в зеркало и вошел. Через минуту над его мокрой головой шелкали длинные ножницы. За стрижкой последовала укладка, сушка, массаж лица.

Расплатившись, он побежал в зал отлета. На вопрос о багаже отрицательно покачал головой и присоединился к последней группе пассажиров лондонского рейса. Посещение парикмахерской, как ни странно, улучшило его настроение. Он плюхнулся в свое кресло и понял, что Мэрфи еще не появился. Кресло рядом с ним было пусто.

Что же случилось? Он хотел встать, выбежать из самолета, но зажглась надпись «Застегните ремни», и самолет начал выруливать на взлетную полосу. Встав во весь рост, Кристиан внимательно осмотрел ряды пассажиров. Нет, Мэрфи не было в самолете.

Комиссар Вентури никак не мог сообразить, что его смутило в протоколе осмотра места убийства заместителя прокурора. Там явно была какая-то несуразица. Он вновь достал из сейфа дело и принялся его перечитывать. «Установить марку машины не удалось, поскольку не нашли ни одного свидетеля. Через полчаса после момента убийства дорожная полиция получила приказ осматривать все автомобили темно-вишневого цвета, приказ действовал в течение двух дней, однако ничего подозрительного обнаружить не удалось. Видимо, машину в течение этих тридцати минут угнали в надежное место и перекрасили».

Вентури задумался. Что-то здесь ему не нравилось. «Угнали». Угнали куда-то далеко, спрятали, перекрасили и вывезли из города. А почему, собственно, вывезли? Она может и до сих пор стоять в чьем-нибудь гараже. Ведь у нас нет даже данных о марке. Экспертиза предположительно представила на выбор пять последних моделей «фиата».

Вентури присел за стол, включил настольную лампу, взял лист белой бумаги. Провел жирную линию — ограда виллы заместителя прокурора, вторую параллельную линию — дорога, по которой ехали преступники. Крестиком обозначил место, где стоял убитый. Автомобиль ехал, как и полагается, по правой стороне... Так. Но почему машина заместителя прокурора стояла тоже на правой стороне, причем она была развернута навстречу преступникам. Их машина прошла впритирку с прокурорской «феррари», стреляли почти в упор. У нас в Италии пока что правостороннее движение, подумал Вентури. Заместитель прокурора собирался ехать на работу. Зачем ехать против движения? Тут что-то не так. Придется посмотреть на месте. Вентури накинул плащ и вышел из кабинета.

Через пятнадцать минут он уже был на той самой улице. Сбавив скорость, он, повторяя путь убийц, подъехал к дому, около которого произошла трагедия, и поехал дальше. Справа и слева сменяли друг друга более или менее похожие виллы. Особенно выделяться здесь было не принято, поэтому постройку вилл поручали одному и тому же архитектору, который сколотил на этих проектах приличное состояние и сумел купить дом в конце этой же улицы. «Да, — подумал комиссар, — вот его вилла. Последняя на улице». Он остановил машину. И вдруг понял, почему автомобиль преступников не могли обнаружить в городе.

Дорожная полиция не виновата. Просто автомобиль не показывался в городе. Улица, на которой совершилось преступление, была перегорожена рядом врытых в землю бетонных столбиков, выехать убийцам было некуда. Развернуться они не успели — к телу убитого сбежались люди. Значит, преступники спрятались на одной из этих изящных вилл.

Вентури вылез из машины и закурил. Открытие ошеломило его. Теперь жизнь в этих виллах не казалась ему мирной и безмятежной, а улочка спокойной и внушающей доверие. Кто же здесь сообщник убийц?

Последняя надежда на то, что Мэрфи улетел каким-то другим рейсом, исчезла. Пассажир с такой фамилией в Лондон не прилетал, ответили Кристиану в аэропорту после долгих проверок.

На последние деньги он купил билет в Мюнхен и вскоре был дома. Но оказавшись в родном городе, он решил поехать не домой, а к своей бывшей квартирной хозяйке, фрау Вебер, у которой снимал комнатку, когда был студентом. Фрау Вебер, пожилая симпатичная женщина, вдова служащего, существовала на маленькую пенсию и вынуждена была сдавать комнаты. Кристиан прожил у нее пять университетских лет.

Фрау Вебер встретила его очень приветливо.

— Господин Редлих! Какими судьбами?

Уставший от всех передраг, Кристиан не стал вдаваться в объяснения, а сказал, что ему нужно срочно написать одну работу, а дома его все время отрывают от письменного стола. Помня прилежность Кристиана, фрау Вебер не удивилась.

— Ваша прежняя комната как раз пустует. Честно говоря, не так уж просто найти квартирантов. Район у нас, сами знаете, какой — вокруг в основном иностранные рабочие. Многих это раздражает, — скороговоркой рассказывала она.

Кристиан уже направился к себе, как фрау Вебер вдруг поднялась с мягкого кресла, где уютно устроилась с вязанием.

— Я даже сохранила ваши бумаги. Помните, вы писали диплом? Несколько тетрадей осталось у меня. Я сейчас их принесу.

Потом он отправился в полицию. Полицейский инспектор выслушал Кристиана и с отсутствующим выражением лица записал его показания.

Кристиана охватило чувство безнадежности. Полиции не было никакого дела ни до Хартунга, ни до Мэрфи. Покинув здание полицейского управления, Кристиан вдруг понял, что в этом мире человек может надеяться только на самого себя.

Он шел по аккуратной мюнхенской улице, залитой солнцем, и ему хотелось плакать.

Какой-то наглый баварец, которого Кристиан слегка задел локтем, открыл рот, чтобы обрушить на молодого человека поток ругательств, но, увидя глаза Кристиана, полные боли, вздрогнул и промолчал.

Хозяева вилл на этой улице не держали собак. Вентури только поэтому удалось беспрепятственно обшарить два гаража, пока их хозяева спали. Замки оказа-

лись на диво примитивными, каждый требовал минутной возни. «А потом будут удивляться, как это из закрытого гаража увели машину», — усмехнулся он. А в третьем гараже, зацепившись за что-то невидимое в темноте, он разорвал рукав пиджака и до крови ободрал руку. Он орудовал набором отмычек, которые еще пару лет назад конфисковал у известного взломщика.

Вентури двинулся к последней, четвертой вилле. Он обошел вокруг дома, проверяя, нет ли еще одного гаража. На его счастье, все виллы были типовыми. «Даже если бы у меня чудом оказалось много денег, такую коробку не купил бы ни за что», — размышлял он, подбирая нужную отмычку. Зайдя в гараж, он щелкнул фонариком.

Узкий луч света выхватил темный бок машины «фиат». Номер не туринский. Когда глаза привыкли, он наконец разобрал: машина была темно-вишневого цвета.

Он присел на корточки. «Конечно, хорошо бы накачать рисунок протектора». Но это было невозможно.

Он осторожно вышел. Уже на улице в неясном свете далекого фонаря он различил номер виллы. Дом принадлежал туринскому прокурору. У прокурора не было вишневого «фиата», Вентури знал это точно. Открытие, видимо, не обрадовало его. Он быстрыми шагами направился к оставленной наподалеку машине. Вскоре раздался звук заводимого мотора, и все стихло.

— Подумать только, — искренне удивилась жена Вентури, пристрастившаяся к чтению газет за завтраком. В первые годы их супружеской жизни она долго отучала его от этой привычки. В конце концов Вентури отказался от многолетнего утреннего ритуала, а Карла, напротив, привыкла к свежим выпускам «Джорно» и особенно туринской «Стампы». Неторопливо перелистывая страницы, она просматривала заголовки в поисках чего-нибудь интересного. Все, что казалось ей стоящим внимания, Карла прочитывала Марио вслух. Комиссар согласно кивал головой, продолжая размышлять о своих делах. Однажды он признался себе, что, увидев один раз газету в руках жены, почему-то начисто утратил интерес к чтению прессы.

— Ты совершенно не слушаешь меня, — сказала Карла.

— Что ты, дорогая, — встрепнулся Марио.

— Подумать только, — повторила жена, — неужели они кого-то еще интересуют, эти люди? Ведь они превратились в дряхлых стариков и уже больше ни для кого не представляют опасности.

— Ты о ком? — спросил он.

— Да об этих нацистах, — небрежно ответила она и стала вслух читать: — «Федеральный департамент юстиции и полиции Швейцарии опроверг сообщение прессы, будто в стране в течение 20 лет проживал заместитель нацистского военного преступника Эйхмана — Г. Гюнтер. После смерти некоего Курта Якоба в доме для престарелых под Берном действительно выяснилось, что под этим именем скрывалось другое лицо. Однако его идентичность с бывшим сотрудником Эйхмана установить не удалось».

Комиссар допил кофе, поблагодарил жену, поднялся. Спустившись по ступенькам дома, оглянулся: Карла, стоя у окна, помахала ему рукой.

В своем кабинете комиссар, не присаживаясь, вытащил из сейфа несколько бумаг, относящихся к убийству заместителя туринского прокурора, быстро просмотрел их, сунул в папку и отправился в приемную начальника полиции.

— Шеф как раз спрашивал о вас, — заученно улыбнулась ему секретарша. — Подождите минуточку, у него прокурор, но я думаю, что он не надолго.

— Знаете, профессор, мне нелегко работать в Токио. Я излагаю своему собеседнику цель логически вытекающих один из другого аргументов, но они нисколько не убеждают. Здесь руководствуются совсем иной логикой, хотя я твердо уверен: двух логик не бывает.

Симидзу с интересом взглянул на Уорнера. В душе Симидзу презирал всех американцев, с которыми ему приходилось сталкиваться. Слишком прямолинейные, ограниченные, они не способны были замечать детали, различать оттенки, а потому пропускали самое главное. Грубоватый, необразованный Уорнер поначалу чрезвычайно злил Симидзу. Профессор вообще возражал против сотрудничества с людьми ЦРУ. Но Поль Уорнер оказался человеком дела: он появился здесь год назад, и вот уже целый год общество «Движение за Великую

Японию» пользовалось самолетами, летавшими прямо из института.

С начала работы над проектом «Вальхалла» связь с институтом стала сверхопасной. Обычные контакты пришлось прервать. Что ни говори, у них слишком много врагов. Путь, который предложил Уорнер, не вызывал никаких подозрений. Самолеты летали с американских военно-воздушных баз, да и кому придет в голову, что все грузы в институт идут через Японию. Правда, отныне американец мог в обмен рассчитывать на получение всей информации, которая ему была нужна.

Кое-кто считал это слишком дорогой ценой, ожидая от американцев любого подвоха, но Симидзу был невысокого мнения о способностях заокеанских партнеров и не опасался их вмешательства, считая, что всегда сумеет их переиграть.

— И точно, профессор, — продолжал Уорнер, — одолел я тут одну книгу насчет различий в психологии. Различия, оказывается, коренятся в языке. Короче говоря, мы руководствуемся причинно-следственным принципом, вы — нет. Вот поэтому, — Уорнер вытащил из кармана конверт с фотографиями и протянул профессору, — мне приходится тратить столько сил, чтобы убедить вас.

Симидзу в сто раз лучше Уорнера знал теории, о которых говорил его собеседник, но неожиданный переход к делу оценил. Он несколько секунд хладнокровно рассматривал снимки. Следя за его взглядом, Уорнер добавил:

— Тут у меня еще ампула из-под наркотика, который ваши впрыснули бедному Кристиану Редлиху. Он ведь ваш ученик, не так ли?

Симидзу аккуратно сложил фотографии, подравнял края и вернул их Уорнеру.

— Так что вы хотите? — усталым голосом спросил профессор.

Уорнер широко улыбнулся.

— Меня интересует проект «Вальхалла».

Заботливая фрау Вебер положила на столик стопку толстых тетрадей в одинаковых переплетах. Вернувшись из полиции, он лишь равнодушно взглянул на них, но утром руки сами потянулись к старым тетрадям, напоминавшим о бессонных студенческих ночах.

Мысли Кристиана витали где-то далеко. Ему не давало покоя воспоминание о немецком профессоре, с которым Кристиана познакомил Симидзу. Почему имя Клаус Циммер кажется ему знакомым?

«Уорнер — Джексону.

...в результате нашей последней беседы мой собеседник был вынужден согласиться на расширение сотрудничества. Другого выхода у него не оставалось. Я поставил перед ним два вопроса, которые мы с вами обсуждали. Сведения, полученные от него, представляются мне настолько важными, что я прошу вызвать меня в Вашингтон как можно скорее для доклада.

Одновременно хочу в дополнение к предыдущему сообщению доложить, что пилот самолета «Сентрал авиэйшн транспорт эйдженси» Дональд Мэрфи, как выразился мой собеседник, «изолирован» и более не представляет опасности. Кристиана Редлиха, который также может помешать, не удалось пока обнаружить. Не стоит ли связаться с нашими коллегами в Федеративной республике?

Вместе с тем хотел бы вновь поставить вопрос о возобновлении рейсов самолета по известному вам маршруту: мы не только, таким образом, выполним свою часть обязательств перед нашими партнерами, но и по-прежнему будем в состоянии контролировать подготовку проекта «Вальхалла», о котором я хотел бы доложить при личной встрече.

Разумеется, пилот должен быть подобран особенно тщательно, с учетом специфики работы».

Джексон еще в колледже выделялся умением быстро читать, его взгляд не скользил по строчкам, а сразу выхватывал самое главное на странице. «Джексон, — отозвался о нем как-то Малькольм, — мгновенно разбирается в ситуации, отсеивает все ненужное, вычленяет важное и в 15 минут может изложить ясно и понятно любую проблему. На первые роли не годится, но как помощник незаменим».

Джексон тут же набросал несколько строк шифровки о вызове Уорнера в Вашингтон. Малькольм подписал вызов Уорнеру без звука. Джексону показалось, что шеф не в духе. Он взял приказ и пошел к двери. Неожиданно Малькольм остановил его.

— Вы не слишком переигрываете с вашим «коричневым фронтом»?

Джексон насторожился. Нотки сомнения и неуверенности редко звучали в устах заместителя директора ЦРУ. В Лэнгли презирали тех, кто не умел скрывать свои чувства, позволял себе расслабиться, что называется, «терял лицо».

— Во всяком случае, вы имеете дело с надежными людьми? Вы отдаете себе отчет в степени риска?

«Видимо, произошла утечка информации», — сообразил Джексон, разглядев на столе ежедневную сводку, которую в это время дня разносили руководству ЦРУ.

— Почитайте, — предложил Малькольм, указав на отчеркнутые карандашом абзацы.

Джексон быстро пробежал глазами сообщение информационного агентства, утверждавшего, что США причастны к попытке государственного переворота в Испании:

«Между заговорщиками и сотрудниками Центрального разведывательного управления существовали личные контакты. Агенты ЦРУ несколько лет назад наладили тесные связи с молодыми ультраправыми офицерами, которые создали Испанский военный союз по образцу подпольной организации, начавшей 18 июля 1936 года под руководством генерала Франко антиправительственный мятеж. По совету ЦРУ члены Испанского военного союза осуществили осторожную и тщательно продуманную операцию по проникновению в армейскую разведку и в ударные войсковые соединения. Как сообщила газета «Паис», путчисты встречались с одним из советников президента США, с тем чтобы выяснить возможную реакцию Соединенных Штатов Америки в случае организации военного переворота. По утверждению газеты, американцы дали двойственный ответ. Они не обещали никакой конкретной помощи путчистам, но в то же время не исключали возможности сотрудничества с ними, если военный переворот закончится успешно.

Целый ряд испанских журналистов, сотрудничавших с ЦРУ, по заданию Лэнгли готовили специальные материалы с резкой критикой кабинета за неспособность управлять страной, призывали к созданию сильного правительства, восхваляли армию. По нашим сведениям, более сорока журналистов в настоящее время сотруд-

ничают с ЦРУ. ЦРУ имеет по меньшей мере одного своего человека в каждой влиятельной газете, журнале или радиостанции страны.

С целью обеспечить приход к власти ультраправых, фашистских сил ЦРУ обещало предоставить в распоряжение заговорщиков американские войска, дислоцирующиеся на военной базе Торреихон-д-Ардос, расположенной в 15 километрах от Мадрида. Как стало известно, в ночь накануне попытки переворота в порт, находящийся неподалеку от Валенсии, прибыли два американских военных транспортных корабля с грузом оружия и боеприпасов, предназначенных для заговорщиков».

— Насчет Испанского военного союза и журналистов — ладно, теперь все ваяют на ЦРУ. Будем считать, что это домыслы, — говорил Малькольм. — Но о транспортных кораблях откуда стало известно?

— Это не может исходить от людей, с которыми у меня есть контакты, — покачал головой Джексон. — Не в интересах «коричневого фронта» обнародовать какие-то сведения о связях с ЦРУ даже из бахвальства. Во-первых, это может привести к тому, что из-за публичного скандала нам придется прекратить всякую помощь им. Во-вторых, они же презирают «американскую плутократию», во всяком случае, на словах. Рядовые члены «коричневого фронта» не простят своему руководству связей с ЦРУ.

— Логично, — согласился Малькольм. — Но все же будьте осторожны. В каком-то звене произошла все-таки утечка информации.

— Хорошо. Я приму дополнительные меры, — сказал Джексон. — Однако, мне кажется, вы считаете испанские события полностью неудачными. Уверяю вас, это не так. Теперь процесс вступления Испании в НАТО пойдет значительно быстрее. А такую задачу перед нами и ставили. Наше посольство уже отметило, что испанское правительство ускорило процесс вступления в Североатлантический союз. Это надо расценивать как стремление Мадрида обезопасить себя от повторения попыток путча, от недовольства ультраправых военных и одновременно как реверанс в нашу сторону. Так что утечка информации о нашей возможной заинтересованности в приходе к власти военных только подстегнет Мадрид к сближению с нашей страной. Тоже неплохой результат.

Малькольм не стал продолжать этот разговор. Как отметил Джексон, его шеф в принципе предпочитал воздерживаться от щекотливых в политическом отношении оценок.

Конечно же, он был прав! Кристиан взволнованно ходил по комнате, держа в руках старую тетрадь. Он мысленно похвалил себя за тщательность, с которой делал любую работу, несмотря на насмешки однокурсников, предпочитавших обходиться минимумом.

Защита дипломного исследования Редлиха «Фашистские истоки идеологии крайне правых» проходила весьма бурно, хотя работа и носила чисто теоретический характер. Она была написана на современном материале, в ней анализировались сочинения теоретиков партий и групп, занимавших крайне правый фланг на политической арене Федеративной республики. Споры вокруг его исследования были неприятны Кристиану: он вовсе не хотел оказаться втянутым в политическую борьбу. После защиты, как ему казалось, он даже выбросил все подготовительные материалы. Но тетрадь, которую он полушутливо-полусерьезно называл «коричневой» (не из-за цвета обложки, разумеется), сохранилась у фрау Вебер.

В «коричневой тетради», заполненной записями об идеологии и истории фашизма, цитатами, обширной библиографией, Редлих отыскал ссылку на Клауса Циммера, автора выпущенной в Цюрихе неонацистской брошюры с претенциозным названием: «Ложь и правда. В защиту несправедливо оболганных».

Имя Циммера значилось и в списке, который Редлих приложил к запросу, отправленному в архив в Западном Берлине (им распоряжались американцы). В архиве хранилось значительное число документов, относящихся ко временам «третьего рейха», в том числе картотека НСДАП, содержащая сведения более чем о десяти миллионах членов партии; документы ведомства Розенберга по расовым вопросам: сведения о 2,5 миллиона немцев, проживавших вне Германии и переехавших в рейх из оккупированных стран Европы.

Он отыскал ответ из архива. Кристиан быстро пробежал глазами строчки: «Уважаемый... В ответ на Ваше письмо от... сообщаем Вам... В соответствии с имеющимися в нашем распоряжении документами... Клаус Циммер, 1914 года рождения, член НСДАП с 1936 года, пар-

тийный билет №... сотрудник внешнеполитического отдела НСДАП, специалист по Японии, отвечал за связи с сочувствующими «третьему рейху» слоями в Японии... Другими сведениями не располагаем».

Фрау Вебер любезно оставила на столике в передней несколько иллюстрированных журналов для Кристиана. Перелистывая их, он наткнулся на заинтересовавший его материал о недавней попытке военного переворота в Испании.

«Невозможно, — сказали мне испанские коллеги. — К Техеро никого не допускают. Тем более иностранца». Антонио Техеро Молина, подполковник гражданской гвардии, руководивший нападением на парламент в Мадриде, — по-прежнему герой дня, судя по страницам испанской прессы.

Как же попасть к находящемуся под арестом подполковнику, которого одни считают дьяволом, а другие национальным героем? Мне намекнули: кафе «Рома». Там собираются аристократы, отставные военные, клерикалы.

Настало время аперитива. «Да здравствует Техеро!» — говорит увешанная драгоценностями крашеная блондинка и чокается со мной. Владелец кафе несколько секунд внимательно смотрит на мой аккуратный пробор и говорит по-немецки: «Хайль Гитлер!». «Сливки общества» одобряюще улыбаются мне и поднимают бокалы.

Рядом с нами находится подтянутый мужчина в темносинем костюме. Ему за пятьдесят. Время от времени он бросает на меня взгляд поверх бокала. Внезапно он пишет что-то в своем блокноте, вырывает листок и кладет его, уходя, на стойку бара. «Бывший генерал Испанского легиона. Влиятельный человек в министерстве обороны, — почтительно говорит хозяин кафе. — Возьмите записку».

В записке значится: «Мой дорогой Антонио, податель сего — немец, специально прибывший в Испанию, чтобы пожать тебе руку. Я не знаком с ним лично, но можешь ему доверять». Подпись неразборчива.

Я полетел в Ла-Корунью, оттуда отправился на машине в Эль-Ферроль. Крепость «Кастильо де ла Пальма» расположена на территории, принадлежащей армии.

Камера Техеро представляет собой уютно обставлен-

ный кабинет с видом на море. Подполковник одет в свежее отутюженную форму гражданской гвардии и пребывает в наилучшем расположении духа. Он пьет коньяк с двумя супружескими парами своего возраста и предлагает мне сесть в кресло. На курительном столике горы писем, под ними большие поздравительные телеграммы.

— Так ты немецкий патриот? — Техеро на «ты» с «симпатизирующими» ему людьми.

— Да, который хотел бы пожать руку испанскому патриоту.

Он спрашивает меня:

— Считаются ли у вас правые плохими немцами?

— 40 лет назад все было иначе, — уклончиво отвечаю я и, видимо, затрагиваю его любимую тему.

— Да, это так, — говорит Техеро, — сегодня не хватает таких людей, как Гитлер и Франко.

— Вы верите, что Гитлер или Франко имели бы сегодня успех?

— Значительно больший, чем думают люди, значительно больший. Но, к сожалению, все, что пишут об этих деятелях, тенденциозная травля.

— А многие здесь думают так, как вы?

Техеро раскидывает руки, будто он хочет охватить всю Испанию, по меньшей мере, весь гарнизон.

— Все, — говорит он с нажимом.

Двое дежурных заходят за мной и провожают до ворот. Крепость, становится мне ясно, не тюрьма, а бастион известного полководца, которого придерживают для выполнения его следующей задачи.

Как мне кажется, Техеро — единственный, кто в этом замке может свободно распоряжаться, кому все безусловно подчиняются. Я даже удивляюсь, почему Техеро не возьмет и просто не выйдет».

Интервью Кристиану понравилось. Взглянув на фамилию автора, он усмехнулся. Этого журналиста Кристиан знал, познакомился с ним на одной из дискуссий в Мюнхенском университете. Журналист, сотрудничавший в еженедельном журнале «Дас иллюстрирте магазин», понравился ему непривычной для университетских кругов резкостью суждений, даже некоторым максимализмом выводов.

Кристиан стал искать его телефон по всем записным книжкам. Поздно вечером ему удалось дозвониться до журналиста, почему-то дважды за последний месяц менявшего номер квартирного телефона.

Трубку долго не брали. Наконец Кристиан услышал сухое «да».

— Хорст? — переспросил Кристиан. Все-таки они не виделись, пожалуй, года полтора.

— Предположим, — отрезал собеседник. — Ну что там у вас? Говорите и проваливайте.

— Хорст? — Кристиан ничего не понимал. Чем-чем, а грубостью его знакомый прежде не отличался. — Это я, Кристиан Редлих. Отчего ты так нелюбезен?

— А, черт меня подери, — заорал журналист. — Кристиан, извини меня, пожалуйста. Я думал, это один из тех негодяев, что звонят мне круглые сутки и угрожают повесить, пристрелить или сжечь на костре вместе с моими писаниями. Пришлось даже номер телефона менять. Ужасно неудобно, друзья жалуются, что я совсем исчез.

— Что стряслось? — изумленно спросил Кристиан. — Ты ополчился против Штрауса или предложил «сухой закон»?

Журналист хмыкнул:

— Я рад, что ты по крайней мере не потерял чувства юмора. В отличие от меня.

— Так ты мне объяснишь, в чем дело? Неужели это из-за испанской статьи?

— Нет, испанская поездка уже забыта. Все неприятности из-за местных дел.

— А на меня большое впечатление произвело твое интервью. Неужели там грядет второй Франко?

— Бог с ней, с Испанией, — отмахнулся Хорст. — Я тебе покажу немало интересного из того, что происходит на нашей земле. Знаешь что, давай встретимся завтра. Я заеду за тобой утром. Ты где сейчас обитаешь? Подожди, я запишу.

Поздно вечером в квартиру Циммера ввалился Хельмут Хайссе в донельзя мятом костюме и с двумя чемоданами, на которых болтались ярлыки нескольких авиакомпаний.

— Что случилось, Хельмут? Я ждал тебя еще к обеду, — на лице Циммера была тревога.

— Самолет опоздал, вот что случилось, — огрызнулся Хайссе.

Он бросил чемоданы в передней и, стягивая на ходу пиджак, пошел в ванную.

Циммер принес ему купальный халат.

Отдохнув, Хайссе заглянул в кабинет. Профессор с готовностью отложил перо в сторону.

— Что нового в институте?

— Все готово. Остались какие-то мелочи. Самолет уже прибыл. Словом, все в институте уверены в успехе. Настроение у них чემоданное, — усмехнулся Хайссе. — Надеются, что почти сразу смогут вернуться на родину.

— Ну, это они немного торопятся, — поморщился Циммер. — Не все так быстро решается. Я думаю, что при самом удачном стечении обстоятельств им еще придется посидеть в институте.

— Я им, естественно, говорить об этом не стал. Чтобы не расстраивать. Уж больно они там нервные.

— Их можно понять, Хельмут, — мягко сказал Циммер. — Они выполнили задачу исторической важности. Они настоящие патриоты и стремятся увидеть Германию обновленной.

Хайссе не обратил внимания на тираду Циммера.

— Я видел там этого Норберта Хартунга. Издалека, разумеется. Его поместили в научный блок, подключили к работе над второй игрушкой.

— Очень хорошо. Лишний физик им там не помешает. Как он себя ведет?

Хайссе, не спрашивая у Циммера разрешения, вытащил из шкафа непечатую бутылку французского коньяка. Налил себе.

— А как он там себя может вести? Научный блок — тот же концлагерь. Только их не бьют и кормят прилично, чтобы голова работала. А вы что, ни разу не летали в институт?

— Я был там, когда расчищали площадки под первые дома, — ответил Циммер. — Идея создания института принадлежит мне. Когда-нибудь я расскажу тебе об этом.

— Из-за второй игрушки мне пришлось слетать в Преторию, — продолжал Хайссе. — Мы ездили в Намибию...

— Говори лучше: Юго-Западная Африка, — прервал его Циммер. — Это звучит благозвучнее.

— Сначала меня отвезли на месторождения урана в Россинге, потом на обогатительный завод в Валиндабе. Мы договорились о дополнительных поставках. Через месяц-полтора можно посылать самолет за грузом.

— Хорошо, я скажу Гонсалвишу, что понадобится

еще один рейс в Южную Африку. Ведь он один связан с авиакомпанией «Си-эй». Знакомые места, — добавил Циммер. — Когда зарождался проект «Вальхалла», я довольно часто летал в ЮАР и Юго-Западную Африку. Там у нас много друзей. Я бы мог тебе рассказать...

— Хватит, хватит, — прервал его Хайссе, — вы уже себя чувствуете ветераном движения, выступающим перед молодежью. Еще успеете.

— Ты начисто лишен нордической почтительности к старшим, — недовольно сказал Циммер.

Он вернулся к своим бумагам.

— Иди. Мне предстоит поработать этой ночью: мы с Симидзу должны лететь в Италию. Там назначен очередной сбор движения.

Кристиан спустился вниз ровно в семь. «Мерседес» его друга уже стоял у дома фрау Вебер.

— Ого, — сказал Кристиан, — откуда у тебя такая машина? В прежние времена деньги у тебя не водились и ты довольствовался «фольксвагеном».

— И сейчас не водятся, — кивнул журналист, сделав попытку улыбнуться, но его узкое лицо с рыжими, коротко постриженными усами не переставало хмуриться. — Совсем неожиданно издательство выпустило книгу моих репортажей. Это обошлось мне в два разбитых оконных стекла и в сотни две писем с изощренными оскорблениями. В прессе, разумеется, никаких откликов, хотя книгу раскупают довольно бойко.

Кристиан, повернувшись к нему, заметил седые волосы в довольно пышной шевелюре журналиста. «А ведь мы практически ровесники, год-два разницы», — подумал Редлих.

— Зато, — произнес журналист, производя замысловатый маневр, чтобы обогнать идущую впереди приземистую «хонду», — гонорар неплохой. — И он с удовольствием похлопал правой рукой по баранке «мерседеса». — С самого детства мечтал иметь такую.

Они съехали с автобана на узкую дорогу, петлявшую вдоль каких-то домиков и исчезающую в лесу.

— Ты знаешь, — начал Кристиан, — после крохотных участков японских крестьян поля наших баварцев кажутся мне настоящими поместьями. Представляешь себе...

— Погоди, — прервал его Хорст, — давай по поряд-

ку. — Впечатления от Японии расскажешь нам с женой вечером, она очень хочет тебя послушать, но сначала...

Он резко вывернул руль, и машина съехала с дороги на поле. Несмотря на хорошие рессоры, Кристиан раза два довольно ощутимо стукнулся головой о потолок кабины.

— Так куда же мы едем? — в промежутке между толчками успел спросить Кристиан.

— Уже приехали. — Хорст резко затормозил. На большом ровном поле, укрытом от дороги густым лесом, стояло несколько бронетранспортеров, чуть в отдалении разворачивался танк. Все поле было изрыто окопами, в которых Кристиан различил пригнувшиеся фигуры. Вначале Редлих подумал, что попал на съемки очередного боевика из времен второй мировой войны. Он оглянулся на своего друга, чтобы спросить, зачем тот потащил его сюда, и увидел гримасу на лице журналиста. Тут только он сообразил, что не видно ни операторов, ни кинокамер. Журналист тем временем вытащил фотоаппарат, сделал несколько снимков.

Их заметили. В люке танка показалась чья-то голова в вермахтовской фуражке. Из окопа вылезли еще двое с автоматами, в полном обмундировании, но без погон.

Журналист поджидал их совершенно спокойно: достав маленький блокнот, он исписал две страницы, прежде чем подошли двое с автоматами.

— Что вам здесь надо? — грубо спросил старший из них.

Второй, совсем еще юнец, смотрел исподлобья и нервно сжимал в руках автомат. Кристиан физически ощущал его ненависть.

Журналист вытащил из бумажника визитную карточку и протянул:

— Мы журналисты и хотели бы взять интервью у Карла Байера.

Старший взял карточку, подозрительно оглядел обоих с головы до ног и зашагал назад к танку. Кристиан проводил его взглядом. Он все еще ничего не понимал.

Там, на поле, разворачивалась целая баталия. Трещали пулеметные очереди, из окопов метали гранаты. Неожиданно танк развернулся и поехал прямо на них. От грохота мотора и лязга гусениц Кристиан ничего не слышал, «Что, если он не остановится?» — мелькнуло у него в голове. Танк остановился, и из него вылез высо-

кий мужчина в форме офицера вермахта. Гладко причесанные белокурые волосы с сединой, голубые глаза, глубоко упрятанные под мощными надбровными дугами, жесткая линия губ.

— Господин Байер, — журналист шагнул ему навстречу и назвалсся. — Я и мой коллега, господин Редлих, хотели бы задать вам несколько вопросов.

— Ну что ж, — Байер вроде бы усмехнулся, но глаза его смотрели зло и враждебно, — нам скрывать нечего.

Его мощный командирский голос перекрывал и шум стрельбы, и грохот двигателя.

Он стоял, широко расставив ноги в начищенных до зеркального блеска сапогах и заткнув руки за ремень. «Ну и солдафон», — подумал Кристиан.

Интервью прошло под аккомпанемент пулеметных очередей.

— Наша цель — борьба. С кем? С коммунизмом, большевизмом, всеми левыми. И с парламентаризмом вдобавок. Здесь, — продолжал он, кивнув в сторону, — куется ядро будущих освободителей Германии. Их пока немного. Но все начинают с малого. Мои парни еще себя покажут. Когда мы придем к власти.

Байер не испытывал ни малейшего смущения, излагая журналистам свои взгляды. Интервью было недолгим. Взглянув на часы, Байер величественно кивнул журналистам и нырнул в танк. Боевая машина обдала Кристиана струей выхлопных газов и двинулась к окопам.

— Что же все это значит? — наконец не выдержал Кристиан, когда они сели в машину и выехали на шоссе. — Кто это? Откуда у них оружие?

Хорст смотрел прямо перед собой.

— Это группа «Великая Германия». Ее руководитель Карл Байер был членом Национальной партии и ее кандидатом в ландтаг земли Северный Рейн — Вестфалия. — Он говорил спокойно, напряжение выдавали нервные движения рук. — Потом вышел из партии, назвав ее «недостаточно правой». Перебрался в Баварию, купил вот это поместье и принялся вербовать юнцов. В группе у него казарменная дисциплина, изучают военное дело на практике. Зарегистрировавшись в качестве коллекционера оружия, Байер вооружил своих парней до зубов. Венец его «коллекционирования» — покупка танка.

Крестьяне из соседних деревень несколько раз подавали жалобы в местный суд на группу Байера, кото-

рая принялась устраивать стрельбы даже по ночам. В последнее время они произвели несколько взрывов. Видимо, изучали подрывное дело.

— А полиция, власти? — спросил Кристиан. — Разве у нас подобные вещи не запрещены?

— Ты знаешь, — продолжал журналист, словно не слыша вопроса, — Байер ни минуты не сомневается в своей безнаказанности. И у него есть для этого основания. Представь себе, что подобной деятельностью занялась какая-нибудь левая группа, — ее немедленно запретили бы, а руководителя упрятали за решетку. Вероятно, и федеральные политики в Бонне, и земельные у нас в Мюнхене полагают, что выгоднее оставаться слепым на правый глаз. Иначе трудно объяснить, что придает Карлу Байеру такую уверенность. Неужели и в самом деле настало их время? Ведь акции группы Байера не могут не подпадать под какие-то параграфы нашего уголовного уложения, и полиция должна была привлечь Байера к ответственности. Но поведение полиции всегда отражает расстановку сил в обществе. Когда Веймарская республика была при последнем издыхании, нацистов уже не арестовывали. В тюрьмы попадали одни коммунисты. Может статься, нас ожидают страшные времена.

Они подъехали к дому фрау Вебер. Хорст затормозил. Кристиан не узнавал его. Куда девались веселость, легкость, постоянная улыбка, какие у него усталые больные глаза.

— Ты не можешь себе представить, сколько людей симпатизирует таким вот, как Байер. За статью о неонацистской группе меня разве что не называли «предателем нации» и «осквернителем собственного гнезда», как любил говорить Геббельс. Каждый день я вынимаю из почтового ящика несколько писем с оскорблениями и выбрасываю поскорее, чтобы случайно не прочитала жена. Узнали номер моего телефона и грозят разнести мне башку, повесить и сжечь вместе с моими друзьями-коммунистами.

Кристиан не верил своим ушам.

— Они думали испугать меня, — журналист усмехнулся. Правда, усмешка получилась какая-то невеселая. — Но я не собираюсь отступать. Я решил опубликовать статью, которую готовил очень долго. Она будет сильным ударом по ультраправым. Для полноты картины мне не хватало Байера. Ты слышал все, что он го-

ворил. Мюнхенской полиции ничего не стоило бы привлечь Байера к уголовной ответственности хотя бы за нарушение закона, запрещающего хранение взрывчатых веществ. В центральной картотеке федеральной полиции наверняка можно найти следы прежней деятельности Байера: подделка документов, нападение на помещение Германской коммунистической партии в Бонне. Но полиция и суд усердствуют лишь в отношении левых.

— Ну ничего, я сам все, что надо, выяснил, — закончил журналист, — рукопись уже сдана и появится в субботнем номере. Кстати, вот копия. — Он вытащил из кармана сложенные листки бумаги. — Будет время, полистай, а я поеду: надо дописать сегодняшние впечатления.

Кристиан вылез из машины, держа в руках статью. Журналист протянул ему руку из окна автомобиля.

— До завтра. — Он подмигнул Редлиху и вдруг хлопнул себя по лбу: — Пожалуйста, позвони моей жене, скажи, что сейчас приеду, а то она беспокоится.

В дверях показался улыбающийся прокурор. Увидев Вентури, он помахал рукой комиссару:

— Как дела, Марио? — и, не дожидаясь ответа, вышел из приемной.

Вентури проводил его глазами и вошел в кабинет начальника туринской полиции. Начальник принял его сухо.

— Что у вас, комиссар?

Вентури выложил перед ним несколько листов из папки. Коротко взглянув на комиссара поверх очков, начальник принялся их изучать. Он читал листок за листком, аккуратно откладывая их в сторону. Закончив, откинулся в кресле.

— Мне нужен ордер на обыск в доме прокурора, — спокойно сказал Вентури. — Я считаю его соучастником убийства собственного заместителя.

— Нет, господин Уорнер, сегодня мы не сможем увидеться, — вежливо отказался профессор Симидзу.

— Почему? — недовольно спросил Поль Уорнер.

— Сегодня буцумэцунити.

— Что-что? — не расслышал Уорнер.

— Самый несчастливый день по шестидневному календарю. День смерти Будды. В такой день не стоит заниматься важными делами.

— Вот уж не подумал бы никогда, что вы так суеверны, — заметил Уорнер. — Тогда перенесем беседу на завтра.

— С удовольствием.

Симидзу повесил трубку.

Уорнер заглянул в соседнюю комнату, где, задрав ноги на стол, просматривал свежие журналы его сотрудник, создавший себе репутацию большого знатока Японии.

— Слушай-ка, ты не знаешь, что это за слово, «буцумэцу»..?

Сотрудник поспешно снял ноги со стола.

— Конечно, шеф. По буддийскому календарю есть свои счастливые и несчастливые дни. «Буцумэцунити» считается очень несчастливым, «тайан» — наоборот. В день «сэмбу» не рекомендуется начинать дела, день «сэнсё», напротив, благоприятный для дел, хотя его считают счастливым до обеда, но несчастливым после обеда.

Уорнер изобразил на лице гримасу, показывающую, что он до смерти сыт этими японцами. Но, выходя, заметил сотруднику:

— Вы все же как-нибудь учитывайте эти дни, когда готовите встречи с японцами. Раз уж они такие суеверные. И ставьте меня в известность.

После предыдущей встречи с Симидзу Поль Уорнер отправил подробное донесение Джексону:

«Ваши предположения подтвердились. Между праворадикальными группами в Западной Германии и аналогичными организациями в Японии существуют прочные связи, — писал он. — Нынешние радикалы унаследовали их от антикоминтерновского пакта. После войны сюда перебрались некоторые бывшие нацисты, спасавшиеся после поражения Гитлера. Вероятно, они с самого начала помышляли о возобновлении прежних отношений, теперь, конечно, на совсем ином уровне.

В настоящее время происходит оживленный обмен визитами. За время моего пребывания в Токио мне удалось установить по крайней мере три случая, когда представители местных праворадикальных групп ездили в Европу для встреч с лидерами «коричневого фронта», и дважды нам удалось проконтролировать переговоры с гостями из ФРГ здесь, в Киото и Нагоя».

Уорнер не написал, что он организовал прослушивание телефонных разговоров интересовавших его лиц.

Внимательно изучая записи телефонных разговоров, Уорнер установил дни приезда эмиссаров из Западной Европы, следил за всеми их контактами в Японии.

Во время первой встречи с Уорнером японский профессор изложил свои взгляды:

— Мы, крайне правые, представляем собой реальную альтернативу для народа, уставшего от пустой болтовни, от отсутствия порядка, ясности, простоты. То, что вы, американцы, так превозносите и расхваливаете — буржуазная демократия, — несет в себе миазмы страшного духовного разложения. Огромные города вроде вашего Нью-Йорка или нашего Токио — это источник зла, это ад, приманивающий к себе все новых и новых людей, которые теряют там свою духовную сущность. Ваша демократия разрушила семью, отношения между родителями и детьми. Демократия подточила изнутри общество, которое внешне еще производит впечатление процветающего, но внутри все сгнило. И самое страшное — оно создает питательную среду для микробов коммунизма.

— Что же вы предлагаете? — спросил Уорнер. — Какова ваша позитивная программа? Крушить все умеют.

— Позитивная программа? — Симидзу на минуту замолк.

«Мой собеседник, — писал далее Уорнер в шифровке Джексону, — изложил основные цели, которые преследуют праворадикальные объединения: установление порядка в стране путем изгнания с политической сцены левых, либеральных болтунов и смутьянов, создание политического института, пользующегося более широкой поддержкой, чем партия (Симидзу пользовался термином «движение»), введение нового порядка в экономической жизни — никаких забастовок, жесткая дисциплина; безжалостное искоренение марксизма и анархизма; строгая цензура печати, радио и телевидения с целью оздоровить атмосферу в обществе.

Более конкретных формул Симидзу избегал. Он отметил только, что изложил цели движения в глобальном масштабе. В каждой стране эти цели, естественно, конкретизируются в соответствии с местными условиями. От ответа на мой вопрос о методах прихода к власти профессор уклонился.

По сведениям, полученным из информированных источников, сейчас в Японии происходит консолидация ультраправых групп. В этом процессе Симидзу играет ключевую роль. Надо полагать, что объединение всех групп (а их в стране более пятисот) осуществляется Симидзу как представителем «коричневого фронта», который таким образом надеется иметь в своем распоряжении 125 тысяч единомышленников, организованных и готовых к действиям (у японских ультраправых на счету две попытки государственного переворота)».

— Я считаю его соучастником убийства заместителя прокурора, — повторил Вентури.

— Мотивы?

Комиссар ответил не сразу.

— Судя по пустому сейфу убитого, он, как человек здесь новый, влез в дела, которыми ему не следовало заниматься. Возможно, они затрагивали лично прокурора. Кстати, и очистить сейф могли только по его указанию. Без разрешения прокурора спецсектор не выдает дубликаты ключей.

— И какие же это дела?

Вентури молчал.

Начальник полиции с неожиданной для его веса легкостью поднялся с вертящегося кресла и подошел к окну.

— Я не стану спрашивать, рассказывали ли вы о своих подозрениях кому бы то ни было, — начал он, — не сомневаюсь, что вы действовали в соответствии со своим долгом. Выполняйте его и впредь. Обвинение, выдвинутое вами, слишком серьезно, чтобы я решил предпринять что-либо без тщательной проверки. Я сам займусь этим делом и буду вам помогать.

— Я уже установил наблюдение за его виллой.

— Без моей санкции?

— Как бы нам не опоздать, — не отвечая на вопрос, продолжал комиссар. — Сегодня прокурор видел меня здесь, в вашей приемной.

— Мало ли какие дела могут быть у комиссара к начальнику полиции.

Вентури с сомнением покачал головой.

— Материалы по делу об убийстве заместителя прокурора я оставлю у себя, — закончил разговор начальник полиции.

Уже на улице Вентури пожалел, что решился на этот визит. Надо было ехать в Рим. С другой стороны... Судя по кислому выражению, с которым его встретил тогда однокашник, едва ли ему обрадовались бы в Риме. Зачем только он ввязался в это гиблое дело! Одни неприятности. Если бы, как многие из его коллег, он не стал проявлять чересчур большого интереса к порученному делу, то и не знал бы никаких хлопот. Но отступить теперь, когда он напал на след преступников, означало потерять уважение к самому себе.

Раздражение Вентури выместил на машине, рванув с места так, что чуть не протаранил бок неудачно припарковавшегося «фиата».

Вентури плохо знал биографию своего шефа, иначе он еще больше пожалел бы о визите к начальнику полиции. В годы войны тот был «чернорубашечником» и поклонником Муссолини.

Прошрое не помешало его карьере. После войны, несмотря на протесты коммунистов, бывшие офицеры фашистской полиции вновь оказались на своих местах и были повышены в чинах — им даже зачли в общий «трудовой стаж» пребывание в плену у союзников. Правительство оказывало «проверенным кадрам» явное предпочтение при продвижении по службе.

Кристиан включил телевизор. Прежде он презрительно называл его «ящиком для дураков». Но после возвращения из Японии он чувствовал себя выбитым из привычной колеи и, чтобы отвлечься, каждый вечер усаживался перед экраном. На этот раз разыгрывалось какое-то шоу. Смысл шуток плохо доходил до него. С досадой он выключил телевизор, взял рукопись статьи, оставленной Хорстом, и стал читать.

«Арестованные за последнее время в Федеративной республике несколько десятков неонацистов из разных групп получали финансовую помощь и оружие из-за границы. Помощь правым экстремистам поступала главным образом из США и Бельгии, каналы доставки денег и вооружения обеспечивали группы поддержки «коричневого фронта» — организации, которая продолжает оставаться недостижимой для полиции многих стран.

Служба безопасности, как мне удалось выяснить, знает, что на встрече в Париже французская организация «Оксидан» — «Запад» предложила собратьям из ФРГ

оружие, обмундирование и взрывчатые вещества, необходимые для производства бомб. Группа «Оксидан» подозревается в организации многочисленных взрывов во Франции, в том числе и в парижском клубе «Медитеран». За границей немецкие неонацисты находят надежное убежище у соратников по движению в США, Швейцарии, Бельгии и Дании. Компетентные лица в Интерполе неофициально говорили мне, что за этим «распределением труда» чувствуется единый центр, планирующий и организующий действия.

В этом году во Франкфурте-на-Майне значительная группа неонацистов сделала попытку возродить НСДАП. Рассказывают, что на учредительное собрание прибыли важные гости из-за границы. Замысел был сорван, поскольку квартира, где они собрались, была — совсем по другому поводу — на подозрении у полиции, и патруль заинтересовался многочисленными посетителями этого дома.

Правда, арестовать никого не удалось из-за «недостаточной оперативности сотрудников полиции», как официально было объявлено, но в квартире обнаружили большое количество пропагандистского материала, нацистские эмблемы, оружие, обмундирование, взрывчатку. Среди бумаг — заявление группы о присоединении к «коричневому фронту»...

Фашисты второй половины XX столетия многому научились на опыте своих предшественников. На уровне идеологии, мировоззрения все осталось прежним, но тактика борьбы за власть изменилась. Они делают ставку на организацию наднационального масштаба, на создание **Движения** одновременно во многих странах.

Вот уже некоторое время в неофашистских акциях в разных странах чувствуется чья-то направляющая рука. Существование координирующего центра праворадикальных групп в Западной Европе кажется мне очевидным.

Не так давно я получил достоверную информацию о том, что неофашисты вынашивают планы создания всемирной организации. С этой целью они намеревались взять в свои руки руководство Всемирной антикоммунистической лигой. Интерес к лиге понятен — правых привлекает широкая сеть ее отделений почти во всем мире, большие средства, которыми она располагает.

Но их желание использовать антикоммунистическую лигу не означает, что у неофашистов нет собственной организации мультинационального масштаба. Это и есть

«коричневый фронт», величайшая тайна правых радикалов. Тем не менее кое-какие сведения просочились сквозь стену секретности. Собираясь в ближайшем будущем посвятить «коричневому фронту» специальную статью, я хотел бы поведать читателям следующее...»

На этом рукопись, которую оставил Хорст, обрывалась. Верно, он забыл дать окончание, решил Кристиан.

Вечером Уолтер Смит, занимавшийся непонятной вспышкой в Атлантике, приехал в Лэнгли и сразу же отправился в приемную заместителя директора по разведке Аллена Фергюсона.

Возле лифта он столкнулся лицом к лицу с Джексоном и вежливо поклонился. В ведомстве Аллена Фергюсона недолюбливали управление планирования, но открыто демонстрировать антипатию помощнику Малькольма было бы верхом неблагоразумия. Джексон кивком ответил на приветствие, но, повнимательнее взглядевшись в Смита, остановил его.

— Вы как будто издалека?

Уолтер Смит настороженно кивнул: с чего бы это вдруг Джексон стал интересоваться его делами?

Помощник Малькольма взял его под руку и отвел в сторону подальше от любопытных глаз.

— Не удивляйтесь, что я расспрашиваю вас. Просто история с таинственной вспышкой оказалась в сфере наших интересов.

— Вот оно что, — протянул Смит, — и ваше управление забирает у нас это дело?

— Пока нет, но это не исключено. А у вас есть что-нибудь новое по вспышке?

Смит похлопал рукой по папке, которую держал в руке.

— Я как раз отправляюсь на доклад к Фергюсону. Мы выяснили кое-что: это, несомненно, была бомба. У наших ученых есть все доказательства. Нам помогли и специалисты ВМФ. Исследовательская лаборатория ВМФ определила, что гидроакустические эффекты были характерными для ядерного взрыва. Вы же знаете, их «электронные уши» прослушивают весь океан.

Джексон присвистнул. Интуиция не обманула его. Этот парень из разведки и не понимает, какую «бомбу» несет с собой в папке. Хорошо, что он успел, по крайней

мере, перехватить Смита. Информация не должна распространяться. Почему директор не поручил это дело их управлению? Но как бы там ни было, а сообщение о бомбе помощнику президента должен передать, разумеется, его шеф Малькольм. Джексон протянул руку Смигу.

— Еще увидимся.

Джексон бросился в приемную своего шефа. Секретарша остановила его:

— У шефа люди.

Джексон вернулся в свой кабинет и оттуда позвонил Малькольму по прямому проводу.

Через минуту Малькольм зашел к нему и, плотно приотворив дверь, спросил:

— А вы уверены?

— Абсолютно. И надо поторопиться.

По спецсвязи Белого дома Малькольм соединился с помощником президента по национальной безопасности Уайтом. Тот откликнулся как всегда бодрым голосом:

— Слушаю.

— Мистер Уайт, вы помните странную вспышку, которую зарегистрировали наши спутники?

— Разумеется.

— Так вот эта вспышка... и в самом деле представляла собой взрыв атомной бомбы.

— Это точно? Кто установил? В свое время по поручению президента я просил вашего директора лично заняться этой историей.

— Это точно, мистер Уайт.

— Хорошо. Информацию о бомбе придется засекретить грифом «Ройял».

«Ройял» означал высшую степень секретности, недоступную даже конгрессменам и сенаторам, которых время от времени осведомляли о щекотливых делах ЦРУ, чтобы заручиться их поддержкой.

После этого разговора Уайт позвонил директору ЦРУ.

— Я хотел бы вас поблагодарить за успешное выполнение поручения президента, — начал он, — только что ваш заместитель Малькольм сообщил мне результаты расследования таинственной вспышки. Я бы только попросил вас потребовать от всех, кто может быть осведомлен о результатах расследования, хранить тайну. Еще раз благодарю вас.

Не дав директору сказать и слова, Уайт попрощался и повесил трубку.

Директор был удивлен; при чем тут Малькольм, когда он поручал дело управлению разведки? Но не будучи человеком, склонным к интригам, он даже не стал выяснять, почему одни сотрудники занимаются делами, которые поручают другим, и почему особо важные сведения докладывают Белому дому без его санкции. Уайт доволен — и это главное.

Вентури бросил машину на городской площади, чудом воткнув ее между двумя «мерседесами». Он начал свое путешествие с близлежащего кафе, хозяин которого предложил отведать местного вина. Вино оказалось неплохим, и Вентури просидел в кафе около часа, разглядывая посетителей. Мама угощала детишек мороженым. Мужчины, как и комиссар, неспешно попивали вино. И только молодой парень в теплой не по погоде, мешковатой куртке за столиком у входа поглощал какое-то мясное блюдо. Вентури расплатился с хозяином и вышел. Постоял несколько минут в нерешительности, потом бесцельно зашагал по улице. Инстинктивно он двинулся в сторону, противоположную той, где находился полицейский комиссариат и где его, по всей вероятности, ждали. У него не было ни малейшего желания возвращаться к себе в кабинет. Разговор с начальником полиции произвел на него неприятное впечатление, предпринять что-либо без санкции начальства он не мог...

Вчера, бросив все дела, он сел в машину и поехал в Милан. Поддавшись на уговоры газет и теледикторов, он решил посмотреть обширную, посвященную 30-м годам выставку «Культура и искусство в Италии», открывшуюся в Милане. О Вентури нельзя было сказать, что он принадлежит к числу страстных почитателей искусств. Но выставка в Милане привлекла зрителей даже и вовсе лишенных художественного вкуса и тяги к прекрасному.

Немного растерянный Вентури бродил, разглядывая экспозиции. Со стендов на него смотрели многочисленные фотографии и портреты Муссолини. Дуче произносит речи. Целует детей. Путешествует по стране. Улыбки молодых ребят, обращенные к диктатору, комментарии, прославляющие дуче — «Спасителя мира». Книги: «Объяснение фашизма для детей», «Элементы фашистской

культуры для школ всех типов и организаций», «От Римской империи к имперской Италии». Лозунги: «Муссолини всегда прав», «Если ты ешь слишком много, ты ворует у нации». Статистика показывает, насколько при фашистском режиме улучшилась жизнь итальянцев. Не только поезда ходили вовремя, но и итальянцы потребляли тогда протеинов больше, чем до и после Муссолини.

Молодежь с любопытством осматривала приметы той эпохи. Пожилые люди со смешанным чувством грусти и ужаса вспоминали собственное детство и юность. Вентури слышал вырывавшиеся кое у кого одобрительные восклицания — ностальгия по временам, когда в стране было больше порядка.

Впечатления от миланской выставки наложились на дурное настроение, связанное с расследованием.

Чтобы отделаться от гнетущих мыслей, он зашел в бар. Настроение у него слегка поднялось.

Но теперь Вентури ощутил голод. Он вышел из бара и остановился, чтобы сориентироваться — никак не мог сообразить, куда его занесло. Определенно, он в этих местах не бывал. Перед ним тянулся довольно пустынный бульвар с чахлыми деревьями. Справа старое двухэтажное здание, из открытых окон которого доносился шум голосов. Вентури выругал себя за невнимательность: полицейскому полагалось лучше знать город. Конечно же, это рабочий клуб, и в нем опять какое-то собрание. Приличных ресторанов здесь явно нет. Придется выбираться в центр. Вентури пошел вперед и нос к носу столкнулся с человеком, который выскочил из подъезда рабочего клуба. Вентури хотел извиниться, но человек оттолкнул его и бросился в переулок. Послышался рев мотора, потом хлопнула дверца, и белая машина вырвалась из переуллка, чуть не перевернувшись на повороте.

Вентури ошеломленно посмотрел ей вслед. И в это время сзади что-то оглушительно рвануло. Комиссар оглянулся: из окон рабочего клуба вырвались языки пламени, целый угол здания осел, полетели осколки стекла, куски кирпича. Послышались женские крики, из подъезда выскочило несколько человек. И в ту же секунду раздался второй взрыв. На глазах у Вентури и еще нескольких человек, успевших выбраться из здания, провалилась крыша.

Мимо промчались две пожарные машины. Вслед за пожарниками приехала полиция. Вентури сделал несколько шагов назад. Один из полицейских насторожился.

— Ты куда это, парень?

— Я? — изумленно спросил Вентури. — Никуда.

Полицейский подошел к нему и крепко взял за руку. Теперь на них смотрели уже все.

— Что здесь происходит?

Перед Вентури стоял высокий человек в штатском.

— Да вот, пытался скрыться, но я не дал. Похоже, один из тех, кто бомбу подложил, — сказал полицейский.

— Да вы что? — закричал Вентури. — Я комиссар полиции.

Он сделал движение, чтобы достать документы, но двое полицейских закрутили ему руки за спину.

— В машину, — скомандовал тот.

Сопротивлявшегося Вентури сноровисто запихнули в кузов микроавтобуса. Шофер включил сирену, и машина рванулась вперед.

Комиссар открыл рот:

— Я...

— Молчать, — рявкнул сидевший рядом с ним полицейский.

— Как вы смеете со мной разговаривать в таком тоне? — возмутился Вентури.

Вместо ответа полицейский коротко ударил его в челюсть. Хрустнул зуб, комиссар почувствовал во рту вкус крови. Он опять попытался что-то сказать, последовал второй, более жестокий удар. Голова Вентури больно стукнулась о кузов.

В полицейском участке он опять сделал попытку объясниться.

— Вызовите сюда кого-нибудь из следователей, — потребовал он.

— Обойдешься, — лениво отреагировал сержант. — Выгребай все из карманов, — скомандовал он.

— Вы не имеете права! — Вентури шагнул навстречу сержанту.

Тот как бы нехотя взглянул на него и неожиданно со всего маха ударил ногой в пах. Комиссар согнулся от боли. Тогда его сверху чем-то тяжелым ударили по голове...

Кристиан так и остался стоять неподвижно, сжимая телефонную трубку. Вскочив спросонок, он здорово ударил ногу об угол шкафа, но даже не ощущал боли. «Этого не может быть...» — фраза эта, как заигранная пластинка, вновь и вновь прокручивалась у него в голове. На секунду ему даже пришла в голову нелепая мысль, что его друзья погибают после того, как встречаются с ним. Это было нелепо, чудовищно, но смерть журналиста была еще нелепее. Хорст, распрощавшись с Кристианом, так и не вернулся домой. Встревоженная его долгим отсутствием жена позвонила в полицию. Поиски почти немедленно дали результат: патрульная машина обнаружила «мерседес» журналиста на лесной дороге недалеко от города. Как журналист оказался там, осталось невыясненным.

Патрульный полицейский открыл дверцу «мерседеса», склонился над неподвижным телом, распластанным на переднем сиденье, пощупал пульс и пошел докладывать по рации. Рядом с телом валялся пистолет, из которого был произведен выстрел. Экспертиза показала: на пистолете — отпечатки пальцев только самого журналиста. В полиции вдове заявили, что речь идет об элементарном самоубийстве.

«— Предположим, я бы мог попытаться устроить вам встречу с Уайтом. Но с чем вы придете к нему, граф? Помощник президента — непростой человек. Уайт совершенно лишен академичности в политике. Он принимает решения, основываясь не на представленных ему разработках специалистов, а руководствуясь интуицией. Поэтому его решения и реакции довольно трудно предсказать.

— Тем более. Значит он способен к самым неожиданным поворотам. Это меня устраивает. С традиционалистом, с человеком, который оперирует только привычными категориями, нам было бы невозможно столкнуться.

— Но я повторяю вопрос: с чем вы придете к Уайту? Его политическое мировоззрение определяют три качества: неприязнь к идеологиям, мечта о формировании международной интеллектуальной элиты, которая возглавила бы общество будущего, и враждебность к Советскому Союзу.

— Нас тоже нельзя назвать поклонниками Москвы.

— Да, но неприязнь к идеологиям я поставил на первое место. Фашизм ему не ближе коммунизма.

— А я не собираюсь убеждать его в преимуществах нашей идеологии. Моя цель достаточно скромна — трезвомыслящие люди, стоящие у руля американского корабля, должны научиться видеть в нас не террористов, скрывающихся в подполье, и не пустых теоретиков, а реальную политическую силу, партнеров. Сегодня — это Уайт, завтра мы обратимся к другим людям. Наше влияние возрастает с каждым годом. Смотрите, как бы Америка не упустила шанс сделать наше движение своим союзником, а не врагом. Завтра движение может набрать такую силу, что ему не понадобятся союзники.

— А в чем вы видите свою ценность для Америки?

— Мы создадим новую структуру Европы. Сильную, единую Европу, способную противостоять коммунистическому лагерю. Европу, которая будет выступать единым фронтом с Америкой, а не искать мелких конъюнктурных выгод, предавая вас в конфронтации с Москвой. Я хочу быть с вами честным до конца: Соединенные Штаты вовсе не пользуются нашими особыми симпатиями, но враг у нас общий, и в борьбе с ним мы союзники. Наши расхождения должны быть отодвинуты на второй план, иначе мир захлестнет волна коммунистического хаоса. Одной Америке не выстоять.

— Не преувеличиваете ли вы свои возможности?

— Нет. Иначе вы бы не искали встречи со мной».

Джексон выключил магнитофон. Беседа с адвокатом Гонсалвишем продолжалась почти всю ночь, и закончив ее, Джексон поспешил в свой номер, чтобы вместе с сотрудниками управления планирования прослушать и проанализировать запись разговора.

Джексона познакомили с Гонсалвишем в Нью-Йорке на званом обеде. Высокий импозантный европеец с приятными манерами. Через лиссабонскую резидентуру Джексон получил дополнительную информацию о Гонсалвише. Выходец из знатной семьи, он еще в студенческие годы принял участие в праворадикальном движении, был близок фашистскому диктатору Салазару. После апрельской революции исчез из Португалии.

Люди Джексона нашли его в Берне. Стороны долго прощупывали друг друга, и в результате Гонсалвиш встретился с Джексоном на уединенном ранчо одного техасского промышленника, ценителя живописи. Ни Джексон, ни Гонсалвиш не связывали себя никакими

обязательствами, но отношения наладились прочные. Три-четыре раза в год Гонсалвиш приезжал в Нью-Йорк, иногда под своей, чаще под чужой фамилией, с ним встречался либо сам помощник Малькольма, либо кто-то из доверенных людей. Через Гонсалвиша Джексон и наладил контакты с «коричневым фронтом».

Сотрудничество с «коричневым фронтом» принесло ему большие дивиденды. Его управление теперь давало втрое больше сверхважной политической информации о союзниках по НАТО, чем управление разведки. Причем, сведения об умонастроениях европейских союзников США были всегда абсолютно точны, за что госдепартамент и Белый дом не раз выражали благодарность управлению Малькольма. Под это дело Джексону удалось получить согласие шефа на регулярные полеты транспортных самолетов из Японии в институт. Потом «коричневый фронт» начал успешно организовывать террористические акции в Италии и ФРГ, маскируясь под левых. Теперь уже никто не мог говорить «нет», когда Джексон советовал помочь «фронту».

Каждый шаг в работе с «коричневым фронтом» он подстраховывал санкциями руководства. Кроме одного.

О том, что в действительности создавалось в институте, в ЦРУ знал один Джексон. Знал, что самолеты, взлетающие с баз американских ВВС, институту нужны для проекта «Вальхалла».

Поэтому все, что происходило в институте, тревожило Джексона. Не доверяя Гонсалвишу, он поручил сотрудникам управления, связанным с «фронтом», в том числе Уорнеру, тщательно собирать информацию обо всем, что имеет отношение к проекту «Вальхалла». Взрыв ядерного устройства в Атлантике Джексон однозначно связывал с деятельностью института. Он был немного ошеломлен успехами «коричневого фронта»: всего два года назад на аэродроме института сел первый самолет «Си-эй», а бомба уже готова. «Правда, — размышлял Джексон, — бомба не представляет ни малейшей опасности для США, да и рвать такие ценные контакты с «фронтом» глупо».

Ему показалось, будто его зовут. Тихим таким, тонким голосом. Как мама в детстве. Он задержал дыхание, пытаясь определить, откуда идут звуки. В абсолютной тишине что-то громко застучало. Он испуганно при-

поднялся и тут же сообразил, что слышит биение своего сердца. Звал его кто-то или нет?

Он потер рукой лоб. Хуже всего, что он не в состоянии успокоиться. Ну кто мог его здесь звать? Чушь какая-то. Здесь говорят «подследственный Вентури». Здесь тюрьма.

И в тюрьме он сидел третьи сутки.

Прямо в лицо бил свет. Выключатель находился в коридоре. Тюремщики не любят, когда заключенные спят. Сон равносителен побегу, ведь во сне люди свободны.

За все годы работы в полиции Вентури никогда не задумывался над тем, что такое тюрьма, хотя отправил туда немало людей. На секунду ему закралась в голову мысль, что это как бы месть, но он отмел ее. Он-то сажал преступников.

И вновь накатила такая тоска, что хотелось выть.

Ночью тюремщики обязаны выводить в туалет, он хорошо знал об этом. На вторую ночь, так и не обретя способности спать, он запросился в туалет. На этот раз тюремщик подошел. Услышав просьбу, захохотал:

— У тебя там кувшин для воды есть. Туда и...

Вентури вспомнил историю, которую рассказывали в полицейском управлении и которой никто не верил. Какой-то старик заключенный, страдавший сердцем, почувствовал себя ночью плохо. Он колотил кулаками в дверь, надеясь привлечь внимание надзирателей. Но тем не хотелось беспокоиться. Старик умер. Прямо у двери. Историю замаяли. Просто потому, что никто, Вентури в том числе, не захотел поверить в нее.

А ведь лишь немногие из надзирателей — психопаты, которым нравится возможность издеваться над людьми. Большинство просто работает. Многие работают в тюрьме, потому что не могут больше нигде устроиться. В Италии полно безработных. Такие люди приходят в тюрьму без всякой злобы. Но со временем ожесточаются.

Комиссар пытался шаг за шагом восстановить события того дня, проанализировать, что же произошло. Вот он идет по улице мимо какого-то здания... Слышит шум за входной дверью, дверь распахивается... Выскакивает человек... Стоп! Почему ему показалось, что выбежавший был ему знаком? Почему? Сначала надо представить себе его облик. Куртка.... Да, да! Мешковатая куртка.

Вентури вспомнил, что человека в такой неудобной, явно великоватой куртке он видел в кафе. Прикрыв глаза, попытался восстановить в памяти лицо этого парня. Вентури вскочил: надо немедленно составить фоторобот и раздать полицейским. И тут же поник. Им вновь овладело смертельно отчаяние.

Почему он оказался в камере? Ведь те, кто его арестовал, не могли не доложить начальству, кого посадили за решетку. И начальство, следовательно, одобрило...

На секунду мелькнула мысль о побеге. На самом деле бежать некуда. Даже если и удастся выбраться за стены, оборудованные по последнему слову электронной техники, к кому пойти? Где переодеться, раздобыть денег? Броситься к родным и сказать: спрячьте меня?

Когда-то давно, Вентури еще только начинал работать в полиции, из тюрьмы бежали двое заключенных. Через три дня, голодные и злые, они сдались полицейскому патрулю.

В девять тридцать (время Вентури знал точно, потому что в коридоре были часы) дверь камеры распахнулась, и надзиратель заорал:

— Выходи!

Из «коричневой тетради» Кристиана Редлиха:

«В Италии действует более двадцати террористических фашистских групп, самая известная из них — «Черный порядок». Наиболее крупные преступления фашистов — взрыв в помещении сельскохозяйственного банка в Милане, взрыв пассажирского экспресса «Италикус», взрыв железнодорожного вокзала в Болонье. Террористы проходят подготовку в «молодежном фронте» — молодежной организации партии. Итальянское социальное движение — Национальные правые силы.

Итальянские фашисты обнаглели до того, что сами напрашиваются на встречи с журналистами. В «Европео» хвастливое интервью с бывшим сотрудником итальянских спецслужб — откровенным фашистом.

«— Этот государственный переворот вы планировали как сотрудники СИД* или как правые деятели — в каком именно качестве?

— Как военные. Выступить должна была армия, причем по всей Италии.

— Каким образом?

---

* СИД (SID) — военная разведка Италии.

— Занять стратегические пункты, арестовать префектов, арестовать политических деятелей, взять в свои руки контроль над страной...

— Кого вы должны были арестовать?

— Сенаторов, депутатов, профсоюзных деятелей. Было решено, что арестованные будут отправлены на остров Маддалена.

— Но с чьей помощью вы должны были произвести эти аресты? С помощью армии?

— С помощью парашютистов.

— Вы утверждали, что есть некоторые тайны Италии, о которых вам известно. Какие именно?

— Первая — это тайна полковника Ренцо Рокка, который «покончил с собой» в своем кабинете на улице Барберини в Риме.

— Рокка поддерживал связь между СИД и промышленниками, не так ли?

— Рокка был агентом ЦРУ. Он обеспечивал связь между СИД и ЦРУ...

— Говорят, что вы являетесь также одним из представителей «черного» правительства в эмиграции, а точнее, начальником генерального штаба. Какова цель этого правительства?

— Совершить государственный переворот и взять власть в Италии... Учтите: большинство офицеров НАТО — с нами.

— Вы считаете, что у вас есть основания надеяться на международную поддержку? Что сказали бы о путче американцы?

— Они были бы в восторге, уверяю вас...»

Выключили электрический свет. На стол были поставлены свечи. На лица легли зловеще-торжественные отблески. Клаус Циммер шепнул профессору Симидзу:

— Эти велеречивые потомки древних римлян чересчур любят внешние эффекты, но признаюсь, сегодня все это к месту.

Симидзу согласно кивнул и оглядел собравшихся в пышной квартире в аристократическом районе Рима участников движения.

Подняв бокал кроваво-красного вина, речь держал граф Гонсалвиш:

— Когда-нибудь эти дни будут вписаны в историю движения как дни решающего перелома... Нам пришлось

персжить немало унижений. Нас травили, оскорбляли... Но сегодня мы опять сильны... Сегодня мы намерены открыто заявить о себе. Пусть трепещут наши враги. Пусть поймут, что завтра мы будем еще сильнее.

Клаус Циммер, слушая Гонсалвиша, кивал головой. Конечно, латиняне прирожденные ораторы, но в движении ведущая роль принадлежит по праву тем, кто силен не словами, а наделен подлинно нордическими качествами.

Три дня, которые они провели в Риме, были наполнены большими делами. Ночью они все вылетят в ФРГ. итальянцы выполнили свою задачу в Турине, подложили бомбу под какое-то сборище красных. Теперь очередь за немцами. Циммеру придется лететь под чужим именем, с паспортом, который ему специально сделали свои люди в полиции. К сожалению, еще не настало время вернуться на родину победителем.

Джексон уже сложил бумаги в сейф и собирался уходить домой, когда его вызвали к Малькольму.

Заместитель директора ЦРУ находился не на своем обычном месте, за массивным письменным столом, а в мягком кресле напротив телевизора — показывали пресс-конференцию президента. Увидев Джексона, Малькольм указал ему глазами на свободное кресло. Джексон отрицательно качнул головой и отошел к окну — насиделся за день, хотелось немного постоять.

Пресс-конференция заканчивалась. Дождавшись заключительных слов президента, Малькольм выключил телевизор.

— Слишком он долго распинался насчет сплоченности и единства с Западной Европой, — заметил Джексон.

— Да, союзники упорно желают проводить самостоятельную политику, — проговорил Малькольм. — Слова президента — хорошая мина при плохой игре.

— Госсекретарь на следующей неделе опять собирается в Западную Европу.

— Одними дипломатическими методами положения не исправишь.

В конце 40-х — начале 50-х годов американская агентура, используя все средства — от подкупа до шантажа, добилась вывода коммунистов из правительств Франции и Италии, толкнула эти страны на путь «холодной войны». И впоследствии ЦРУ иной раз добивалось успеха.

Однако в последние годы операции ЦРУ по «стабилизации» политического положения в Западной Европе заканчивались неудачами. Между тем Вашингтону в его глобальной антисоветской стратегии все чаще требовалась активная поддержка западноевропейских столиц.

— Я хочу поручить вам важную работу, — сказал Малькольм. — Нет ни одного директивного документа, руководства, в котором излагались бы принципы и методы наших действий по исправлению политического курса той или иной страны. Попробуйте составить короткую инструкцию, которую мы попросим Белый дом одобрить. Обязательно сформулируйте контрдоводы на возможную критику этого документа — вмешательство во внутренние дела суверенной страны незаконно и аморально. Аргументация должна быть проста. Шпионаж тоже незаконен, однако почти все страны прибегают к нему. Кроме того, каждая страна имеет право применять силу для обороны. Наше противодействие коммунистическим проидам тоже оборона на передовых рубежах. Следовательно, наши акции и моральны и необходимы.

Малькольм поднялся.

— Необходимы тщательно разработанные, согласованные между собой тайные операции в Западной Европе. Пригодятся, я думаю, и ваши контакты с «коричневым фронтом». Так что, пожалуйста, завтра же займитесь этим. Работа срочная.

В Италии люди из «коричневого фронта» передали Циммеру новые документы для поездки в Федеративную республику — имя профессора Циммера значилось в списке разыскиваемых федеральной прокуратурой военных преступников.

Накануне вылета Циммер стал приводить в порядок свои бумаги. Он делал это перед каждой поездкой. Надолго уезжая из дома, он не хотел оставлять без присмотра слишком много важных документов, относящихся к «коричневому фронту».

Усевшись поудобнее в глубокое кресло с изогнутыми деревянными ручками, Циммер внимательно просматривал содержимое папок, обычно хранившихся в сейфе, вмонтированном в громоздкий письменный стол. Сверху лежали документы, относящиеся к проекту «Вальхалла».

Циммер хорошо помнил, как руководство «коричневого фронта» приняло решение создать собственную атомную бомбу. Многим тогда эта идея показалась безумной. Многим, но не Циммеру.

Именно Циммер предложил тогда обратиться к ЮАР. Он знал, что Претория давно мечтает о собственной бомбе и не откажется от сотрудничества с «коричневым фронтом». Собственный научно-технический потенциал ЮАР был недостаточен для разработки технологии обогащения природного урана. Правда, около сотни южноафриканских физиков обучались в Соединенных Штатах. Эти физики образовали затем костяк Национального ядерного центра в Пелиндабе.

Используя свои связи в западногерманском истеблишменте, «коричневый фронт» связал южноафриканских физиков с правительственным центром ядерных исследований в Карлсруэ.

Вся теоретическая работа была проведена в ФРГ, а испытана на построенном в ЮАР заводе в Валиндабе, куда недавно ездил Хайссе. Сложнейшая аппаратура, необходимая для ядерного проекта, производилась мюнхенской машиностроительной фирмой и по частям вывозилась в ЮАР в багажниках машин южноафриканских дипломатов, не подлежащих таможенному досмотру.

В распоряжении ЮАР одно из крупнейших в мире месторождений урана в Россинге. Циммер хорошо помнил это безлюдное место в пустыне Намиб, приблизительно в 65 километрах к северо-востоку от прибрежного города Свакопмунда.

У Циммера остались лучшие впечатления от путешествия в Юго-Западную Африку, которую он упорно отказывался именовать Намибией. В Свакопмунде он с удовольствием ел булочки и ржаные пышки, испеченные поварами-немцами, ливерную колбасу и айсбайн, приготовленные немецкими колбасниками и поварами. Он встретил нескольких «боевых товарищей» по НСДАП, бежавших сюда в 1945 году. Это было место, где говорить о своем нацистском прошлом можно было открыто и с гордостью.

А по другую сторону океана — в джунглях Латинской Америки был организован институт. Здесь преданные «коричневому фронту» инженеры и ученые создавали атомную бомбу. После разгрома гитлеровской Германии немало видных нацистов бежали в Латинскую Америку, среди них известные ученые, работавшие на

концерт «ИГ Фарбен», который занимался производством тяжелой воды.

Впоследствии Франц-Йозеф Штраус, занявший пост федерального министра по атомным вопросам, пригласил нескольких нацистских физиков приехать в Западную Германию. В Карлсруэ они построили ядерный реактор по планам, разработанным еще при Гитлере. И вновь вернулись в Латинскую Америку.

Циммер просидел над бумагами полночи. Он сжег несколько документов, где упоминалось его имя. Остальные спрятал обратно в сейф.

— И мы должны показать всей неонацистской братии, пользующейся попустительством властей и открытым покровительством лидеров правых партий, что мы, рабочие люди, не позволим им действовать так нагло. Неонацисты убивают, избивают коммунистов, а власти не принимают необходимых мер.

Молодой рабочий, наклонившись к своему соседу, прошептал:

— Неонацисты и в самом деле наглеют с каждым днем, а полиция и в ус не дует.

Человек сто рабочих собрались вечером в небольшом зале местного профсоюза. Начали с производственных дел, но быстро перешли на проблемы, всколыхнувшие весь зал. Накануне в городе прошла неонацистская демонстрация. За плотными кордонами полиции неонацисты маршировали совершенно спокойно. Здесь, в Баварии, всегда принимались меры, чтобы никто не мешал этим молодчикам. Люди на улицах лишь молча наблюдали, как, развернув знамена, проходят в сознании собственной силы молодые фашисты.

— В стране насчитывается 75 неофашистских объединений, в которых состоит около 20 тысяч человек. Они готовы пустить в ход оружие, чтобы создать тоталитарное государство по гитлеровскому образцу. У них могущественные покровители и за рубежом, которые щедро оплачивают их деятельность и укрывают после совершения преступлений.

— То, что в нашей стране могут происходить подобные вещи, — позор для Федеративной республики. И все, что нам говорят насчет малочисленности, разобщенности фашистских групп, — гнусная ложь. Уж нам, немцам, следовало бы помнить, с чего начинал Адольф.

Кстати, сборища нацистов проходили в «Бюргербройкеллере», не так уже далеко отсюда. Из пивной теперь устроили чуть ли не музей, она стала местом паломничества поклонников фюрера и неразборчивых туристов. Что ж нам удивляться: если разрешают открыто поклоняться преступнику, то почему нельзя следовать по его стопам?

Молодой рабочий, привстав, выкрикнул:

— Правильно!

И в этот момент из небольшой трибуны, на которой стоял оратор, ударил столб пламени. Мощный взрыв потрянул здание. Через несколько минут улица наполнилась воем сирен машин «Скорой помощи», появились пожарные и полицейские. Санитары вынесли шесть трупов. Разбрызгивая по окнам соседних домов отблески световых маячков, автомобили «Скорой помощи» повезли в больницу полтора десятка раненых.

Кристиан выскочил из вспыхнувшего здания одним из первых. Люди расталкивали друг друга, в ужасе стараясь убежать подальше. Кристиану пришлось прислониться к стене, ноги предательски дрожали. Пробегавший мимо полицейский остановился:

— Нужна помощь, приятель?

Кристиан отрицательно покачал головой. Полицейский с сомнением посмотрел на его мертвенно-белое лицо, но задерживаться не стал. Только что по рации сообщили: на телевидение позвонил неизвестный и сообщил, что ответственность за взрыв взяла на себя группа «Великая Германия». Сотрудники телевидения перезвонили в полицию. Но там не особенно удивились.

За два часа до взрыва неподалеку от дома, где уже собирались первые участники профсоюзного митинга, полицейский патруль задержал подозрительного юнца, попытавшегося убежать при виде стражей порядка, а затем отчаянно сопротивлявшегося. В большой сумке у него оказалось самодельное взрывное устройство, достаточно мощное, чтобы разнести автомашину или покорректировать здание. Уже в машине, размазывая по лицу слезы, напуганный до смерти первым столкновением с властями, он признался, что должен был подложить бомбу в зал, где было назначено рабочее собрание, но не успел. Он сообщил, что входит в группу «Великая Германия».

Патруль доставил его в местное отделение полиции, но дежурный, занятый своими делами, не потрудился не

только отправить кого-нибудь проверить весь зал, но даже сообщить о задержанном в городское управление. Об аресте этого парня он доложил, только узнав о взрыве.

Если бы все это не было так чудовишно, Вентури, пожалуй, могла бы даже позабавить внезапная перемена в его жизни: из кресла допрашивающего он пересел на место допрашиваемого.

Когда вечером его вызвали на допрос, он испытал внезапное облегчение. Наконец-то все выяснится! Его провели по длинным коридорам, вывели на улицу и посадили в автомашину. В полицейском управлении Вентури допрашивали в кабинете, соседнем с тем, что он сам занимал. Проходя мимо, он увидел, что его дверь опечатана.

— Ваше имя, год и место рождения. — Сидевший за столом следователь, не глядя на Вентури, задавал вопросы, заполняя стандартный протокол.

Некоторое время Вентури молчал. Следователь не принадлежал к числу его друзей, но они были знакомы лет восемь, давно перешли на «ты» и в обеденные перерывы выпили вместе немало стаканчиков вина в баре напротив полицейского управления. Вентури был потрясен. Он хотел ударить кулаком по столу и заорать: «Что вы здесь устраиваете балаган! Я ни в чем не виноват!». Но сдержался. Три дня, проведенных в тюрьме, изменили Марио Вентури.

— В чем меня обвиняют? — спросил он, когда первые формальности были окончены.

— Вас задержали у здания рабочего клуба, где за несколько минут перед этим произошел взрыв. При чем задержали сами рабочие. Других подозрительных лиц поблизости не было. Естественно, что сотрудники полиции до выяснения всех обстоятельств вынуждены были изолировать вас.

— Но почему же это продолжалось три дня? — вскипел Вентури.

— Расследование этого дела представляется весьма трудным, — монотонно отвечал следователь. — Ваш арест вызвал немало шума. — Он вытащил из папки несколько газет.

Вентури с ужасом увидел там свои фотографии с огромными заголовками: «Комиссар полиции подкладывает бомбы.», «Кто же такой комиссар Вентури?», «Преступник или полицейский?» и прочие в том же духе.

— Мы должны были все хорошенько проверить, — продолжал следователь, забрав у оторопевшего Вентури газеты.

— Но теперь все выяснилось? — выдавил из себя Вентури.

— В общем, да. Следствие не установило вашей причастности к взрыву.

— «Не причастен». Зачем же такие казуистические формулировки? — сделал попытку улыбнуться Вентури. — Не проще ли сказать не виновен. Тем более что это больше отвечает реальному положению вещей, а? Неужели вы здесь настолько все свихнулись, что и в самом деле подумали, что я способен подкладывать бомбы?

Следователь ничего не ответил. Вентури внезапно стало весело. Все хорошо, что хорошо кончается. В эту минуту он даже не чувствовал особой неприязни к своим коллегам. За минуту счастья, которую он только что испытал, он готов был простить им самые страшные три дня в жизни, проведенные в тюрьме.

— Кстати, — бросил он следователю, — думаю, что могу вам помочь: там, у здания рабочего клуба я видел парня, которого обязательно надо найти. Он выскочил из клуба перед самым взрывом. За углом его ждала машина. Его приметы...

Следователь, с лица которого не сходило каменное выражение, не выразил ни малейшего желания что-либо записывать. Он старался не смотреть на Вентури.

Марио почувствовал внезапную усталость. Он испытывал огромное желание вернуться домой, переодеться, увидеть жену, детей, прийти в себя. Он встал:

— Я могу идти? — спросил он официальным тоном.

— Минутку, — сзади раздался знакомый голос.

Вентури оглянулся. В дверях стоял начальник полиции. Вентури и не заметил, как тот появился в кабинете.

— По-моему, вы не совсем отдаете себе отчет в том, что произошло, — начал тот. — Обвинение с вас снято за недостатком улик, так сообщено прессе. Естественно, не может быть и речи о вашем возвращении в полицейское управление. Скомпрометированный полицейский? Это невозможно. Таково не только мое мнение. Мы согласовали решение с Римом.

Вентури еще не промолвил ни слова. Следователь отошел к окну и делал вид, что не слушает. Не дождавшись ответа, начальник полиции переменил тон:

— Послушайте, Вентури, не считайте меня вампиром. На моем месте вы поступили бы точно так же. Городская полиция не смогла бы спокойно работать, останься вы на своем месте. На каждом шагу нам бы говорили, что промахи полиции неудивительны, если охрану порядка поручают преступ... подозрительным людям. Так что не держите обиды на нас. И послушайтесь моего совета: уезжайте из города. На новом месте вы еще преуспеете. А если останетесь здесь, то только наделаете глупостей.

Когда начальник закончил, Вентури разжал губы:

— Я могу идти?

— Да, конечно.

Он повернулся и, стараясь идти прямо, вышел из кабинета. Несколько полицейских, оказавшихся в коридоре, проводили его взглядами. Он шел с непроницаемым лицом.

Из «коричневой тетради» Редлиха.

«До сих пор продолжает действовать «старая гвардия» Гитлера. Прочные связи существуют между нацистами, бежавшими в разные страны. Центр, координирующий эти связи, — общество взаимопомощи бывших солдат войск СС (ХИАГ). Общество, имеющее 118 местных и окружных отделений, где ежемесячно проводятся собрания, унаследовало контакты, в свое время установленные организациями «ОДЕССА»* и «ШПИННЕ»**. Ее курьеры, прикрываясь поручениями так называемой «службы розыска» или под предлогом сбора воспоминаний о войне, разъезжают по всему миру, координируя действия старых нацистов.

Многие бонзы «третьего рейха» бежали в Южно-Африканскую Республику. Лидеры ЮАР восхищались идеями Гитлера. Переселившиеся сюда нацисты чувствовали себя уютно в атмосфере апартеида.

Теперь в ЮАР вслед за гитлеровцами находят убежище неонацистские террористы, спасающиеся от правосудия. Из ФРГ и Италии они бегут в Лондон, где неонацистские группы «Сыновья святого Георга» и «Британское движение» укрывают их, а затем переправляют в ЮАР. Интерпол не может справиться с «коричневым фронтом».

---

* «ОДЕССА» (ODESSA — Organisation der ehemaligen SS — Angehörigen) — организация бывших членов СС.

** «ШПИННЕ» (Spinne) — паук.

Больше всего активных, непримиримых нацистов обосновалось в Южной Америке. Это известно всем.

Колонии нацистов расположились подальше от чужих глаз. Не раз журналисты пытались проникнуть туда, в основном в поисках Мартина Бормана. Неизвестно местонахождение лишь нескольких колоний, упрятанных так надежно, что об их существовании не подозревают и местные жители.

И все же косвенные признаки существования этих колоний, населенных отнюдь не дряхлыми стариками, можно обнаружить. То журналисты встречали человека, которого считали давно умершим, то, напротив, кто-то исчезал в неизвестном направлении, но регулярно давал о себе знать родным. То бесследно пропадали подозрительные грузы, прибывшие из Западной Европы. Люди из нацистских колоний получали их по фальшивым документам.

В последние годы увеличился поток курьеров из Западной Европы. Причем, как обнаружил один из местных журналистов, все они, прилетев, вдруг исчезали на пару дней, а затем как ни в чем не бывало вновь появлялись. Ни в одной из известных колоний нацистов их не видели. Журналист попробовал понаблюдать за двумя респектабельными мужчинами. Они не в первый раз прилетали в Южную Америку. В аэропорту их неизменно встречали известные всему городу люди, один из которых был в свое время штандартенфюрером СС и не скрывал этого.

Журналист выехал на машине вслед за автомобилем, который повез гостей из Европы за город. Он тщательно запоминал маршрут, оказавшийся довольно запутанным, и был в полной уверенности, что, по крайней мере, нащупает район, где может находиться колония. Дорога стала пустыньнее, он увеличил дистанцию, чтобы не вызвать подозрений. У одного из поворотов его остановил патруль моторизованной полиции и попросил предъявить документы. Он полез за правами... и больше ничего не помнит. В себя пришел в больнице: раскалывалась голова, ныли руки и ноги, отказывала память. Врачи диагностировали отравление наркотиками.

Сегодня неофашистское движение состоит из трех слоев. Во-первых, крайне правые политические группировки — это в основном люди среднего возраста. Они, во всяком случае внешне, стараются показать, что придерживаются конституции и не совершают противоза-

конных действий. Они пытаются действовать традиционными методами, выставляя своих кандидатов на выборах. В последние годы их влияние неуклонно растёт,

Во-вторых, невиданно увеличившие свою активность небольшие по численности группки молодых фашистов, которые признают только насильственные методы. Они открыто выражают свои симпатии и антипатии, не обращая внимания на полицию. Именно эти боевые группы ответственны за волну насилия, поднимающуюся в Западной Европе. Цель их очевидна: неумение властей справиться с хаосом естественно толкнет обывателей резко вправо, и неофашистам (они же люди порядка!) откроется путь к власти.

И наконец, бывшие функционеры гитлеровской формации, сохранившие огромные средства — ценности, награбленные в годы второй мировой войны.

Их база расположена в Южной Америке, тут им никто не мешает. Отсюда они связываются с Соединёнными Штатами, где находится координационный центр неофашизма, именуемый «НСДАП — заграничная организация». Отсюда нити тянутся к национальным неофашистским группам в Бельгии, Дании, ФРГ, Австрии, Швейцарии, Японии, Испании, к организации «Мировой союз национал-социалистов».

Уорнеру, только что прилетевшему из Токио, не пришлось ждать и минуты. Джеймс Джексон принял его немедленно. Отодвинув в сторону все бумаги, Джексон слушал его внимательно, не сводя с лица Уорнера напряжённого взгляда.

Игра с «коричневым фронтом», которую вел Джексон, грозила теперь бóльшими осложнениями, чем он предполагал. Конечно, то, что он сделал, одобряли кое-какие влиятельные люди и в Лэнгли, и вне его. Джексон всегда мог рассчитывать на их поддержку. Но только в случае успеха. Только если он вытянет из «коричневого фронта» больше, чем «коричневый фронт» из ЦРУ. Для начала Джексон сдал себе неплохие козыри: «коричневый фронт» хорошо помог в операциях против красных, каналы неофашистов люди из ЦРУ вовсю использовали для внедрения своей агентуры, для получения информации.

Но рассказ Уорнера напугал его. Детали проекта «Вальхалла», которые сообщил Уорнеру Симидзу, зачер-

кивали все плюсы сотрудничества с «коричневым фронтом». «Мерзавцы, — молча бесился Джексон, — не нашли себе лучшей мишени, чем пассажирский корабль». Симидзу рассказал Уорнеру, что первую атомную бомбу, которую собрали в институте, было решено испытать в океане. Бомбу и взрыватель с часовым механизмом смонтировали на небольшом корабле, который отвели подальше от берега с помощью дистанционного управления. В последний момент наблюдатели сообщили, что к кораблю с бомбой подходит большое пассажирское судно, видимо, сбившееся с курса. Однако институт взрыва не отменил...

Джексон полагал, что если в институте и впрямь готовят бомбу, то на это уйдут многие годы. Но «коричневый фронт» оказался хитрее, вступив в сотрудничество с Преторией.

Оставшись один, Джексон глубоко уселся в кресло, прикрыл глаза и лихорадочно принялся соображать, что же ему делать.

С помощью Малькольма он добился, чтобы дальнейшее расследование истории с таинственной вспышкой над Атлантикой было передано управлению планирования, и держал его под своим контролем. Но если кто-нибудь вплотную займется институтом, поднимет соответствующие документы, то обнаружит, что именно Джексон помог организовать полеты самолетов из Токио. А соучастие в изготовлении бомбы, от которой погибли пассажиры, — из такой ямы его не вытащит ни Малькольм, ни его друзья-сенаторы.

По идее он должен был сообщить обо всем начальству. Нет, этого делать нельзя. Джексон понимал, что перешел грань, за которой его покровители окажутся бессильными.

Действовать надо по-иному. Его партнеры в «коричневом фронте» зарвались. Институт должен прекратить работы над проектом «Вальхалла». А за «Генерала Шермана» они заплатят дополнительными услугами ЦРУ, решил Джексон. Пока что ему надо было как можно скорее переговорить с графом Гонсалвишем. Они хорошо понимали друг друга.

Джексон тут же позвонил по телефону, номер которого держал в памяти (впрочем, это был телефон безобидного торговца произведениями искусства), и попросил

передать мистеру Паркеру, Пар-ке-ру, что он готов приобрести картины, о которых шла речь на прошлой неделе, и просит срочно доставить их к нему домой. Джексон не сомневался, что сегодня же Гонсалвиш будет знать о его желании встретиться.

По странной случайности, именно в тот момент, когда Джексон вспомнил о графе Гонсалвише в связи с проектом «Вальхалла», сам граф беседовал на ту же тему в доме туринаского прокурора.

— В конечном счете это безумие, — произнес прокурор. — Я отказываюсь понимать действия института. Эксперименты с проектом «Вальхалла» могут стоить нам слишком дорого. А ведь сейчас наконец-то наблюдается значительный сдвиг общественного мнения в нашу пользу. — Прокурор говорил, горячася и оживленно жестикулируя. — Массы благожелательнее стали реагировать на наши призывы и лозунги, теперь движению легче завоевывать сторонников. Многие начинают понимать, что без сильной руки государство распадется. Важно воспользоваться этой тенденцией и расчистить себе дорогу к власти.

Гонсалвиш слушал собеседника, не прерывая. Его холерное лицо светского человека с легким загаром от кварцевых ламп и аккуратно подстриженными усиками выражало вежливое внимание. Он дождался, пока прокурор закончит тираду.

— Не надо бояться спугнуть общественное мнение, — сказал он. — Массы уважают и признают только силу, решительность. Вот такие качества должны демонстрировать наши организации. Больше того, мы делаем ставку на террор...

— Ну, в пассивности меня не упрекнуть, — рассмеялся прокурор.

— Неужели вы думаете, я хоть в чем-то упрекаю вас? Ни в коей мере! Руководство «коричневого фронта» высоко ценит вашу деятельность в организации террора против марксистов, которых слишком много расплодилось у вас в Италии. Не беда, если мы кого и напугали грохотом взрывов. Напуганные быстрее подчиняются.

Гонсалвиш приблизил свое лицо к прокурору.

— Проект «Вальхалла» — своего рода атомный террор. Мне поручено информировать вас о его целях. — Гонсалвиш заговорил еще тише. — Если бы к моменту

выступления наших друзей в Испании бомба была уже готова, — еще неизвестно, как разворачивались бы события. Быть может, Испания была бы нашей. Но тогда мы успели произвести только первое испытание. Теперь же мы во всеоружии. Уже несколько дней на аэродроме института постоянно дежурит готовый к вылету самолет. На нем смонтирована атомная бомба. Предусмотрены два варианта. Сейчас все внимание сосредоточено на Федеративной республике. Если завтрашний митинг Национальной партии в Западной Германии окажется удачным, предоставим бомбу в их распоряжение. Пусть шантажируют правительство, пусть попугают паршивых либералов. Если нет... Пусть хоть «хлопнут дверью», чтобы всем стало страшно. А есть еще один вариант.

Гонсалвиш встал и прошелся по комнате.

— Самолет-то американский. У нас есть двое ребят, фанатично преданных движению. Они не пожалеют жизни ради наших идей. Пошлем самолет с бомбой в сторону русских и их союзников. Стравить Москву с Вашингтоном тоже неплохо. Ведь янки нам тоже мешают. Объединенная, сильная, монолитная Европа под властью движения — вот мой идеал. А кроме того, мы в долгу перед ЮАР, которая нас всегда поддерживала. В конце концов и проект «Вальхалла» стал возможен благодаря содействию Претории. ЮАР окружена врагами, и если ей придется особенно тяжело, то мы придём на помощь. Бомбу можно сбросить и на черномазых.

Гонсалвиш остановился у окна, приподнял край легкой кружевной занавески. В это мгновение раздался выстрел.

Вентури включил радио и чуть прибавил звук. Подошел к столу, открыл центральный ящик — там был смонтирован маленький сейф, где он хранил наиболее важные бумаги и пистолет. Не спуская глаз с плотно прикрытой двери, быстро вытащил из сейфа пистолет. Убедившись, что патроны еще есть, сунул оружие в карман пиджака. Уловив какой-то звук за дверью, быстро задвинул ящик стола, схватил книгу.

В комнату заглянула жена.

— Марио, ты будешь ужинать?

Не отрывая от книги напряженного взора, Вентури отрицательно покачал головой.

— Нет, мне надо уйти ненадолго.

— Хорошо, — покорно согласилась жена и плотно прикрыла за собой дверь.

Вентури немедленно вскочил, отбросил в сторону книгу.

На первом же перекрестке он сел в такси. Откинувшись на заднем сиденье, Вентури смотрел прямо перед собой.

Освобождение из тюрьмы стало началом еще больших страданий, о которых он и не предполагал, мечтая в камере о свободе. Он оказался в вакууме. Телефон молчал, словно мертвый. Когда он или его жена звонили друзьям, те торопились закончить разговор. Соседи спешили отвернуться, перейти на другую сторону улицы, заведя Вентури.

Он перестал выходить из дома. По ночам не мог уснуть. В голове вертелась какая-то мешанина из тюремных воспоминаний, улыбающегося туринского прокурора, начальника полиции. Рядом тихонько плакала в подушку жена. Карла уговаривала Вентури уехать в другой город, в Рим, за границу, куда угодно.

Вентури велел водителю остановиться, не поспешил на чаевые. Когда такси отъехало, внимательно осмотрелся. Здесь всегда было пустынно — квартал местной элиты. Светя фарами, проехала машина. Вентури мгновенно повернулся к ней спиной. Луч света выхватил из мрака его напряженную фигуру, руки, засунутые в карманы.

Перед хорошо знакомой ему виллой Вентури остановился, потрогал низенький столбик ограды, будто проверяя на прочность. Зачем-то посмотрел на небо и перешагнул через ограду.

В вилле светило только одно окно. Вентури вытащил пистолет и поставил на боевой взвод. Он собирался подобраться поближе, но в ярко освещенном окне вдруг появился силуэт крупного мужчины. «Это он!» — мелькнуло в голове Вентури. Не раздумывая, он вытянул руку с пистолетом. Звук выстрела показался нереальным в тишине спокойного летнего вечера.

Когда человек за разлетевшимся стеклом осел, Вентури прижал пистолет к виску и нажал курок.

Возле небольшого дома на окраине Кельна остановилась машина. Стоявший у дверей молодой человек с вежливой улыбкой встретил гостей.

В гостиной на втором этаже навстречу им поднялся широкоплечий человек, портрет которого вместе с написанной громадными цифрами датой предстоящего митинга третью неделю мозолил глаза жителям Кельна. Он подчеркнуто уважительно пожимал руки гостям, со значением глядя им в глаза. За огромным столом уже сидело несколько человек. Эти люди представляли руководителей трех концернов, входящих в военно-промышленный комплекс Федеративной республики. Хозяин дома слушал собравшихся так же внимательно, как и их могущественных боссов. Он привык к таким посещениям. Правда, обычно приходил кто-то один, сегодня пришли семеро. И это означало многое. Он не был ни самым влиятельным, ни самым умным, ни самым богатым из всех присутствующих. Однако они приехали к нему, а не он к ним. На то были причины.

Он обладал уверенными манерами, хорошо поставленным звучным голосом, фотогеничной внешностью, умел пожимать сотни протянутых ему рук, часами выстаивать на трибуне. Его сочли наиболее подходящей фигурой, чтобы возглавить Национальную партию, которая успешно преодолевала один барьер за другим, захватив уже немало мест в земельных ландтагах, рвалась в бундестаг. Даже политические соперники признавали, что он один из самых динамичных политиков в Федеративной республике.

— Мы хотели бы вас предостеречь от необдуманных шагов, — заговорил один из гостей. — Именно поэтому и решились побеспокоить вас в поздний час, тем более накануне столь ответственного для руководителя Национальной партии дня. Завтрашний митинг может быть не более чем пробой сил. Некоторые ваши чересчур радикальные сторонники говорят о некоем «походе на Бонн», который вы должны объявить с трибуны. Высказывания эти проникли в прессу и могут вам повредить. Разве уже настало время для подобных заявлений? Разве в ваших руках полиция, армия? Вам еще многое предстоит сделать, прежде чем можно будет претендовать на Бонн. Сегодня вы еще недостаточно сильны. Вы или мы, не стоит спорить из-за слов. И поверьте, наш приезд продиктован чувствами весьма и весьма дружескими. Надеюсь, вы не забыли, что мы сделали и делаем для Национальной партии?

Проводив гостей, лидер партии вернулся к себе, сбросил пиджак, распустил галстук, устало присел на стул.

Завтра он будет спать очень долго, и никто не посмеет его будить. Потому что завтра он должен, как никогда, быть в отличной форме. Руководство «коричневого фронта» возлагает на Национальную партию серьезные надежды. Но почему нет Гонсалвиша, который должен был привезти последние инструкции?

Сегодняшние гости заставили его немного призадуматься. В самом деле, не слишком ли торопит его руководство «фронта»? Пожалуй, завтра не стоит переживать, хватит и обычного набора лозунгов. Надо сказать Гонсалвишу, чтобы в институте отменили вылет самолета. Подождем. О Бонне и в самом деле пока что рано думать.

В доме, где набирался сил перед митингом лидер Национальной партии, в гостиной на первом этаже бодрствовали три человека. Они расселись в креслах вокруг небольшого стола и как зачарованные смотрели на черный телефонный аппарат.

— Дьявольщина какая-то! — не выдержал один из них. — Я больше ждать не могу. У меня нервы не железные. Поеду в гостиницу и все выясню.

Двое переглянулись.

— Валяй, Манфред, — разрешил сутулый человек с зачесанными назад седыми волосами.

Визит в гостиницу означал нарушение всех правил, однако другого выхода не оставалось: прошло три часа после назначенного срока, но граф Гонсалвиш не появился.

Был известен не только точный час его прилета, но и номер комнаты в гостинице, которая ему была заранее забронирована. Он должен был привезти последние инструкции руководства «коричневого фронта». Эти трое были лидерами подпольной неонацистской боевой группы, накануне митинга сконцентрировавшейся в городе. Все было готово для того, чтобы превратить завтрашний день в крупную схватку, продемонстрировать силу крайних правых, спровоцировать столкновение с полицией, открыто провозгласить поход на Бонн.

Они отчаянно нервничали, седой начал грызть ногти — привычка, от которой отделался еще в школьном возрасте. Сидели молча. Каждый боялся сказать то, о чем все думали: единственной причиной странного отсутствия Гонсалвиша мог быть только его арест.

Ровно через двадцать минут Манфред Кноль вернулся. Двое уставились на него. Минуту или две Кноль стоял молча, засунув руки в карманы и прислонясь спиной к двери. Двое не сводили с него глаз.

— Граф в гостиницу не приезжал. Никаких известий от него нет. Как в воду канул, — медленно проговорил Кноль.

Он прошел в угол комнаты, вытащил из шкафа портфель, начал лихорадочно запихивать в него бумаги. С трудом застегнув замок, решительно направился к двери.

— Куда это ты? — заговорил третий, помалкивавший все это время. — Мы же должны передать графу просьбу шефа об отмене самолета.

— Сматываю удочки, — рявкнул Кноль, — и вам советую. Особенно тебе, Байер, — кивнул он человеку, задавшему вопрос. — Не догадываешься, что карточкой с твоей запоминающейся физиономией снабдили каждого полицейского?

Байер угрожающе приподнялся. Седой остановил его жестом.

— Успокойтесь, Кноль прав: раз графа нет, значит, надо уходить.

Джексон не получил ответа от Гонсалвиша ни в субботу, ни в воскресенье утром. Это был первый случай, когда предложение о встрече просто игнорировали, не потрудившись дать объяснения. Весь уик-энд Джексон напрасно проторчал у телефона в управлении, отказавшись от поездки за город и от ужина у старого приятеля, чем никогда не пренебрегал. Жену его дела нисколько не интересовали, она преспокойно отправилась к подруге. Джексон в одиночестве бесился в управлении, где сидели только дежурные.

В воскресенье к вечеру Джексон понял, что ждать ответа бесполезно. Скорее всего Гонсалвиша арестовала полиция на континенте. Эта мысль напугала Джексона. Не потому, что его беспокоила судьба графа: на допросе могли всплыть какие-то подробности, подтверждающие контакты Гонсалвиша с ним, Джексоном. Удар необходимо было как-то предупредить, но даже изобретательный ум Джексона не шел дальше повинной Малькольму, что в любом случае означало уход из ЦРУ.

На городской площади соорудили огромную трибуну, украшенную плакатами с изображением лидера Национальной партии. Кристиан сразу же оценил замысел устроителей митинга: собравшиеся на площади взирали на оратора снизу вверх, маленькие перед гигантской трибуной, а усиленный мощными микрофонами голос рокотал над ними, заставлял прислушаться, заглушал все остальные звуки, подавлял.

Кристиан еле пробрался к площади. Все улицы, которые вели к ней, были запружены толпами стремившихся на митинг людей. Женщины были принаряжены, от мужчин пахло пивом. Кристиан встроился в общий поток и, стиснутый чужими плечами и спинами, оказался среди тысяч, ожидавших обещанного им откровения.

Площадь заполнилась задолго до назначенного часа. Счастливики, занявшие первые ряды, расположились здесь еще с утра. Сейчас их постепенно оттесняли молодые парни в одинаковых серых костюмах, плотными кольцами охватившие трибуну.

— Охраны-то сколько, — заметил стоявший рядом с Кристианом старик с седыми усами, как у кайзера Вильгельма.

— А ты как думал, — набросился на старика широкоплечий мужчина, — вокруг полно всякой нечисти, которая только и думает, как уничтожить нашего вождя. Не нравится им, что он правду говорит. — Окинув Кристиана тяжелым взглядом, он отвернулся.

Старик собирался что-то возразить, но в этот момент на трибуне возникла фигура лидера партии. Он протянул в приветствии руки к толпе, и толпа всколыхнулась навстречу ему. Площадь задрожала от криков. Справа и слева от себя Кристиан видел горящие глаза. Он оглох от повторенного тысячью глоток приветственного рева. И вдруг все стихло. Оратор заговорил.

Лидер партии выступал нечасто, чтобы не обесценивать своих речей. Его «встречи с народом», как эти митинги именовались в отчетах третьего отдела федерального правления Национальной партии, занимавшегося пропагандой, должны были надолго оставаться в памяти. Зато он много ездил по стране, останавливался в небольших городах и деревушках, заходил в кабачки, пил пиво с местными жителями, пел с ними старые немецкие песни и вел долгие беседы. Это тщательно подготовленное и продуманное «общение с простыми людьми» расписывали журналисты из пресс-группы, сопро-

вождавшие его повсюду. Завсегдатаям крошечных пивных льстило, когда такой известный человек подсаживался к их столику, расспрашивал о жизни, сочувственно кивал, когда люди жаловались на трудности, ругал продажных политиков, которым плевать на интересы собственного народа. Образ простого и доступного стража национальных интересов создавался десятками тысяч экземпляров партийной газеты, в кассе которой всегда было достаточно денег, чтобы издать бесплатно иллюстрированное приложение или специальный выпуск об очередном вояже лидера.

Оглядываясь вокруг, Кристиан пытался понять, что же привело сюда всех этих людей. Большинство составляли женщины, старики и молодежь — те, кто в наибольшей степени считал себя неудовлетворенным жизнью в Федеративной республике. Многие из собравшихся искренне восхищались человеком, который обещал после прихода к власти Национальной партии дать всем работу, в два счета покончить с ростом цен, навести во всем порядок.

Кристиан видел вокруг себя напряженные лица людей, старающихся не пропустить ни единого слова оратора. Он попытался прислушаться к голосу, разносившемуся над площадью.

— До каких пор мы, немцы, будем бояться собственной тени и трусливо поджимать хвост, когда паршивые иностранцы упрекают нас за неведомые грехи? До каких пор наше собственное правительство будет потакать внутреннему врагу, тем, кому ненавистен подлинно немецкий дух, и позволять им безнаказанно оскорблять лучших сынов немецкой нации? Доколе, я вас спрашиваю? И мы, немцы, великая нация, сняв шляпы, вынуждены покорно выслушивать поучения, словно школяры перед учителем.

Кристиан был потрясен беззастенчивостью этой демагогии, напором, с которым лидер Национальной партии преподносил слушателям самые дешевые сентенции из стандартного набора пропагандиста «третьего рейха». Но собравшиеся на площади не разделяли его чувств. Напротив, толпа негодовала, когда негодовал оратор, возмущалась, когда нотка возмущения слышалась в его голосе.

— И вот тех, кто нашел в себе мужество вступить за честь немцев, подвергают гнусным нападкам, превращают в мишень для дурацких острот и карикатур. Кто

это делает? Красные, недоучившиеся студенты, которые поклоняются чужой культуре, иностранцы, которые не имеют права жить на нашей земле. Эти люди навязывают свою волю правительству, пишут грязные статьи в журналах. Они живут за ваш счет и позволяют себе издеваться над вами...

Ропот пробежал по толпе.

— Он до них доберется. Это я тебе обещаю, — восторженно прошептал Кристиану стоящий рядом толстяк, — он всех выведет на чистую воду. — Толстяк просто пылал от восторга.

— Они виноваты в ваших несчастьях. Они сидят на ваших местах, поэтому вам не хватает работы. Они живут в ваших домах. Они едят ваш хлеб. И если вы спросите меня, какова главная цель Национальной партии, то я вам отвечу: вернуть Германии утраченное достоинство, покончить с засильем чужестранцев, вернуть вам, простым немцам, то, что принадлежит вам по праву. Тот из вас, кто чувствует себя обойденным в жизни, пусть поймет: ему никто не поможет, кроме нас.

Толпа ревела от восторга. Высоко подняв руки, люди безостановочно аплодировали. Откуда-то появились плакаты с лозунгами: «Отдадим голоса Национальной партии!»

В бушевавшей толпе только окружавшие трибуну молодые парни сохраняли удивительное спокойствие.

Кристиан стал протискиваться назад. Его пинали, толкали, проклинали — ведь он мешал им видеть оратора.

Из «коричневой тетради» Редлиха.

(Выдержки из заявления Национальной партии):

«Уже много месяцев пытаются обмануть общественность относительно целей и намерений Национальной партии. Единственный ответ на наши политические аргументы — это беспримерная травля новой партии.

Почему же нас так бесстыдно травят? Потому что боятся правды.

Правда состоит в том, что нас поддерживает большинство немцев.

Почему? Потому что наша программа отвечает духу и стремлениям немца. Потому что наша партия выросла на подлинно немецкой почве, и каждый, в ком течет истинно немецкая кровь, наш единомышленник.

Мы хотим добиться коренных преобразований в Федеративной республике, создания национально-авторитарного государственного строя, который отвечает нашему национальному духу.

Наши главные ценности — нация как естественное жизненное сообщество, понятие здоровья, чистоты в самом широком смысле; наше кредо — антиматериализм, идеология верности отечеству, национальное самоутверждение.

Мы избавим Германию от лодырей и преступников. Если бы существовали трудовые лагеря, дисциплина и порядок установились бы сами по себе. В стране царит хаос, в котором виноваты американцы и масоны. Национальные силы подавляются до сих пор. Необходимы суровые меры, чтобы навести порядок в доме. Наша партия способна взять на себя такую ответственность.

Смертельную опасность для нашего народа представляют иностранные рабочие, которые создают засилье чужеземцев в стране и тем самым угрозу для существования и чистоты немецкой расы. Если этот процесс будет продолжаться и впредь, немцам придется забраться в норы, а господствовать будут другие.

После поражения Германии нас пытаются заставить отказаться от немецких ценностей, таких, как национальное чувство, порядочность, верность, любовь к отчизне. Чужеземцы навязывают нам культуру кока-колы, героина, голливудских фильмов и джинсов. Наше требование — сохранить в чистоте немецкий дух.

Вот почему травят Национальную партию».

Кристиана просто мутило от назойливого голоса оратора, от толпы, с восторгом ловившей слова своего лидера, окружавших его поклонников Национальной партии. Выбравшись из толпы, он с облегчением вздохнул. Кто-то стоящий рядом посмотрел на него с удивлением. Кристиан поторопился отойти в сторону. Машинально поправил рубашку, пиджак — пока пробирался в толпе, чуть без пуговиц не остался.

Утром ему позвонила вдова Хорста. После убийства мужа по совету Кристиана она подала жалобу прокурору.

«Полиция сорбщила мне, что мой муж покончил жизнь самоубийством. Такой вывод — нелепость. Разве человек просит позвонить домой и сказать, что придет

через двадцать минут, если собирается покончить жизнь самоубийством?» — писала она в заявлении.

Теперь она получила ответ прокурора, который и прочитала Кристиану по телефону: «Не вижу оснований для пересмотра дела. Из материалов следствия ясно, что самоубийца последнеѐ время находился в подавленном состоянии, граничащем с болезненной депрессией. Обстоятельства его смерти не дают ни малейших оснований предполагать, что это убийство».

В редакции еженедельника, для которого писал Хорст, вдове обещали, что в очередном номере обязательно напечатают его последнюю статью, а заодно прибавят несколько слов насчет странного нежелания полиции внимательно заняться этим делом.

Кристиан специально купил этот номер, но не нашел там статьи Хорста.

Кристиан не знал, что накануне выхода журнала редактору позвонил издатель. «Вы знаете, я никогда не вмешиваюсь в вопросы, относящиеся к вашей компетенции. Содержание журнала целиком определяете вы. Но я бы хотел дать вам совет... Надеюсь вы к нему прислушаетесь. В номере стоит статья этого... самоубийцы. Ее публикация сослужит журналу плохую службу. Мы ведь не гонимся за уголовными сенсациями — кстати, таково было условие, которое вы мне поставили, когда согласились возглавить журнал. Я не знаю, о чем статья, да это и неважно. Сам по себе материал журналиста, покончившего с собой, вызовет нежелательный шум... А что касается гонорара, то его надо выплатить вдове в полном объеме. Я вас убедил?»

Статью сняли из номера и заменили репортажем с выставки породистых собак. «Отличные фото», — единодушно отмечали читатели, приславшие хвалебные письма в редакцию.

Кристиан направился домой. Слушая речь, он твердо решил исполнить то, что не успел сделать его друг-журналист: написать большую статью о тайной организации новых фашистов, которые остаются безнаказанными. Он больше не может быть в стороне, когда с трибуны открыто проповедуется фашистская идеология, а тысячи людей восторженно внимают оратору. Теперь Кристиан не мог себе простить, что так долго бездействовал.

Конечно, по натуре он не боец. Даже в университетские годы он не принимал участия в дискуссиях, предпочитая оставаться один на один с чистым листом бумаги,

на котором можно спокойно, не торопясь, изложить свою точку зрения, аргументированно опровергнуть оппонентов. Но теперь этого мало. С теми, кто убил Норберта, Дональда Мэрфи, Хорста, кто призывает покончить с демократией, бороться надо всерьез.

Кристиан свернул в первый же переулок, собираясь взять такси и побыстрее приняться за дело. Задумавшись, он толкнул стоявшего к нему вполоборота широкоплечего человека. Тот гневно повернулся:

— Какого черта...

Кристиан, чувствуя себя виноватым, открыл рот, чтобы извиниться, и замолк. Перед ним стоял Хельмут Хайссе, племянник профессора Циммера из Японии.

Институт был надежно укрыт пышной шапкой густой экзотической растительности. Все постройки института были разбросаны на площади в два квадратных километра, обнесены со всех сторон колючей проволокой и сторожевыми вышками. Служба безопасности — ее сотрудники ходили в серо-зеленой униформе, сшитой из легкой немнущейся ткани, — повсюду установила электронные системы контроля. Ночью обитателей института часто будил рокот моторов — самолеты «Си-эй» покидали джунгли, когда темнело. В центре территории стояло напоминающее крепость единственное двухэтажное каменное здание (все остальные постройки были просто одноэтажными бараками) контрольного пункта, у дверей которого круглосуточно дежурили охранники с автоматами. Судя по антеннам, возвышавшимся над контрольным пунктом, институт располагал мощной системой связи.

Когда в Западной Германии начался митинг Национальной партии, руководители института собрались у включенного на полную мощность радиоприемника.

В комнате радиоцентра столпилось несколько десятков человек. Самым старым из них было около семидесяти, самым молодым чуть больше двадцати. Старшее поколение перебралось в Латинскую Америку после крушения нацистского режима. Много лет провели в джунглях, мечтая о том дне, когда они вернутся в Германию победителями. Молодые обитатели института родились и выросли в немецких поселениях, разбросанных по континенту, и никогда не видели страны, о которой говорили их родители. Они жили в нереальном мире, населенном мифами и мертвецами. Их воспитывали на на-

ционал-социалистских идеях, заставляли читать «Мою борьбу», «Миф двадцатого века», старые номера «Фёлкишер беобахтер», «Ангриф», «Дас шварце кор», пожелтевшие страницы которых были истрепаны страдавшими ностальгией по фашизму. Расовая теория, кровь и почва, культ фюрера, надежда на возрождение фашизма, почитание насилия и непоколебимая вера в возможность с его помощью добиться своих целей — в такой атмосфере они жили. Им внушали нордическую твердость, ненависть к врагу, учили презирать культуру, особенно городскую, «асфальтовую», несущую миазмы разложения.

Три года они трудились над проектом «Вальхалла». Вернее, работали ученые, те, кто прошел переподготовку в ядерном центре в Карлсруэ, и те, кого «коричневый фронт», как Норберта Хартунга, похитил и вывез в институт. Остальные обитатели института в основном были озабочены обеспечением секретности проекта «Вальхалла».

Когда из радиоприемника раздались аплодисменты и восторженные выкрики толпы, приветствовавшей лидера Национальной партии, в комнате все смолкло. Для «коричневого фронта» в целом атомная бомба, созданная в институте, была главной, но не единственной ставкой. Люди в институте все надежды вернуться — и вернуться победителями, хозяевами положения — связывали с проектом «Вальхалла».

Испытывая первое ядерное взрывное устройство, они уничтожили пассажирский корабль «Генерал Шерман», сбившийся с курса. Взрыв можно было и отсрочить, дав кораблю уйти, но обитателям института хотелось поскорее убедиться, что проект «Вальхалла» завершен. Судьба ста пятидесяти человек их не волновала.

Теперь в самолет погрузили вторую бомбу, большей мощности. Когда начался митинг Национальной партии, самолет с атомной бомбой был уже готов к вылету. Он стоял в начале пустой взлетно-посадочной полосы. Пилот и штурман тщательно осматривали машину.

Из «коричневой тетради» Редлиха.

«Валь — совокупность погибших на поле боя героев... Вальхала или Вальхалла — в древнегерманской мифологии место почетного пребывания павших воинов, которые избраны богом битвы Одином... Валькирия — ле-

гендарная боевая дева, которая несет погибших воинов в Вальхаллу».

Взято из «Дас дойче ворт». Правописание и объяснение немецкой лексики, а также иностранных слов. Обработано в соответствии с нормами, установленными государственными учреждениями, Рихардом Пекруном, штудиенратом в гимназии Лессинга (Берлин). Издательство Георг Дольхаймер. Лейпциг. 1933».

Кристиан и Хайссе молча смотрели друг на друга. С площади доносился рев толпы, а в переулке было тихо. Здесь находилось несколько контор фирм, закрытых по случаю выходного дня. Чуть поодаль стоял длинный серебристый «мерседес» с затемненными стеклами, за которыми маячили силуэты голов. Мотор чуть слышно работал на холостых оборотах.

Боковое стекло машины медленно опустилось, Кристиан машинально посмотрел туда поверх головы Хайссе. Тот невольно оглянулся и сунул руку в карман. Тогда Кристиан, повинуясь инстинкту самосохранения, бросился бежать. Он не успел пробежать и трех метров...

Кристиан рухнул лицом на грязный асфальт, истоптанный тысячами ног спешивших на площадь поклонников Национальной партии. Несколько секунд он еще жил и успел подумать почему-то, что никогда не любил автомобили серебристого цвета...

Выстрелив, Хайссе бросился к машине, задняя дверца которой была уже предупредительно открыта. Въехав на тротуар, водитель развернулся и погнал «мерседес» прочь от пустынного переулка, где, раскинув руки, лежал убитый Кристиан Редлих.

— Быстрее! — бросил Хайссе водителю в темных очках.

— Зачем ты это сделал? — прошипел Циммер, который решил приехать в Федеративную республику с чужим паспортом, чтобы самому присутствовать при торжестве движения. Теперь он проклинал Хайссе и самого себя. — Сейчас нас остановит полиция. Ты понимаешь, что будет со мной, если я попадусь ищейкам? Пятнадцать лет как минимум.

— Заткнись, — огрызнулся Хайссе. — Что же было делать? Этот Редлих донес бы на нас, если бы ушел живым.

Водитель выжимал из машины все, что мог, торопясь

выбраться из лабиринта узких переулков. От рева мотора, который гоняли на слишком высоких оборотах, звенели оконные стекла. Вильнув в очередной раз, серебристая машина свернула направо и вылетела на полосу встречного движения. Мотоциклист, мчавшийся навстречу, уходя от удара, врезался в столб.

— Полиция! — завопил Циммер, потерявший остатки своей профессорской вальяжности.

На перекрестке расположился моторизованный патруль. Полицейских, удобно устроившихся в машине, несколько не интересовали проезжающие автомобили, но на такое вопиющее нарушение они не могли закрыть глаза. Старший из них начал нехотя вылезать из машины, чтобы заняться проколом, но с удивлением увидел, что нарушитель, вместо того, чтобы покорно ожидать блюстителя закона, пытается скрыться.

Серебристый автомобиль рванулся к выезду на магистраль. Этого патруль допустить не мог, полицейская машина перегородила дорогу. Водитель «мерседеса» резко затормозил и начал выворачивать руль, собираясь опять развернуться. Теперь только до полицейских дошло, что тут дело серьезное. Двое из них бросились к «мерседесу». В ту же секунду из серебристого автомобиля выскочил водитель и бросился бежать. Задние дверцы тоже распахнулись, и показались еще двое. Один из них, поменьше ростом и помоложе, выстрелил в спину водителю. Тот упал.

Шофер патрульной машины начал вызывать по рации подкрепление.

Хайссе, прижавшись к стене дома, стрелял уже по полицейским. Те отвечали огнем. Бессмысленно метавшийся Циммер угодил под пулю, споткнулся и медленно повалился на землю.

Хельмут Хайссе ушел.

Слушая по радио репортаж о выступлении лидера Национальной партии, в институте не уловили более сдержанной, чем обычно, интонации оратора. Он избегал выражений, которые могли бы показаться призывом к «походу на Бонн». Это был результат ночной беседы в доме лидера партии.

В институте поддались на демагогический пафос обвинения в адрес «продажных политиков», «предателей наций». К середине речи все собравшиеся в комнате ра-

диоцентра были уверены в успехе своих западногерманских единомышленников. Был отдан приказ о вылете самолета. В принципе они должны были ждать подтверждения от Гонсалвиша, но рев многотысячной толпы казался достаточным основанием.

Норберта Хартунга держали в третьем блоке — бараке с зарешеченными окнами, выполнявшем роль карцера. Узнав, чем занимается лаборатория, в которой его заставили работать, Хартунг сознательно сделал в расчетах ошибку, которая должна была свести на нет работу всей группы ученых. Мысль о том, что он станет помогать фашистам создавать атомную бомбу, была для него нестерпимой. Но он недооценил институт. Все расчеты Хартунга тщательно проверялись. Ошибку быстро нашли, поместили непокорного физика в третий блок. Его судьба должна была решиться после успешного завершения плана «Вальхалла».

Он услышал рев самолетного двигателя и посмотрел в маленькое окошко.

Стреловидный силуэт взмыл вверх, набирая скорость, вдруг качнулся вперед, словно клюнул кого-то, и резко устремился вниз... «Катастрофа?» — мелькнуло в голове Хартунга.

Мгновением позже раздался взрыв, языки пламени взметнулись к небу. А затем, затмевая полуденное светило, сверкнула вспышка, которая и в самом деле была «ярче тысячи солнц», как успел подумать Хартунг.

Президент начал свой день с папки, на которой значилось: «Для президента. Разведывательная контрольная сводка. Совершенно секретно». За ней следовали телеграммы от послов в особо важных странах, а также сверхсекретная «Черная книга» Агентства национальной безопасности. Закончив чтение, президент снял очки и взглянул на часы: на завтрак был приглашен Уайт.

Сложные отношения связывали президента с помощником по национальной безопасности. При прежнем хозяине Белого дома статус помощника невиданно укрепился: в Вашингтонской иерархии он потеснил даже госсекретаря. Без Совета национальной безопасности не принимались никакие внешнеполитические решения. В принципе это устраивало президента. Но следуя до

поры советам Уайта, президент имел обыкновение время от времени взбрыкивать и поступать совсем не так, как того ожидал помощник по национальной безопасности.

Уайт почувствовал, что разговор будет неприятным. Он только что прилетел из загородного домика, где прекрасно провел уик-энд, отключившись от всех проблем, и с трудом настраивался на обычный деловой лад. Президент бросил короткий взгляд поверх очков.

— Вы видели сводку?

Уайт не понял.

Он начинал свой рабочий день раньше президента, и ему уже доложили, что разведывательный спутник опять зафиксировал взрыв атомной бомбы малой мощности примерно в том же районе земного шара, что и предыдущий. Неприятный сюрприз для Уайта. Эдвард Малькольм уверил его, что ЦРУ держит руку на пульсе в этом деле.

— Что вы скажете?

— Господин президент, во-первых, я отложу все дела, чтобы немедленно заняться взрывом. Во-вторых, уверен, что та вспышка и этот инцидент не связаны между собой. Если разрешите, я позднее представлю вам подробный доклад.

Уайт говорил, как типичный университетский профессор, прочитавший не одну сотню лекций, ясными, округлыми фразами, четко выговаривая каждое слово и правильно расставляя ударения.

Президент, слушая его, всем своим видом выражал неудовольствие. Когда Уайт закончил, президент кивнул:

— Хорошо.

Уайт вышел, собираясь сквитаться с Малькольмом за унижение, которое он только что вытерпел в Овальном кабинете.

Президент встал из-за стола, полистал библию, за которую всегда брался, когда был не в духе, и вслух прочитал:

«Всякий советник хвалит свой совет, но иной советует в свою пользу: от советника охраняй душу свою и наперед узнай, что ему нужно, ибо, быть может, он будет советовать для самого себя...»

Труп Кристиана Редлиха обнаружили еще до того, как митинг закончился. Журналисты, которые были уже по горло сыты митингом Национальной партии, переключо-

чились на убийство и перестрелку с полицейским патроном.

В понедельник утром полицейский-президиум сообщил, что один из убитых — нацистский преступник, давно разыскиваемый и приговоренный заочно к пятнадцати годам тюремного заключения. Этот эпизод, наложившийся на митинг Национальной партии, испортил ее руководству весь эффект. Левая печать с фактами в руках заговорила о политическом терроре, который развязывают неонацисты. Некоторые места из речи лидера партии до удивления напоминали выступления вождей «третьего рейха», что газеты доказали, опубликовав соответствующие выдержки. Последовал запрос в бундестаге. Лидеру партии пришлось объясняться и оправдываться. Выстрелы из бесшумного пистолета Хельмута Хайссе спутали карты и ему, и его единомышленникам.

Еще до наступления утра в аэропорте Кельна было неожиданно раскуплено значительное число билетов на заграничные рейсы.

За несколько утренних часов Уайт успел сделать довольно много. Прежде всего помощник президента принял все меры, чтобы информация о новом взрыве никоим образом не попала в печать.

— Что толку? — засомневался один из сотрудников Совета национальной безопасности. — Сейсмические лаборатории отметили толчок, рано или поздно эта история все равно всплывет наружу.

— Ну, это мы еще посмотрим, — задумчиво проговорил Уайт, — а сейчас главное — не раздражать президента. Его тоже надо понять: если пресса заговорит о неизвестном атомном взрыве, поднимется шум. — Он посмотрел в окно. — А список лабораторий, которые могли зафиксировать толчок, на всякий случай принесите. Попробуем с ними побеседовать. В конце концов, они ведь заинтересованы в государственных субсидиях на свою деятельность.

После обеда к Уайту приехал Эдвард Малькольм с документами, в спешном порядке подготовленными его аппаратом.

Уайт просидел над ними до вечера. На утро была назначена пресс-конференция помощника президента по национальной безопасности.

Небольшая группа доверенных сенаторов была срочно приглашена на совещание. Как им сказали, по личной просьбе президента. В комнате «С-407» на Капитолийском холме, которую считают самой надежной — в смысле обеспечения безопасности (она оборудована сложными электронными устройствами, исключающими любую возможность подслушивания, у дверей усиленная охрана), — первый заместитель директора ЦРУ сообщил законодателям подробности относительно атомных взрывов. Рассказал все без утайки. На этих людей администрация могла положиться.

Стенограмма пресс-конференции помощника президента по национальной безопасности Уайта:

«Добрый день, дамы и господа. Вначале я сделаю небольшое заявление, а потом отвечу на ваши вопросы.

В последнее время мы с вами стали свидетелями расцвета международного терроризма. В целом ряде демократических государств, являющихся нашими союзниками, совершаются убийства, взрываются бомбы, льется кровь.

Все эти преступления — их количество достигло опасного уровня — наводят на мысль о существовании центра международного терроризма, угрожающего идеалам нашей демократии. Я могу вас уверить, что администрация проявляет к этой проблеме особый интерес, диктуемый соображениями нашей национальной безопасности.

В докладе, подготовленном Центральным разведывательным управлением, собраны серьезные доказательства причастности одной великой державы к террористическим актам в Европе. Настало время, когда западные демократии должны эффективно заняться этой проблемой.

Наша страна, которая уже два столетия служит защитницей демократии, выражает свое возмущение наглым попранием прав человека, которое осуществляется теми, кто поддерживает международный терроризм. Нужно ли объяснять этой аудитории, что я имею в виду Россию.

Международный терроризм вызывает у нас беспокойство. Будьте уверены, что в ближайшем будущем мы будем считать борьбу с ним нашей первоочередной зада-

чей. Нам мешало отсутствие надежной информации. А ведь ее можно получить, если очень постараться.

А теперь, когда я все это сказал, наступила ваша очередь задавать вопросы. Я всегда стараюсь чаще встречаться с журналистами, пользующимися репутацией честных, объективных и осведомленных людей. Диалог с вами полезен для администрации. Итак, пожалуйста, вопросы...»

Пресс-конференция имела огромный резонанс. «Советский Союз поощряет терроризм». «Русские стоят за убийствами в ФРГ и Италии». Этой теме были посвящены первополосные материалы газет, последние выпуски теленовостей, выступления обозревателей. Выдержки из заявления и ответов Уайта на пресс-конференции под огромными шапками напечатала почти вся западноевропейская пресса.

В этом шуме практически незамеченной прошла маленькая заметка о том, что группа научных экспертов, назначенных Белым домом, после тщательного изучения пришла к выводу: таинственная вспышка в Атлантике, зарегистрированная американским спутником, не была ядерным взрывом. «Это естественное явление природы, — добавил представитель госдепартамента на ежедневном бриффинге для журналистов. — Причиной необоснованных слухов насчет ядерного взрыва послужила элементарная неисправность аппаратуры».

На волне этой же шумихи президент обратился в конгресс с просьбой выделить дополнительные ассигнования на отпор международному терроризму, на усиление сил быстрого разворачивания в соответствии с памятной запиской, подготовленной комитетом начальников штабов.

После пресс-конференции Уайт позвонил по телефону спецсвязи Малькольму:

— Мне все же удалось исправить ваши ошибки. Но не подумайте, что я выручал лично вас. В ваших действиях было слишком много авантюризма. Вся эта история с бомбой — сплошное безумие. В дальнейшем ничего подобного быть не должно. А в принципе, идеи, которые вы разрабатываете, мне нравятся. Идеи, но не исполнение.

Малькольм был менее великодушен. Джеймсу Джексону пришлось расстаться со службой в ЦРУ. Впрочем, для него давно было припасено местечко в корпорации «Боинг».

Его преемник через неделю после вступления в должность вызвал к себе Уорнера.

— Я ознакомился с деятельностью вашей специальной группы в Токио и нашел ее весьма эффективной, — сказал он. — Руководство управления по планированию предлагает вам продолжить работу. После смерти Гонсалвиша ваш партнер профессор Симидзу приобретает особую ценность и как источник информации, и как канал связи с «коричневым фронтом». Института больше не существует, ну и слава богу — это был неуправляемый механизм. Теперь организации «коричневого фронта» будут еще больше зависеть от нас. Пока что нам придется воздерживаться от активных контактов. Используйте это время для дальнейшего сближения с Симидзу и его людьми. Во-первых, нас интересуют их шансы в политическом мире Японии, во-вторых...

«Проект Вальхалла» обращает читателя к живым событиям современной международной жизни. Л. Млечин разворачивает острый сюжет, сочетая реальную основу с вымыслом, без которого невозможно художественное творчество. В этом сочетании, собственно, и есть смысл и суть политического детектива.

Разумеется, неонацисты не располагают собственной атомной бомбой, и надеюсь, подобного не случится. Но этот вымысел имеет право на существование. Имеет потому, что в действиях империализма наших дней слишком много авантюризма и беспринципности, готовности использовать любые силы и средства для достижения своих целей.

Когда закончилась вторая мировая война и прошли судебные процессы над нацистскими преступниками в Нюрнберге, народы мира содрогнулись — так ужасны, бесчеловечны и огромны по своим масштабам оказались злодеяния фашизма. Они выходили за грани человеческого разума. Демократическая общественность требовала не только наказания нацистских изуверов, но и уничтожения корней фашизма, чтобы стало невозможным повторение всего того, что свершилось за двенадцать лет существования фашистского рейха.

Однако правящие круги западных держав уже планировали новый крестовый антикоммунистический поход. Американские власти, взявшие на себя роль лидера в нем, сделали ставку на сохранение и использование нацистских кадров. Спецслужбы Соединенных Штатов начали вербовку нацистских преступников для подрывной деятельности против Советского Союза, прогрессивных сил в других странах. В США тайком было переправлено около 5 тысяч нацистов, лично участвовавших в уничтожении населения оккупированных фашистской Германией стран. Среди них был и палач Лиона К. Барбье, и изобретатель душегубки В. Рауфф, и многие другие омерзительные личности, которых ждали суд и виселица.

По сообщениям печати, до сих пор живы и скрываются от возмездия около 150 тысяч нацистских преступников. Они создали свои поселения в некоторых латиноамериканских странах, где существуют военно-диктаторские режимы. Правосудие могло бы добраться и до них, но они прикрыты высокими покровителями в Вашингтоне.

Поражает всеядность и беззастенчивость американской администрации. И сейчас на высоких должностях в ЦРУ работает несколько нацистских преступников. Один — в госдепартаменте, один — в Пентагоне. А более полутора сотен других находятся на постоянном содержании для выполнения заданий по подрывной деятельности и террору. На государственном уровне применяются методы мафии: чем больше человек совершил преступлений, тем лучше он для новых черных дел.

Чем отличались от нацистских преступления американской военщины во Вьетнаме? Жители Сонгми были уничтожены американской солдатней так же, как жители Хатыни, Орадура, Лидице нацистскими головорезами.

Чем отличаются от нацистских преступления израильской военщины — этого детища американского империализма? Методу и жестокости при массовом уничтожении мирных палестинцев — детей, женщин, стариков в лагерях Сабра и Шатила могли бы позавидовать самые матерые эсэсовцы.

В «Проекте Вальхалла» неонацисты, опекаемые ЦРУ, стремятся создать обстановку мирового хаоса, чтобы их хозяева могли продиктовать свои условия человечеству. Читатель окунается в западный мир, где политический кровавый терроризм и обыденная уголовщина гангстерского типа стали нормой жизни, такой же, как безработица, инфляция и многие другие уродливые явления, которыми неизлечимо болен современный капитализм.

Но и в этом мире есть честные и трезвомыслящие люди. Они все более осознают пороки общества, в котором живут, видят главную опасность — авантюристическую политику непрерывного подстеги-вания гонки вооружений, которая может поставить человечество на грань термоядерной катастрофы. И они борются против этой опасности. Широкое антивоенное движение нашего времени несет антиимпериалистический заряд. С ним не могут теперь не считаться власть имущие в Вашингтоне, в штабах НАТО. Это внушает оптимизм, оправданную надежду на то, что проекту Вальхалла и другим ему подобным не суждено осуществиться, что люди доброй воли, если они не потеряют бдительности, уберегут нашу планету от гибели.

Леонид Млечин — автор молодой. Он привлек к себе внимание остросюжетной повестью «Хризантема еще не расцвела», появившейся в журнале «Знамя» в 1980 году. Как и «Проект Вальхалла», она построена на актуальном и тщательно проработанном политическом материале. Детективно-приключенческая форма, в которую облачаются реальные и вымышленные события, делает их восприятие живым и интересным, помогает широкому читательскому кругу понять и правильно оценить опасные действия международных авантюристов.

Можно лишь пожелать автору продолжить работу в этом важном и удающемся ему жанре.

В. Ежов, профессор

Млечин Л. М.

М72 Проект «Вальхалла»: Повесть. — М.: Мол. гвардия, 1983. — 127 с., ил. — (Стрела).

45 к. 100 000 экз.

Повесть Л. Млечина — политический детектив, в основу которого положены реальные факты последнего времени. Хотя в повести действуют вымышленные персонажи, все, что описывается автором, могло произойти на самом деле. Действие переносит читателя из Соединенных Штатов в Японию, из Японии в ФРГ, из ФРГ в Латинскую Америку. В повести наглядно показано, кто же на самом деле занимается международным терроризмом и кто ему покровительствует.

М $\frac{4702010200-117}{078(02)-83}$ 177—83

**ББК 84Р7
Р2**

ИБ № 3471

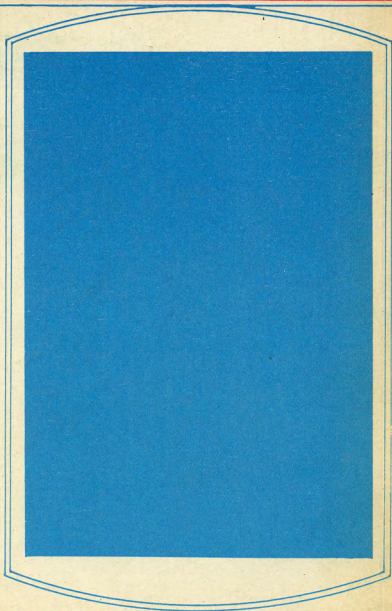
**Леонид Михайлович Млечин
ПРОЕКТ «ВАЛЬХАЛЛА»**

**Редактор Г. Быкова
Художник Б. Малахов
Художественный редактор К. Фадин
Технический редактор Г. Варыханова
Корректоры В. Авдеева, Н. Самойлова**

Сдано в набор 25.10.82. Подписано в печать 17.05.83. А00111. Формат 84×108^{1/32}. Бумага типографская № 2. Гарнитура «Литературная». Печать высокая. Условн. печ. л. 6,72. Учетно-изд. л. 7,0. Тираж 100 000 экз. Цена 45 коп. Заказ 1860.

Типография ордена Трудового Красного Знамени издательства ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес издательства и типографии: 103030, Москва, К-30, Сущевская, 21.

45 коп.

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ